

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

А . И . С М И Р Н И Ц К И Й

**ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ
Я З Ы К**

Москва
1998

ББК 81.432.1 – 0я73
УДК 802.0 – 02(075.8)
С50

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

А.И. Смирницкий. Древнеанглийский язык.

Данная книга была задумана А. И. Смирницким как первая часть курса истории английского языка. Таким образом, помимо древнеанглийской части, она содержит также разделы, относящиеся к курсу в целом, как, например: «Английский язык и его место в германской группе языков»; «Периодизация истории английского языка и краткая характеристика периодов» и др.

ISBN 5-89042-047-X

© Филологический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга «Древнеанглийский язык» написана по рукописным материалам проф. А. И. Смирницкого и согласно проспекту и плану, утвержденным им при жизни.

Данная книга была задумана А. И. Смирницким как первая часть курса истории английского языка. Таким образом, помимо древнеанглийской части, она содержит также разделы, относящиеся к курсу в целом, как, например: «Английский язык и его место в германской группе языков»; «Периодизация истории английского языка и краткая характеристика периодов».

С другой стороны, поскольку в книге дается не только синхроническое описание древнеанглийской системы, но и происхождение этой системы, к рассмотрению широко привлекаются также и факты из других германских языков в следующих двух основных случаях: (1) когда они проливают свет на дописьменную историю английского языка и (2) когда бывает необходимо подчеркнуть особенности синхронической древнеанглийской системы по сравнению с языковыми системами других древнегерманских языков.

При подготовке книги к печати были использованы следующие рукописные работы автора:

1. Фонетика древнеанглийского языка
2. Германские языки
3. Древнегерманская письменность
4. Древнегерманское стихосложение
5. Древнегерманское ударение
6. Древнегерманская лексика
7. Аналитические формы

Первая работа («Фонетика древнеанглийского языка») целиком вошла в книгу и лишь незначительно была дополнена в соответствии с более поздними печатными работами А. И. Смирницкого.

Пять других работ были использованы лишь в той мере, в которой они освещали вопросы древнеанглийского языка и содержали необходимый сравнительный материал (см. выше). Кроме того, для написания книги были использованы записи курса лекций, читанного А. И. Смирницким в течение многих лет в Московском государственном университете.

При подготовке книги к печати имелось в виду максимально точно передать мысли А. И. Смирницкого, изложенные им в указанных выше работах или в лекционных курсах, а поэтому разделы, представленные меньшим количеством материала (в частности раздел синтаксиса), не дописывались, если для этого не было возможности использовать замечания или прямые указания, данные А. И. Смирницким в других работах, курсах лекций или личной беседе.

В. В. Пассек

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. В данной книге автор поставил себе целью дать описание системы древнеанглийского языка (его словарного состава, грамматического строя и звукового состава) и сообщить краткие сведения о происхождении этой системы. Книга предназначена для студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей, специализирующихся в области английской филологии, но она может быть также использована и теми, кто занимается изучением других языков германской группы.

Книга является в основном синхроническим описанием древнеанглийской системы. Этимологические экскурсы, даваемые в конце каждого раздела, играют подчиненную роль и имеют целью лучшее, более полное и всестороннее раскрытие особенностей древнеанглийской системы. Вместе с тем, синхроническое описание и этимология четко разграничиваются и в большинстве случаев даже даются отдельно.

§ 2. В связи с этим естественно возникает вопрос о соотношении между так называемыми диахронией и синхронией.

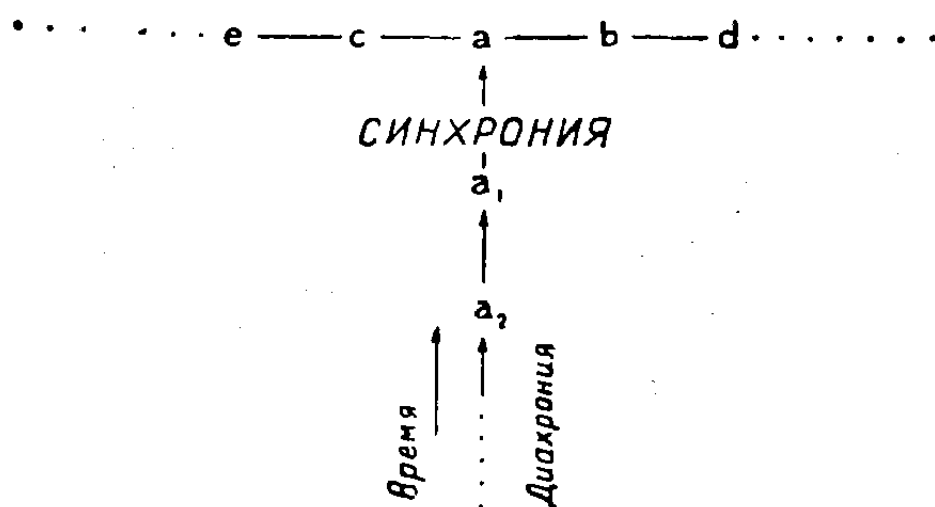
Фердинанда де-Соссюра, настаивавшего на необходимости строго различать диахронию и синхронию в исследовании языка (диахроническую и синхроническую лингвистику), и его последователей справедливо упрекают в том, что его школа пришла к «отрыву» синхронического изучения языка от его диахронического (исторического) изучения. Однако зачастую, стремясь избежать подобного «отрыва», должным образом не различают диахронию и синхронию. А ведь «отрыв» и строгое «различение» совсем не одно и то же.

Основная ошибка соссюрианства, включая современный буржуазный западноевропейский структурализм, в этом вопросе состоит в том, что диахрония рассматривается как область единичных явлений, а

язык как система изучается лишь в сфере синхронии. Иначе говоря, развитие языка изображается как изменение лишь отдельных, единичных явлений, а не как изменение системы, тогда как система изучается лишь в ее данности в определенный момент, как некоторое «сечение» или «поперечный разрез» языка, почему вместо развития системы языка получается смена одной системы другой. В этом и заключается действительный отрыв синхронии от диахронии и анти-историзм сосюрианства-структурализма.

Совершенно очевидно, что каждое конкретное явление языка, с одной стороны, связано исторической преемственностью с определенными предшествующими явлениями, которые представляют собой те или другие фазы развития данного явления, и вместе с тем, с другой стороны, связано определенными отношениями с одновременно с ним существующими явлениями. Так, русское слово **волк** по линии исторической преемственности связано с более древними его фазами **вѣлкъ** < ***wl̥kъ** < ***w'lkʰos**... и, вместе с тем, на данном этапе развития русского языка оно связано по линии словообразования со словами **волчица**, **волчий**..., по грамматической линии — с существительными такого-то типа склонения, по предметно-семантической — со словами **медведь**, **лиса** и пр.

В общем виде соотношение синхронии и диахронии для конкретной единицы **а** можно было бы изобразить так:

Из таблицы ясно, что различение диахронии и синхронии неизбежно. И необходимо, поэтому, различать и изучать обе линии связей, причем в процессе научного исследования может оказаться целесообразным и вполне оправданным в определенных случаях выделение той или другой линии. Но это не должно приводить к действительному отрыву обеих линий изучения друг от друга, и вот почему:

1) Изменение любой единицы языка происходит не как изменение изолированной единицы, не как изолированного факта, а как части системы. Следовательно, линия синхронии, т. е. единовременно существующей системы, не может не приниматься во внимание при изучении изменений языка, т. е. при диахроническом изучении.

2) Язык определенной эпохи — это язык существующий и развивающийся во времени, т. е. заключающий в себе момент диахронии: сделать поперечный разрез языка, не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно, так как фактор времени по самому существу входит в язык. Ведь любая единица языка есть то, что она есть, лишь при условии ее последовательного, закономерного развертывания во времени: морфема, слово, фразеологическая единица имеют начало и конец, определенное сле-

с
дование элементов во времени (стол, а не о л!). Та-

т
ким образом, и синхроническая система языка неизбежно должна рассматриваться во времени. При этом одни явления выступают как развивающиеся, другие — как отмирающие или окаменевающие, третьи — как относительно стабильные. Таким образом, развитие в языке новых явлений и отмирание или сохранение старых отражаются в самом характере тех или других единиц системы: эти единицы в любой данный момент имеют характер либо новых, либо устаревших или устаревших, либо нейтральных по отношению к изменению, но все же так или иначе отне-

сенных к развитию языка во времени, т. е. к его диахроническому аспекту.

Таким образом, изучение языка в синхроническом плане должно быть историческим по существу, т. е. учитывать неизбежно заключающийся в языке момент диахронии — известной протяженности и развития во времени. Но это не значит, что описание соответствующих явлений и их соотношений должно подменяться изложением их происхождения или что в одной картине должно даваться как настоящее, так и прошлое: подлинный историзм требует строгого различения того, что стало, и того, что было, качества нового и прежнего, уже утраченного, на месте которого это новое развилось. Бывшее, уже отжившее, утраченное, не должно мешать рассмотрению ставшего и становящегося нового в том виде, в каком оно исторически сложилось и продолжает развиваться.

§ 3. Другим важным вопросом, нуждающимся в специальном обсуждении в связи с тем, что данная книга ставит перед собой цель дать краткие сведения о происхождении древнеанглийской системы, является вопрос о методе получения этих данных — о сравнительно-историческом методе — и о том, в какой степени при помощи этого метода можно осветить письменную историю системы языка.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что сравнительно-исторический метод, — как особый, специальный прием лингвистического исследования, необходимо отличать от сравнительно-исторического изучения языков или языка.

Сравнительно-историческое изучение того или иного языка, как показывает само наименование, есть изучение данного языка в его историческом развитии сравнительно с другими языками. Сравнительно-историческое изучение языка или языков ставит перед собой широкие и разнообразные задачи: выяснение происхождения данного языка; определение характера исторических отношений между ним и другими языками, в частности — именно самих отношений род-

ства; исследование причин параллельного развития в этом языке; выяснение условий и путей влияния других языков на исследуемый и т. д. Соответственно, сравнительно-историческое изучение языка в целом пользуется различными специальными методами (приемами) в зависимости от того, какие частные конкретные результаты необходимо получить для решения более общих задач.

Так, для того, чтобы выяснить причины параллельного развития и причины расхождения между языками, необходимо прежде всего установить самые факты совпадения и различия и правильно описать их, сопоставив действительно соответствующие друг другу факты. Для этого сравнительно-историческое изучение должно воспользоваться сравнительно-описательным, или, как его нередко называют, сопоставительным методом. С помощью этого метода научно описываются факты данного языка в сравнении с соответствующими фактами другого языка, чтобы получить ясную картину соотношений между системами данных языков, отображающую действительные связи между отдельными частями и правильно различающую существенное и несущественное.

Далее, если история сравниваемых языков устанавливается на основе изучения письменных памятников, необходимо определить звучание, а нередко и смысловое значение того, что имеется в этих памятниках. Надо всегда помнить, что языковые памятники сами по себе не являются какими-либо отрезками речи на данном языке: они представляют собой только более или менее приблизительное изображение одной лишь внешней стороны определенных произведений. Здесь требуется применение специальных методов восстановления речи по ее шрифтовой записи, так как древнюю речь нельзя наблюдать непосредственно и написанное нельзя сопоставить с ее реальным звучанием. Тут речь может идти как об определении чтения отдельных букв и об установлении значения отдельных слов, так и о полной дешифровке всей совокупности имеющихся записей, в связи с чем можно выделить различные методы.

Так как история языка тесно связана с историей народа, которому принадлежит этот язык, то сравнительно-историческое изучение языка или языков не может обходиться без привлечения данных общественной истории, в частности, истории культуры, которые при известных условиях сводятся к данным археологии и этнографии. История, археология и этнография имеют свои специальные методы исследования. Привлечение же их данных к решению языковедческих вопросов требует дополнительной разработки особой исследовательской методики.

Здесь упомянуто далеко не все, но и то, что сказано, достаточно показывает сложность необходимого методического аппарата сравнительно-исторического изучения языков.

Сравнительно-исторический метод в собственном смысле слова является одной из важнейших составных частей этого аппарата. Какую же роль играет он и каковы непосредственные конкретные результаты, достигаемые им?

Сравнительно-исторический метод, как один из специальных приемов, необходимых для сравнительно-исторического изучения языков, можно определить так:

Сравнительно-исторический метод в языкознании в специальном смысле этого термина есть научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения материально соответствующих друг другу более поздних двух или нескольких конкретных языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по живому употреблению в устной речи.

Выше не случайно было сказано о восстановлении фактов в истории конкретных языков, а не о восстановлении самих этих языков в их не зафиксированном памятниками прошлом. Неоднократно отмечалось, что восстановить какой-либо язык как целую систему, а, следовательно, и как какой-либо пройденный и не закреплённый письменностью этап в истории известного языка, невозможно: восстановлению поддаются

лишь отдельные части бывшей, прошлой системы, лишь некоторая, бóльшая или меньшая, совокупность фактов, но не вся, уже исчезнувшая система во всем ее составе и строении. Таким образом, сравнительно-историческим методом можно продолжить историю языка вглубь не в целом, так сказать, не во всю ширину ее течения, но лишь отдельными полосами.

Не следует, однако, и преуменьшать того, что может быть восстановлено. Хотя восстанавливается и не вся прежняя система языка в целом, но лишь известные входившие в нее факты, все же эти факты восстанавливаемы в некоторой связи друг с другом, как составные части системы, а не как совершенно разрозненные явления. Что восстанавливаемо лишь в очень разрозненном и неполном виде, так это словарный состав как таковой.

Во всяком случае то, что все же поддается восстановлению, имеет огромное значение для изучения дальнейшей, уже письменной истории или современного состояния соответствующих языков, особенно их фонетического и грамматического строя и их словообразовательной системы.

Глава I

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК, ЕГО МЕСТО В ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЕ ЯЗЫКОВ

§ 4. Английский язык входит в германскую группу языков. Германские языки, существующие в настоящее время, делятся на две исторически сложившиеся подгруппы: 1) скандинавскую, или северногерманскую и 2) западногерманскую. Скандинавская подгруппа значительно меньше западногерманской по числу говорящих на соответствующих языках: в то время как на всех скандинавских (северногерманских) языках в общем говорят приблизительно 14 миллионов человек, количество говорящих на западногерманских языках в совокупности равняется почти 300 миллионам. Кроме того, следует заметить, что скандинавские языки в целом теснее связаны друг с другом, чем западногерманские.

Скандинавскую (северную) подгруппу германских языков составляют: исландский, ферейский, норвежский (имеющий два литературных образца¹), шведский и датский.

Западногерманскую подгруппу языков составляют следующие языки: английский, фризский, нидерландский (или голландский), включая фламандский, саффриканско-нидерландским (бурским), немецкий и еврейский (новоеврейский), или идиш.

§ 5. Английский и фризский языки в древности были очень тесно связаны друг с другом и поэтому

¹ Обычно употребляемый термин «литературный язык» не представляется удачным: он наводит на мысль о языке внутри языка.— *Ред.*

они нередко выделяются среди западногерманских языков как особая — англо-фризская — группа (вернее «подгруппа»); но исторические судьбы английского и фризского языков рано разошлись, и в настоящее время английский и фризский языки очень далеки друг от друга. Иного рода совокупность составляют языки нидерландский, африканско-нидерландский и фламандский, в высшей степени близкие друг к другу. Эти три языка имеют много общего с нижненемецким диалектом немецкого языка, тогда как новоеврейский (идиш) примыкает к верхненемецкому.

§ 6. Английский язык широко распространен во многих частях Британской империи и в Соединенных Штатах Америки.

В пределах Британской империи основной областью распространения английского языка является Великобритания, где на этом языке говорит подавляющее большинство населения; только на Севере и на Западе еще сохраняются кельтские языки (гэльский в Горной Шотландии, кимрский, или уэльсский, в Уэльсе). Помимо Великобритании, к числу важнейших областей распространения английского языка кроме территории США относятся: Ирландия (не только Северная Ирландия, но и Эйре, где на кельтском — ирском — языке говорит лишь часть населения), Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия и Новая Зеландия. Более или менее значительное число говорящих на английском языке имеется и в некоторых других странах, где основная масса населения говорит на других языках (так, например, в Индии).

В США английский язык распространен повсеместно, не считая отдельных поселений, где индейцы или позднейшие колонисты продолжают пользоваться своим родным языком.

§ 7. Английский язык неоднороден в различных местах его распространения. В Великобритании отчасти еще сохраняются старые территориальные говоры, очень многочисленные и разнообразные. Эти мелкие говоры

принято объединять в следующие диалекты: 1) Шотландский (Scots, Scotch, Scottish, также Lowland Scotch — равнинно-шотландский — в отличие от кельтского Highland Scotch — горно-шотландского; ср. выше) — к северу от реки Твид; 2) северный (или северно-английский) — в северной Англии между Твидом и Хамбером; 3) западный, 4) центральный и 5) восточный, образующие мидлендское наречие, или мидлендскую группу диалектов, — в средней Англии (Midlands), приблизительно между Хамбером и Темзой; 6) южный — к югу от Темзы.

Шотландский диалект, во многом близкий к северно-английскому, но существенно отличающийся от диалектов остальной Англии, занимает особое положение, так как до XVI в. Шотландия пользовалась собственным письменным литературным образцом, основанным на местном диалекте, и этот диалект применялся в литературе и в более позднее время (например, в поэзии Роберта Бернса, 1759—1796), уже в эпоху господства в Шотландии английского литературного образца. Таким образом, шотландский диалект представляет собой начинавший когда-то формироваться самостоятельный язык, низведенный до положения диалекта в результате распространения на его территории сравнительно близкого к нему английского языка в качестве общегосударственного языка и литературного образца.

Старые диалекты в Англии почти вытеснены общенациональным литературным образцом, но последний в различных частях страны принимает различную диалектальную окраску, так что исчезающее диалектальное дробление до известной степени отражается в областных вариациях разговорного национального языка. Когда в настоящее время говорят о северном, западном, южном английском и т. д., то нередко подразумевают именно областные вариации литературного образца, а не собственно диалекты. Этим вариациям разговорного национального языка противопоставляется так называемый «стандартный английский» (Standard English) — литературный образец, не имеющий местной диалектальной окраски и признаваемый за образцовый тип английской

речи. Наибольшего единообразия литературный английский образец достигает в письменной форме, так как особенности областных вариаций проявляются, главным образом, в произношении и в использовании таких слов и оборотов, которые в письменном литературном образце вообще неупотребительны. По своему происхождению национальный литературный образец представляет собой продукт смешения различных говоров, в основном — восточно- и центрально-мидлендских (см. также § 12).

Английский язык в Ирландии представляет собой особый диалект, значительно отличающийся от диалектов Великобритании. Также и (разговорный) литературный образец в Ирландии большей частью имеет заметную местную окраску. Подобным же образом английский язык в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканском Союзе имеет повсюду различные характерные особенности — в общем того же типа, что и особенности областных вариаций литературного образца. Кроме того, в каждой из этих стран в нем имеются отдельные особенности в лексике, определяемые специфическими местными условиями жизни, и эти особенности проникают отчасти и в письменный литературный образец. Однако, в основном, литературным образцом («стандартным английским») для различных частей Британской империи является тот же литературный образец, что и для Великобритании.

Английский язык в Соединенных Штатах Америки имеет целый ряд вариаций, различия между которыми, однако, далеко не так значительны, как между старыми говорами Великобритании. Эти вариации распределяются по трем диалектам: 1) диалект Новой Англии распространен на небольшой территории к северо-востоку от Нью-Йорка, приблизительно совпадающей с территорией тех штатов, которые объединяются под названием Новой Англии; 2) южный диалект распространен к югу от Пенсильвании и реки Огайо и далее на запад широкой полосой вдоль Миссисипи южнее слияния этой реки с Миссури, но не достигая на юго-западе мексиканской границы; 3) цен-

тра льно - за па д н ы й, или «общеамериканский» (General American), — на остальной территории США; на востоке этот диалект доходит до Атлантического океана (отделяя диалект Новой Англии от южного) и включает в свою область город Нью-Йорк. Наряду с особенностями, характерными для отдельных диалектов (главным образом, в произношении), американские диалекты имеют и общие им всем особенности (преимущественно в лексике и идиоматике), отличающие их в целом от английского языка в Великобритании. Целый ряд таких особенностей укоренился и в литературном образце Соединенных Штатов, с которым американские диалекты составляют в общем сравнительно единообразное целое. Самый образец английского языка в США является иным, чем в Великобритании и ее владениях. Таким образом, литературный английский образец в Соединенных Штатах и литературный английский образец в Великобритании (с ее доминионами и колониями) противостоят друг другу как два основных варианта английского языка: а м е р и к а н с к и й а н г л и й с к и й и б р и т а н с к и й а н г л и й с к и й — варианты одного и того же языка.

Глава II

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 8. Древнегерманские языки распадаются на три группы: 1) западные, 2) северные, или скандинавские, и 3) восточные языки.

1. Западная подгруппа включает в себя древнеанглийский, фризский, древнесаксонский и древненемецкий. Эти языки мы знаем по памятникам с VII в. (древнеанглийский) и с VIII в. (древненемецкий). По объему памятников древненемецкий уступает древнеанглийскому. Древнесаксонский известен еще меньше. Что касается древнефризского, то он засвидетельствован лишь в памятниках XIII века, т. е., по сути дела, в среднефризский период, однако он называется древнефризским, так как письменные памятники часто переписывались со старых копий.

2. Языки северной, или скандинавской, подгруппы до IX века были распространены на континенте, на Скандинавском полуострове и на островах, непосредственно примыкающих к Скандинавскому полуострову. Самым южным племенем, говорившим на языке скандинавской подгруппы, было племя данов (датчан). Южная часть теперешней Швеции была родиной датчан. Провинции Сконе, Блекинге, Халланд являются датскими провинциями по происхождению. Далее на север, в области озер Венер и Веттер, жило племя гаутов (Беовульф, см. § 15, был гаутом). Они подразделялись на западных и восточных гаутов. И сейчас вся эта область называется Götland, а западные и восточные районы этой области называются соответственно Västergötland и Östergötland. К северу от гаутов жили шведские —

вернее, свейские — племена. Язык свейских племен был очень близок к языку гаутов. Кроме того, принято выделять существовавший в древности гутнийский язык, на котором говорило население острова Готланд. К северо-западу от свейских племен находились земли „северных людей“ — норвежцев, у которых не было племенного названия (страна называлась *Norðvegr Северный путь*, т. е. имела не этнографическое, а географическое название). Таким образом, в древности на Скандинавском полуострове было четыре языка: западнскандинавский — норвежский — и восточнскандинавские — датский, шведский с гаутским, а также гутнийский, слившийся впоследствии со шведским.

В конце IX века начинается колонизация острова Исландии, обусловленная политическим объединением Норвегии и массовым переселением норвежцев со Скандинавского полуострова. В результате этой колонизации формируется новый язык — древнеисландский. Еще раньше началась колонизация Фарерских островов с последующим образованием ферейского языка.

3. Восточная группа представлена мертвыми языками. Единственным сохранившимся языком в письменных памятниках (перевод *Евангелия*, сделанный готским епископом Вульфиллой) является готский. Другие два языка этой группы — бургундский и вандальский — навсегда исчезли, оставив после себя лишь некоторое количество имен собственных. Готские тексты относятся к IV веку, однако, до нас они дошли в списке VI века. Объем этих текстов невелик и, кроме того, они однообразны. Тем не менее, значение готского языка велико, так как он представлен ранними письменными памятниками, которые позволяют судить о более древнем состоянии других германских языков, не засвидетельствованном в письменных памятниках, написанных на этих языках.

§ 9. Английский язык известен по письменным памятникам начиная с VII века нашей эры. Его история делится на три основных периода: 1) древнеанглийский — до исхода XI века; 2) среднеанглий-

ский — с конца XI до конца (или последней четверти) XV века; 3) новоанглийский — с конца XV века до настоящего времени. При общем постепенном развитии языка в его истории наблюдаются эпохи более быстрого и более медленного развития. Это и является основанием для деления истории языка на периоды. Эпохи более быстрого развития английского языка падают на XI и XV века, что дает возможность выделить их в качестве переходных граней между периодами. При этом XI и XV века обнаруживают большее сходство с предыдущими периодами, в результате чего грань между периодами представляется наиболее правильным провести в последней четверти XI и XV веков. Кроме того, при изучении истории языка бывает удобно (в целях классификации памятников и т. д.) назвать конкретные даты, отграничивающие периоды истории языка. Для английского языка в качестве таких дат обычно предлагается 1066 г. (норманское завоевание) и 1476 г. (введение книгопечатания в Англии), падающие на последнюю четверть XI и XV веков и в равной мере знаменующие изменение условий существования английского языка. Однако для того, чтобы подчеркнуть условность этих дат, представляется целесообразным округлить эти даты, назвав 1075 год и 1475 год как переходные между древним и средним, средним и новым периодами английского языка.

Что касается начала древнеанглийского периода, то его следует относить к V веку нашей эры, так как в этом столетии те древнегерманские говоры, из которых сложился английский язык, были принесены в Британию англо-саксонскими племенами и прочно заняли значительную часть ее территории: это обусловило, с одной стороны, их относительную изолированность от прочих древнегерманских говоров, а с другой — постоянную тесную связь между ними, превратившуюся в связь между говорами одного языка — древнеанглийского. Таким образом, древнеанглийский период начинается «долитературной эпохой», т. е. эпохой, не оставившей нам текстов на данном языке. Захватывая часть (примерно два века) древнеанглийского периода,

долитературная эпоха, естественно, включает в себя и предшествующий период — до V в., тот период, когда еще на материке, в иных условиях и при иных взаимоотношениях, развивались различные говоры, образовавшие впоследствии древнеанглийский язык. Этот период не может быть отделен от истории собственно английского языка, так как многие характерные особенности последнего, сравнительно с другими германскими языками, восходят ко времени до V века.

Следует тут же заметить, что вообще переселению не следует придавать большого значения. Переселение англо-саксов на Британские острова знаменовало выделение нового языка лишь в определенную эпоху. В более поздний период в результате переселения англичан в Америку, Австралию и т. д. не образовалось нового языка: средства сообщения, печать, радио, кино и т. д. не дали возможности возникшим таким образом диалектам и вариантам выделиться в самостоятельные языки.

§ 10. Древнеанглийский язык образовался из говоров различных германских племен, населявших в IV—V вв. н. э. Ютландию и северо-западные области Германии, прилегающие к Северному морю. Важнейшими из этих племен являются англ, саксы и юты. В V в. (по преданию — в 449 г.) они начали завоевание и заселение Британии, которая до начала этого века (410 г.) была римской провинцией, но основное население которой оставалось кельтским и лишь частично подверглось романизации. К VII веку германские племена захватили большую часть острова, и за местным кельтским населением сохранились лишь северная Шотландия (к северу от залива Ферг-оф-Форт) и отдельные области на западе (Стрэтклайд, Уэльс и Корнуол). На захваченной территории образовалось несколько государств. Первыми вторглись на Британские острова юты, которые поселились в Кенте, на острове Уайт и на противоположной острову полосе Британии. К западу и северу поселились саксы, вторгшиеся на остров вслед за ютами; в некоторых местах саксы переходили реку Темзу. К северу от саксов земли были захвачены англами.

Многочисленные говоры англов, саксов, ютов и некоторых других племен, рано утративших свою самостоятельность, сгруппировались в Британии в несколько относительно крупных диалектов, составляющих древнеанглийский язык. Этот язык стал называться *Enȝlisc*, т. е. *английский*, собственно, *англский* — по имени англов (*да. Enȝle*). Отсюда и современное название английского языка — *English*. Но нередко древнеанглийский язык называют также *англо-саксонским*, так как германское население Британии древнеанглийского периода принято обозначать названием *англо-саксы*. Это название населения прочно утвердилось в науке. Изредка оно встречается и в древности, но обычно в древнеанглийских источниках все *англо-саксы*, независимо от первоначальной принадлежности к тому или другому племени, называются *англами* или „*английскими (людьми)*“ — *Bā Enȝliscan* (*menn*). Имя саксов употреблялось преимущественно в названиях отдельных государств и областей и сохранилось до сих пор в географических названиях *Essex*, *Middlesex*, *Wessex*; имя же ютов очень рано исчезло в Британии.

Из древнеанглийских диалектов по письменным памятникам достаточно известны четыре: 1) *нортумбрийский* — диалект Нортумбрии, — государства, занимавшего территорию к северу от реки Хамбер; 2) *мерсийский* — между Хамбером и Темзой, в пределах государства Мерсии; 3) *уэссекский* (или *западносаксонский*, *West Saxon*) — преимущественно в областях южнее Темзы, входивших в состав государства Уэссекс; 4) *кентский* — на крайнем юго-востоке острова, в Кенте. Нортумбрийский и мерсийский диалекты по своему происхождению являются *англскими* и имеют ряд общих характерных черт; уэссекский объединяет большинство *саксонских* говоров Британии, кентский — большинство *ютских*.

Глава III

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

§ 11. В древний период английский язык был распространен на небольшой территории. Число говорящих на английском языке исчислялось приблизительно одним миллионом. Язык существовал в совокупности племенных диалектов. Единый литературный образец в этот период отсутствовал.

Количество слов исчислялось несколькими десятками тысяч. Заимствованных слов было сравнительно мало, не больше одной тысячи. При этом основная масса заимствований проникла в английский язык из латыни.

Грамматический строй в древнеанглийский период характеризовался довольно развитой системой окончаний. Древнеанглийские окончания в большем количестве случаев, чем в современном английском языке, выражали грамматические значения синтетически, т. е. совмещали значения нескольких грамматических категориальных форм: ср. (fisc)-as — именительный падеж, и множественное число.

Фонетический состав древнеанглийского языка характеризовался, прежде всего, тем, что в безударном положении различалось несколько гласных звуков, а с их помощью и формы слов: ср. *да. scīpe кораблю, scīpu корабли и scīra кораблей*. В отличие от древнеанглийского языка в современном английском языке различение форм основывается больше не на противопоставлении гласных, а на противопоставлении согласных: ср. *на. works [wə:ks] — настоящее время — и worked [wə:kt] — прошедшее время*. Кроме того, фонетический состав древнеанглийского языка характеризовался па-

раллелизмом гласных: каждому краткому гласному в этот период соответствовал долгий гласный того же качества (ср. *ǣ*. *i* — *ī*, *y* — *ȳ*, *e* — *ē*, *æ* — *ǣ*, *a* — *ā*, *o* — *ō*, *u* — *ū*, *ie* — *īe*, *eo* — *ēo*, *ea* — *ēa*). В древнеанглийском языке отсутствовали дифтонги сужения на *i* и *u* и шипящие согласные ([ʃ], [tʃ], [ʒ], [dʒ]) и имелся задненёбный глухой фриктивный звук [χ].

§ 12. В среднеанглийский период происходит расширение территории и числа говорящих на английском языке. Он выходит за пределы Великобритании и распространяется на всю территорию Британских островов, включая Ирландию. На английском языке говорят уже около 4 миллионов человек. Старое деление на племенные диалекты, начавшее стираться еще в древнеанглийском, перекрывается новым делением — делением территориальным. Меняется название страны: в древнеанглийский период страна называется по племени (*Ānglescyn* — „племя англов“), в среднеанглийский период — по территории (*Engleland* — „земля англичан“). Попрежнему отсутствует единый литературный образец; в письменности употребляются различные диалекты. В государственных сферах используется французский язык; он же известное время является языком аристократической верхушки. Для написания правовых и некоторых других документов используется латынь.

Среднеанглийский язык в течение долгого времени развивался под непрерывным интенсивным влиянием, с одной стороны, скандинавских говоров, с другой — французского языка, принесенного в Англию норманским завоеванием этой страны в 1066 году.

Скандинавские говоры в Англии в XI—XIII вв. постепенно растворились в английском языке, который при этом воспринял множество скандинавизмов (особенно в северо-восточных говорах, так как наибольшее число скандинавских поселений приходилось на северо-восток Англии). Несомненно, что скрещивание скандинавских говоров с английским в известной мере способствовало упрощению старой морфологической системы английского языка: это упрощение было наиболее быстрым и

радикальным на северо-востоке, т. е. именно в областях наибольшего скандинавского влияния.

Французский язык первоначально распространялся в Англии главным образом в форме норманского диалекта, смешанного с элементами северо-восточных французских говоров (пикардийский и др.). На английской территории этот смешанный диалект вскоре обособился от французских диалектов континента, от которых его принято отличать как англо-французский (Anglo-French), или англо-норманский (Anglo-Norman). По отношению к английскому языку он занял господствующее положение как язык двора, феодальной знати, правительственных учреждений, школы и вообще как основной язык письменности (наряду с латынью). Постепенно все большее и большее количество французских (англо-французских) слов стало проникать в английский язык. В своей массе эти слова ярко отражают положение, образ жизни, деятельность и интересы тех общественных слоев, которые исключительно или преимущественно пользовались французским языком (ср. *на. court двор, duke герцог, state государство, estate имение, judge судья, army армия, faith верность, вера, art искусство, grammar грамматика* и т. п. из французского). Господство французского языка кончается во второй половине XIV века, но относительно наибольшее количество заимствований из него приходится как раз на это время: английский язык, вытесняя французский, особенно нуждался в обогащении своей лексики теми элементами, которыми располагал последний. Нужно, однако, заметить, что уже в XIII веке французский язык начал терять в Англии характер живого разговорного языка и постепенно превращался в традиционный официальный язык. В связи с этим более поздние заимствования делаются преимущественно уже не из англо-французского, но из центрально-французского (парижского, или франсийского), получившего преобладание в XIII веке. Заимствований из других языков, сравнительно с числом скандинавских и французских заимствований, в среднеанглийский период было немного.

Господство французского языка оборвало древне-

английскую (уэссекскую) письменную традицию, что содействовало усилению диалектальной раздробленности в среднеанглийский период. Общая совокупность среднеанглийских говоров делится на 4 крупных диалекта: 1) шотландский — на севере, 2) северный — между реками Твид и Хамбер, 3) центральный, или мидлендский — между Хамбером и Темзой и 4) южный — на юг от Темзы. Шотландский и северный диалекты продолжают собой древний нортумбрийский диалект. Первоначально очень близкие друг к другу, к исходу среднеанглийского периода они заметно обособляются, причем на основе шотландского диалекта в XIV веке начинает образовываться самостоятельный шотландский литературный образец (*Inglis* < *enȝlisc*: северная часть Нортумбрии объединилась с кельтскими областями на севере Великобритании и образовала вместе с ними особое королевство — Шотландию). Мидлендский диалект соответствует древнему мерсийскому и говорам Восточной Англии (*East Anglia*). В южном диалекте старые кентские говоры продолжают отчетливо отделяться от старых уэссекских.

Во второй половине XIV века, в то время, когда французский язык уступает свое место английскому, на основе лондонского говора начинает складываться общенациональный литературный образец Англии. В Лондоне, первоначально входившем в саксонскую диалектальную область, к XIV веку говор значительно изменился: он приобрел смешанный характер, с преобладанием восточномидлендских (англских по происхождению) особенностей над южными (саксонскими и кентскими). Таким образом, общенациональный английский литературный образец, в основном, восходит не к уэссекскому диалекту, господствовавшему в древнеанглийской письменности, но к восточноанглским говорам, которые отчасти входили в состав мерсийского диалекта, отчасти же, вероятно, образовывали особый диалект Восточной Англии (графства Норфольк и Суффольк), неизвестный по письменным памятникам древнеанглийского периода. Классическим образцом лондонского говора XIV века в его литературном оформлении является язык круп-

нейшего писателя английского средневековья — Чосера (G. Chaucer, 1340—1400).

Среднеанглийский язык отличается от древнеанглийского: большей зависимостью долготы и краткости ударных гласных от их положения в слове; отсутствием старых дифтонгов и множеством новых; совпадением различных безударных гласных большей частью в одном редуцированном звуке, обычно изображаемом через *e* (ср. *да. mōpa луна* > *са. mōpe*; *да. talu число, счет, перечень* > *са. tāle число, счет, перечень, рассказ*; реже вместо такого *e* встречаются *i, u*); шипящими переднеязычными согласными на месте палатальных (*да. benc скамья* > *са. bench* [bentʃ]; *да. есз лезвие, острый край*, где *сз* обозначает палатальное двойное [g'], > *са. edge* [édz(e)]); сильно разрушенной системой флексии, упрощающейся все более и более, и значительным развитием аналитических (составных) форм; очень неоднородным лексическим составом, в котором особенно выделяется непрерывно нарастающий слой французских заимствований, ставший в позднесреднеанглийском (XIV—XV вв.) одним из важнейших слоев английской лексики.

§ 13. Новоанглийский язык первоначально оставался приблизительно в тех же пределах, которыми ограничивалось распространение среднеанглийского. Но уже в XVI веке началась систематическая колонизация Ирландии, повлекшая за собой внедрение английского языка в эту страну. В самом начале XVII века появились английские поселения в Северной Америке, и в течение XVIII—XIX вв. английский язык распространился на большую часть этого материка (США и Канада). В XVIII и XIX вв. английский язык проник, вместе с английской колонизацией, и в другие страны, входящие в сферу современного его распространения. В самой Великобритании его территория также продолжала расширяться и в новоанглийский период за счет кельтских языков, и число говорящих на английском языке увеличилось там за этот период примерно в 10 раз.

Образование национального английского языка, в основном, завершилось в так называемый ранненовоанглий-

ский период — приблизительно до середины XVII века. За это время национальный английский язык в общем приобрел свой современный характер: произошел «великий сдвиг гласных» ('the Great Vowel Shift'), представляющий собой коренное изменение среднеанглийских долгих гласных звуков, многие из которых в конце концов превратились в дифтонги (ср. *са. īs лед* > *на. ice* [aɪs]; — *са. hē он* > *на. he* [hi:]; — *са. tāle рассказ* > *на. tale* [teɪl]; — *са. ȝk дуб* > *на. oak* [oʊk]; — *са. mōne луна* > *на. moon* [mu:n]; — *са. hū, how как* > *на. how* [haʊ]); редуцированный безударный гласный *е* во многих положениях исчез, в частности — в конце слова (ср. выше примеры *tale, moon*; также *са. loved(e) любил* > *на. loved* [lʌvd] и т. п.); флексия сократилась до минимума (так, например, прилагательные стали неизменяемыми словами, если не считать степеней сравнения), твердый порядок слов и аналитические (составные) формы сделались важными элементами грамматического строя; лексика обогатилась огромным количеством слов, заимствованных из латыни, в которых отразилось развитие научной мысли в эпоху Возрождения. Вместе с тем и старые заимствования из французского (латинского происхождения) во многих случаях подвергались латинизации в эту эпоху (ср. *итфр. са. langage язык* > *на. language* — с *и* под влиянием *лат. lingua*). Развитие связей с различными странами на протяжении новоанглийского периода и, в частности, английская колонизация заокеанских земель в XVII—XIX вв. ввели в английский язык большее или меньшее число слов из самых разнообразных языков мира. В новейшее время значительно вырос «интернациональный» лексический элемент в английском языке (главным образом, научно-технические и, отчасти, общественно-политические термины).

Большинство фонетических изменений новоанглийского периода не отразилось в орфографии, вследствие чего в английском языке образовался большой разрыв между произношением и правописанием (ср. примеры, приведенные выше).

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 14. За исключением немногих рунических надписей, все письменные памятники древнеанглийского языка исполнены несколько видоизмененным латинским письмом (см. §§ 28—31).

Уэссекский диалект гораздо полнее других сохранен письменностью. Поэтому в качестве образца древнеанглийского языка обычно берется именно этот диалект и, если не делается особых оговорок, под древнеанглийскими фазами слов¹ в первую очередь подразумеваются уэссекские диалектные варианты. Однако до IX в. памятники уэссекского диалекта незначительны (отдельные грамоты). Тексты большого объема, написанные на этом диалекте, появляются в конце IX века. Сюда относятся переводы с латыни, сделанные королем Альфредом (годы правления 871—901): перевод *Cura Pastoralis* (Обязанности пастыря) папы Григория I с предисловием Альфреда, перевод *De Consolatione Philosophiae* (Об утешении философии) римского философа Боэция, а также перевод *Мировой истории* (*Historiarum adversus paganos libri septem*, т. е. *Семь книг истории против язычников*) испанского священника Орозия. Из всех книг, переведенных королем Альфредом с латинского языка, перевод *Мировой истории* является особенно ценным благодаря собственным вставкам Альфреда. Эти вставки, будучи хорошими образцами непереводной прозы раннего уэссекского диалекта, представляют не только лингвистический интерес, они также содержат очень интересные географические и этногра-

¹ Обычно говорится о древнеанглийских формах слов. Автор же употребляет термин «форма» для обозначения грамматической формы.

фические сведения об эпохе короля Альфреда. Вставки представляют собой описание некоторых частей Европы и повествование о путешествиях Охтхере и Вульфстана. Первое путешествие Охтхере, богатого норвежца с острова Хельгеланд (да. Hälzoland), было в Белое море, второе—в Шлезвиг; Вульфстан (датчанин?) плавал в Балтийское море от Шлезвига до Фрише Хаф.

Важным памятником древнеанглийского периода является *Англо-саксонская летопись (хроника)*. *Англо-саксонская летопись* представляет собой ряд параллельных объединенных в книге записей событий. Эти записи велись в англо-саксонских монастырях, начиная с VII века. Во второй половине IX века они были объединены и пополнены в Уинчестере, столице Уэссекской Англии. Эти ранние Уинчестерские летописи впоследствии переписывались в самом Уинчестере и в других местах Англии (Abingdon, Canterbury, Worcester, Peterborough), увеличиваясь за счет более поздних вставок и ежегодной записи последующих событий. Из всех рукописей наиболее важными являются две: Parker'ская рукопись, записи в которой вплоть до 891 г. сделаны на уэссекском диалекте переписчиком IX столетия, и которая, таким образом, является наиболее ранней из сохранившихся рукописей, и так называемая Peterborough'ская летопись, в отличие от других летописей продолжающаяся вплоть до 1154 г.; последние записи в ней (1122—1154), написанные на северо-восточном мидлендском диалекте того времени, представляют собой весьма ценный образец языка раннего среднеанглийского периода. Язык переводов Альфреда и древнейшей части англо-саксонской хроники отличают от позднейшего уэссекского как староуэссекский, или раннеуэссекский.

Важнейшим из позднеуэссекских памятников являются многочисленные произведения аббата Эльфрика, жившего в конце X и начале XI века. Лучшие рукописи его произведений, написанных на английском языке (Эльфрик писал также на латинском языке), дают образцы классического уэссекского диалекта в его расцвете. Основными работами на английском языке у Эльфрика являются его многочисленные проповеди,

грамматика и глоссарий английского языка, *Жития святых* и переводы *Ветхого Завета*. К началу XI века относятся также проповеди Вульфстана.

Нортумбрийский диалект известен по небольшому числу памятников, из которых наиболее ценны древнейшие, относящиеся к VII—VIII вв. (*Гимн Кэдмона*¹, предсмертная песнь Беды², надписи на так называемом руническом ларце, или ларце Фрэнкса³; возможно, что к этой же эпохе принадлежит и надпись-стихотворение на Рутуэльском кресте⁴). Некоторые из нортумбрийских памятников представляют собой рунические надписи (важнейшие из них — упомянутые выше надписи на ларце Фрэнкса и на Рутуэльском кресте). К более позднему времени относятся построчные переводы с латыни (главным образом евангельских текстов), являющиеся наиболее значительными по объему памятниками нортумбрийского диалекта.

Мерсийский диалект представлен глоссами и построчными переводами латинских текстов религиозного содержания. Важнейшие из мерсийских глосс относятся к VIII веку (*Эпинальская рукопись* и др.).

¹ Кэдмон — первый из английских поэтов, имя которого сохранилось. Он жил в Йоркшире и умер предположительно около 680 г. в монастыре, находившемся в Streaneshealhe (Уитби). Из всех стихов, когда-то приписывавшихся Кэдмону, только *Гимн* является бесспорно его собственным произведением.

² Бёда, обычно называемый Бёда Достопочтенный (673—735), был англо-саксонским священником и историком. Его главная работа *„Церковная история английского народа“* (*Historia Ecclesiastica gentis Anglorum*), написанная по латыни в 731 г., а в IX в. переведенная на древнеанглийский язык, является одним из весьма важных источников для изучения древней истории Британии, хотя Бёда и не всегда четко разграничивает в ней действительные события и легенды.

³ Рунический ларец, или ларец Фрэнкса, сданный в Британский музей Авг. Фрэнксом, английским археологом, представляет собой ящичек 9 дюймов длиной, сделанный из китовой кости. Почти на всей поверхности ларца вырезаны эпизоды из древнегерманских, древнеримских и библейских сказаний. Каждое резное изображение окаймлено древнеанглийскими руническими надписями.

⁴ Каменный крест близ деревни Рутуэл (Ruthwell) на юго-западе Шотландии с небольшим стихотворением религиозного содержания.

Кентский диалект известен по очень древним грамотам — с конца VII века; далее — по глоссам и по двум небольшим переводным текстам более позднего времени (псалом и гимн).

§ 15. Особое положение занимают довольно многочисленные поэтические памятники древнеанглийского языка. За исключением отдельных небольших стихотворений на нортумбрийском диалекте (см. выше), древнеанглийские поэтические произведения сохранились в сравнительно поздних рукописях, для языка которых характерно смешение уэссекских особенностей с особенностями других диалектов, преимущественно англских. По поводу этого смешения существуют, в основном, две точки зрения. Ряд лингвистов приписывает это смешение тому обстоятельству, что англо-саксонским поэтам приходилось переходить от двора к двору, сталкиваясь при этом с разными диалектами. С другой стороны, это их вынуждало творить на более понятном языке. Тем не менее, чтобы сделать свой язык не совсем обычным, они включали в него диалектальные моменты (ср. «аканье» в русских песнях, в диалектах, где вообще наблюдается «оканье»). Другие лингвисты относят подобное смешение за счет того, что большинство ранних поэтов были англы (Кэдмон — нортумбриец, Бэда — нортумбриец, Кюневульф — англ). Неанглские черты объясняются ими более поздней перепиской другими писцами. Приводится в доказательство *Гимн Кэдмона*, дошедший до нас в двух списках: нортумбрийском — без особенностей — и уэссекском — с особенностями уэссекского диалекта. Бесспорно, смешение в большой степени обуславливалось как перепиской англских оригиналов уэссекскими писцами, так и соединением черт различных диалектов в языке самих англо-саксонских поэтов. Однако следует указать также на вполне реальную возможность смешения диалектов в самой жизни.

Важнейшим и во многих отношениях крайне ценным поэтическим памятником древнеанглийского периода является героическая поэма *Беовульф* (или *Песнь о Беовульфе*), созданная неизвестным поэтом, повидимому,

в самом начале VIII века. В основу произведения легли мифологические рассказы, героические песни и саги скандинавского происхождения, повествующие о действительно имевших место исторических событиях. Одно из таких событий, военный поход Нутелас'а (стих 1202 и др.), упоминается Григорием Турским в его *Истории франков* между 512—520 гг. В целом создание *Беовульфа* относится к временам язычества, отражая нравы, обычаи и интересы скандинавских и англо-саксонских племен V—VI вв. Те немногие места, в которых отражена христианская религия, могут принадлежать как перу самого автора, так и поэту более позднего времени. Принято считать, что *Беовульф* первоначально был написан на англском (мерсийском диалекте). Однако единственная рукопись, дошедшая до наших дней, написана, в основном, на уэссекском диалекте лишь с некоторым вкраплением англских форм. Рукопись датируется приблизительно 1000 годом и написана двумя переписчиками. Почерк первого переписчика кончается на 1939 стихе. В части поэмы, написанной другим переписчиком, встречаются также формы кентского диалекта. Весьма существенно отличается и орфография двух частей. Весь текст сохранившейся рукописи содержит 3182 стиха, разделенных на 43 главы, написанные сплошным текстом, как проза; между стихами нет знаков разделения. Многие буквы, а в ряде случаев и целые строки, сейчас полностью отсутствуют. Рукопись была особенно сильно попорчена во время пожара 1731 года, когда был поврежден пергамент и его обуглившиеся края осыпались. К *Беовульфу* близки по своему характеру некоторые небольшие поэтические произведения героического, а отчасти и лирического содержания.

Другую группу памятников древнеанглийской поэзии составляют переложения христианских легенд и преданий. Имеются также стихотворения, посвященные отдельным событиям англо-саксонской истории (сюда относятся, например, поэтические вставки в *Англо-саксонской летописи*, в которых описываются битвы со скандинавами, вторгшимися в Англию — битва при Бруннбурге, битва при Малдоне).

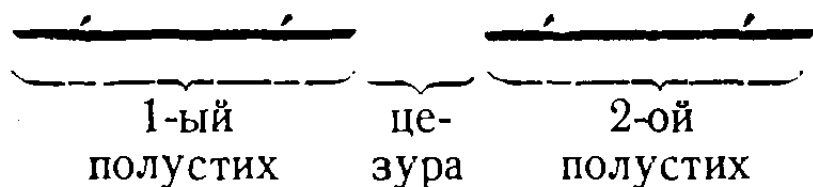
СТИХОСЛОЖЕНИЕ

§ 16. К числу поэтических произведений древнегерманских языков, выделяющихся своей архаичностью, наряду с древнеанглийской *Песней о Беовульфе*, относятся некоторые мифологические и героические песни древнескандинавской (древнеисландской) Эдды, древне-немецкая песнь о Хильдебранте и несколько других менее значительных стихотворений того же характера. По своим поэтическим приемам и стихотворной форме к кругу этих произведений примыкают и ранние памятники христианского религиозного содержания, как, например, древнеанглийские и древнесаксонские переложения *Книги Бытия* (*Genesis*), древнесаксонский *Хелианд* (*Heliand* — *Спаситель*), древневерхненемецкое *Muspilli* и некоторые другие стихотворения на различных языках, главным образом — на древнеанглийском. Характерная для Норвегии и Исландии поэзия скальдов, поэтов скандинавской военно-землевладельческой аристократии IX—XIII вв., хотя во многом и представляет собой особую, своеобразно изысканную струю в древнескандинавской поэтической литературе, в общем все же не может быть совершенно отделена от более простой и архаичной эддической поэзии. К этой последней по своему стилю близки и многие поэтические строфы в древнеисландских сагах, а также и в скандинавских рунических надписях IX—XII веков.

При всех различиях в стихотворной форме между отдельными произведениями — в зависимости от их языка, эпохи, содержания и т. д., — в целом для поэзии на древнегерманских языках все же характерны известные общие организующие принципы стихосложе-

ния, в частности характерные и для древнеанглийских поэтических произведений. Важнейшими из этих принципов являются: 1) построение ритма на основе ударения и 2) объединение стиха так называемой аллитерацией (см. ниже). Оба эти принципа связаны с тем, что в древнегерманских языках было сильное экспираторное ударение, обычно выделявшее первый слог слова или, по крайней мере, первый слог его основной части (т. е. первый слог, следующий за приставкой, ср. § 32).

§ 17. Ударение. Наиболее типичный древнегерманский стих (полный, или целый, стих) содержит 4 главных ударения ('), которые распределяются поровну между двумя полустихами, разделенными цезурой:

Таким образом, на каждый полустих приходится по 2 главноударных слога¹. Число же безударных слогов может значительно варьироваться. Помимо главных ударений в ритме стиха известную роль играют и второстепенные ударения ('). Чередование главноударных, второстепенноударных и безударных слогов в отдельных стихах одного и того же произведения может быть очень различным, что создает своеобразный подвижный ритм со многими вариациями основных типов.

Смотрите следующий пример из *Беовульфа*²:

“Béowulf máðalòde, béarn Écþrēowes:
 “Ne sórga, snótor zúma! Séire bið æðhwæm,
 þæt hē his frēond wréce, þonne hē féla múnne; ...”

¹ Нередко стихом, а именно — «кратким стихом» (краткой строкой), называется каждый отдельный двухударный полустих. В таком случае весь четырехударный стих представляет собой пару (кратких) стихов или «долгий стих».

² Цезура обозначена пробелом. Второстепенные ударения обозначены лишь там, где они существенно необходимы.

„Беовульф молвил, отпрыск Эгтеова:
 — Не печалься, разумный муж! Лучше каждому,
 чтобы он за своего друга ото- чем (он) много го-
 мстил, ревал бы...“
 (Беовульф, 1383)

Сравните также примеры из других древнегерманских поэтических произведений:

Féll hēr ī mǫrgon at Frékastéini
 búðlungr sǎ er vār bátstr und sólo.
 „Пал здесь утром у Фрекастейна
 Князь тот, что был лучшим под солнцем“.
 (Эдда, 39)

gárutun sē iro gūðhamun, gúrtun sih iro suért āna
 hélidos ubar hríngā dō sie to dero hiltiu ritun.
 „приготовили себе свои опоясались своими мечами
 боевые облачения,
 герои поверх кольчуг, когда они в ту битву ехали“.
 (Хильдебрант, 5)

Кроме того, для ритма имела известное значение и длительность (долгота или краткость) слогов: долгие слоги выступали в стихе в качестве главноударных вообще более свободно, чем краткие.

Главное ударение в стихе обычно падает на те слоги, которые имели бы главное ударение и в прозе. Но иногда и второстепенное ударение обыкновенной речи может играть роль одного из 4-х главных стихотворных ударений, т. е. достигать силы главного ударения. В особенности это касается второстепенного ударения на 2-ой части сложного слова. Так, например, *да. Vfo-wúlfe Беовульфу* встречается в стихах с главным ударением на обеих частях: *Vfo-wúlfe (Беовульф, стих 2324)*. Ср. также *ди. Fréka-stéini* в приведенном выше примере из Эдды.

§ 18. Аллитерация в древнегерманском стихе представляет собой созвучие начальных элементов главноударных слогов. Большей частью аллите-

рация образуется повторением одного и того же согласного: ср. *да.* Bēowulf: bearn; — sorȝa, snotor: sēlre; — frēond: fela; ср. также *ду.* fell: Frekasteini; — buðlungr: batstr; *двн.* garutun, gūðhamun: gurtun; — helidos, hringā: hiltiu.

Иногда аллитерируют друг с другом и не вполне тождественные, но лишь однотипные согласные; например, [g] и [g'/j] в древнеанглийском, на письме изображаемые через ȝ; ср. ȝār — [gār] *копье* (|| *нем.* Ger) и ȝear — [g'æar/jæar] *год* (*англ.* year || *нем.* Jahr) в первом стихе *Песни о Беовульфе*:

Hwæt wē ȝār-dēna in ȝear-dāȝum ...

„Как мы копьеносных датчан в былые дни...”

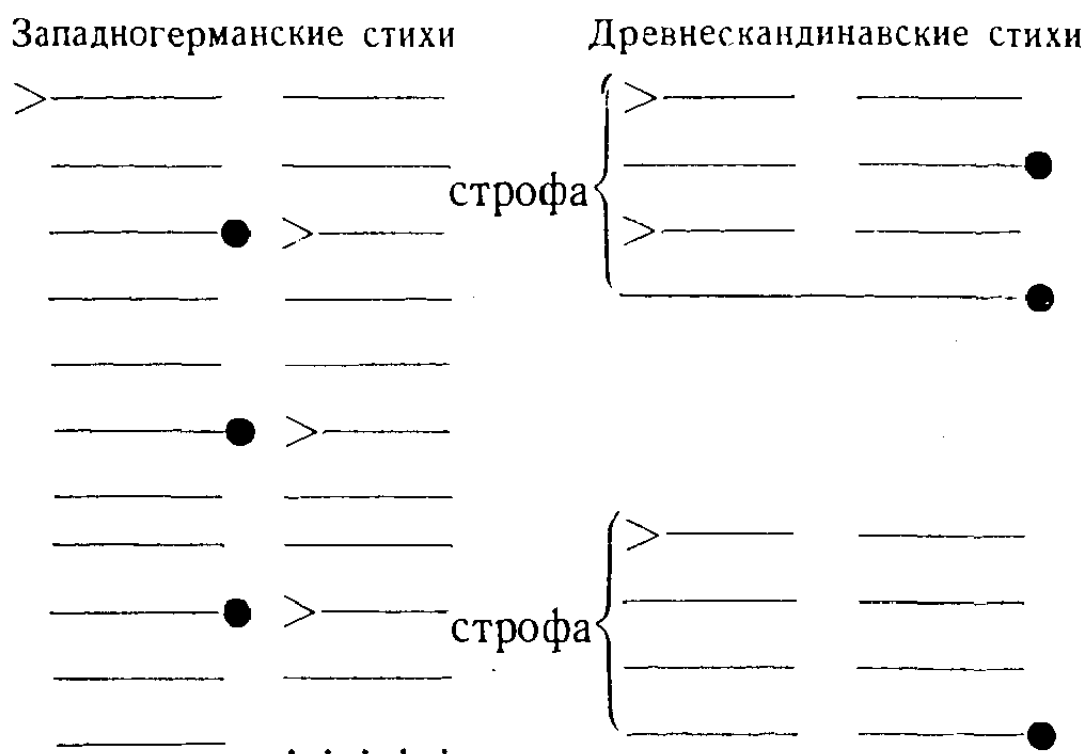
(ȝear-dāȝas — ‘*годов дни*’, ‘*былые дни*’).

Некоторые сочетания согласных, а именно: **sp, st, sk (sc)**, выступают в аллитерации как неразложимые элементы, т. е. каждое такое сочетание повторяется целиком и аллитерирует только само с собой: ср. *да.* Scēotend Scýldinȝa tō scýpon féredon „*Стрелки Скильдингов на корабли переправили*“ (*Беовульф*, 1154). Наоборот, все гласные могут аллитерировать друг с другом: ср. *да.* æfele órdfruma Écȝrēow hāten „*благородный предводитель, Эгтеов по имени*“ (*Беовульф*, 263). Возможно, что аллитерация различных гласных друг с другом объясняется тем, что гласные в начале ударного слога имели сильный приступ, т. е. начинались с гортанного взрыва (*англ.* glottal stop, *нем.* Kehlkorpfeinsatz, Knacklaut), который собственно и образовывал аллитерацию.

Из 4-х главноударных слогов стиха аллитерация охватывает 2 или 3, причем в 1-ом полустихе она приходится либо на один, либо на оба слога, имеющих главное ударение, тогда как во 2-ом полустихе обычно аллитерирует лишь один слог, а именно — первый главноударный в этом полустихе (т. е. 3-ий главноударный, считая от начала стиха; ср. примеры, приведенные выше).

§ 19. Важнейшее различие между западногерманским и древнескандинавским стихосложением состоит

в том, что произведения древнескандинавской поэзии характеризуются строфическим строением, тогда как западногерманские стихи в строфы не организуются. Вместе с этим в древнескандинавской поэзии конец предложения обычно совпадает с концом стиха, тогда как в западногерманской поэзии конец предложения (а, следовательно, и начало нового предложения) часто приходится на цезуру внутри стиха. Ср. следующие схемы, где каждый полустих представлен чертой (—), начало предложения — знаком > и конец предложения — черным кружком (●).

Кроме того, западногерманские четырехударные стихи нередко отличаются бóльшим количеством безударных и второстепенноударных слогов от более коротких и в общем более равномерных древнескандинавских стихов.

Глава VI

ГРАФИКА И ЗВУКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ

§ 20. За исключением небольшого числа рунических надписей (ср. § 25), памятники древнеанглийского языка исполнены латинским письмом, большей частью так называемым *инсулярным* («островным», ирландского происхождения, ср. § 31).

Древнеанглийский латинский алфавит отличается по своему составу от обычного наличием дополнительных знаков, *þ*, *ð*, *ƿ* (ср. § 29), а также лигатуры *æ* (= *a* + *e*) как постоянного особого знака, употребляющегося не спорадически лишь в отдельных написаниях, но регулярно наряду с остальными буквами. Кроме того, следует заметить, что *v* и *j* еще не применяются как самостоятельные знаки, отличные от обычных *u* и *i* (которыми могли обозначаться и полугласные), а буквы *k*, *q* и *z* встречаются очень редко (*k* и *q* вместо *c*; *z* вместо сочетания *ts*, а также в заимствованиях: ср. *Lazarus* *Лазарь*).

В современных изданиях буквы *þ* и *ð*, а также и *æ*, сохраняются как таковые (*ð* печатается как *ð* и как *ḥ*), буква *ƿ* обычно заменяется буквой *w*¹, а прочие буквы англо-саксонского письма передаются соответствующими современными, за исключением буквы *ȝ* (= *g*), которая нередко сохраняется в ее старой древнеанглийской форме, но часто и заменяется обычным современным *g*.

Сохранение начертания *ȝ* целесообразно в виду того, что в дальнейшем (в среднеанглийском) из этого *ȝ*

¹ В некоторых более старых изданиях употребляется *ā* вместо *æ* и *v* вместо *ƿ* (= *w*).

образовалась особая буква (з) отличная по своим звуковым значениям [j, g, ʒ, x] от обычного g, которое стало употребительным для звуков [g] и [dʒ]. Поэтому при передаче древнеанглийских слов в этой книге последовательно применяется з.

§ 21. Удвоенное написание согласных букв в древнеанглийских рукописях регулярно изображает долготу или удвоение (геминацию) соответствующих звуков: ср. *да. sittan сидеть* [sít-tan], *durran сметь* [dúr-ran] (ср. § 37). Для обозначения же долгих гласных такой прием употребляется лишь очень редко (главным образом в древнейших текстах: ср. *да. ʒloob* в Эпинальских глоссах = ʒlōf *перчатка*, в более раннее время [glōb], позже — [glōf], ср. § 37). Иногда долгота, повидимому, отмечается значком, напоминающим знак ударения (^ или '); ср. *bāt, bāt* = *bāt ладья*), но такой же значок встречается и над буквами, соответствующими кратким гласным (главным образом в односложных словах и приставках). Часто же долгота гласных никак не отражается в написании. В некоторых поздних рукописях (XI в.) краткость гласных иногда особо указывается маленьким крючком (напоминающим букву с) над гласным. В современных же изданиях долготу древнеанглийских гласных принято во всех случаях обозначать обычным знаком долготы (—), а краткость оставлять без особого обозначения (в некоторых, преимущественно более старых изданиях, долгота обозначается через ' или ^).

Сокращенные написания в древнеанглийских рукописях применяются сравнительно редко. Наиболее употребительные сокращения: ʒ = and или ond; — þ = þæt *то, это, что* (союз), *на. that*; ˉ над гласным = m (ср. *hī* = *him ему*; в современных изданиях иногда отмечается курсивом).

§ 22. Звуковые значения большинства букв древнеанглийского алфавита приблизительно совпадают с обычными значениями соответствующих латинских букв: ср. *да. etan есть* (инфинитив), *faran ехать, передви-*

гаться, оха вол, которые следует произносить примерно так [étan, fáran, óksa].

Важнейшие особенности применения латинских букв для передачи древнеанглийских звуков состоят в следующем:

1. Буквы а и о в ударных слогах перед т и п обозначают звук, средний между а и о, условно изображаемый через å: ср. *да. пама, пома имя* [pāma]; *hand, hond рука* [hānd]; *lanȝ, lonȝ долгий, длинный* [lāng]. Как видно из примеров, в тех же самых словах может писаться и а, и о, причем даже в одной и той же рукописи нередко наблюдается значительное колебание между обоими написаниями. Когда нет надобности выделить какое-либо одно из двух возможных написаний слова — с а или с о (например, пама или пома), в современных лингвистических трудах часто употребляется условное обобщенное написание с å; так, например, оба возможных варианта, пама и пома, встречающиеся в рукописях, условно передаются через pāma. В зависимости от диалекта и эпохи [å] может быть ближе к [а] или к [о], что отражается в большем или меньшем преобладании одного из написаний (с а или с о) в различных рукописях.

Долгое ā всегда = [ā], долгое ō всегда = [ō]: ср. *да. stān камень* [stān], *mōna луна* [mōna].

2. Буква æ обозначает звук [æ] (изображаемый через а в *на. man* [mæn] *человек*): ср. *да. æt у, при* [æt]; *bær нес* [bær]. Через æ передается соответствующий долгий звук: ср. *да. lædan вести* [lædan], *sæ море* [sæ]. В древнейших рукописях вместо æ нередко пишется ае.

3. Буква у обычно обозначает звук [у] (передаваемый через ū в немецком, через u во французском): ср. *да. fyllan наполнять* [fýllan], *munet монета* [mýnet]; ū — соответствующий долгий звук: ср. *да. fȳr огонь* [fȳr]. Во многих более поздних текстах у (ȳ) может изображать также звук і (ī), так как *да. [ȳ]* в некоторых диалектах делабиализовалось в [ī] (ср. § 77).

4. Буква **æ**, которой в рукописях обычно соответствует раздельное написание **oe**, служит для передачи звука [œ] (ö в немецком, eu во французском): ср. *да. dœhter, dochter дочери* (дат. ед.) [dœçter]. Посредством **æ** или **ōē** изображается долгое [œ̃]: ср. *да. zœs, zōēs, gуси* [gœs], позже — [gœ̃s].

5. Сочетание букв **ea** обычно обозначает дифтонг [æ̃a], по длительности равный краткому гласному: ср. *да. bearn ребенок, дитя* [bæ̃arn], *healp помог, помогал* [hæ̃alp]. Качественно такой же дифтонг, но по длительности соответствующий долгому гласному, большей частью изображается через **ēa**: ср. *да. ēare ухо* [æ̃ēare].

6. Сочетание букв **eo** обычно обозначает дифтонг [ẽo], по длительности равный краткому гласному: ср. *да. heorte сердце* [hē̃orte], *sweostor сестра* [swē̃oqs-tor]. Соответственно этому, **ēo** — такой же дифтонг, равный долгому гласному: ср. *да. bēon быть* [bē̃on].

7. Сочетание букв **io** в большинстве случаев изображает дифтонг [ĩo], равный краткому гласному: ср. *да. mīoluc молоко* [mī̃oluk], *hīoga их* (рд. мн.) [hī̃o-ga]. Через **īo** передается такой же дифтонг, но равный долгому гласному: ср. *да. hīo она* [hī̃o].

8. Сочетание букв **ie** обычно обозначает дифтонг [ĩe] (или, может быть, [ĩə, ĩœ]); в количественном отношении этот дифтонг, подобно [æ̃a, ẽo, ĩo], равен краткому гласному: ср. *да. fiellan валить* [fĩellan], *ierre гневный* [ĩerre]. Соответственно этому через **īe** изображается дифтонг [ī̃e] (или [ī̃ə, ī̃œ]), по длительности равный долгому гласному: ср. *да. dīere дорогой* [dī̃ere]. С конца IX в. **ie** (**īe**) может обозначать также [ĩ] или [ỹ] ([ī̃] или [ỹ]), так как к этому времени [ī̃e] стянулось в [ī̃, ỹ] (ср. § 77).

9. Буква **c** употребляется для обозначения двух звуков: 1) твердого веларного **k** и 2) мягкого палатального **k'** (который постепенно развивался в мягкую аффрикату [tʃ]). Ср. (1) *да. cunpan знать, уметь* [kū̃npan]; *macian делать* [má̃kian]; — (2) *да. cēosan вы-*

бирать, решать [k'ēozan], *læsan показывать, учить* [tæ'k'an] (ср. *на. choose* [tʃu:z], *teach* [ti:tʃ]). То или другое произношение определяется преимущественно предшествующим историческим развитием (см. § 54).

В сочетании *sc* буква *c* почти всегда обозначает звук [k']: ср. *да. scacan трести* [sk'ákan], *fisc рыба* [fisk']. О сочетании *cз* см. ниже, п. 10.

10. Буква *з* обозначает, в основном, четыре разных звука: 1) фрикативный твердый веларный [g]; 2) фрикативный мягкий палатальный [j] или полугласный [i]; 3) смычной твердый веларный [g] и 4) смычной мягкий палатальный [g'] (который постепенно развивался в мягкую аффрикату [dʒ]). Ср. (1) *да. dazas дни* [dágas], *āzen собственный* [āgen]; — (2) *да. dæz день* [dæj], *ziest гость* [jiest], *zeard двор, усадьба* [jæard], *zear год* [jæar], *zē вы* [jē]; — (3) *да. lānz* (т. е. *lanz* или *lonz*) *долгий, длинный* [lāng], *sinzan неть* [sínɡan]; — (4) *да. senzan опалать, обжигать* [séng'an] (> *на. singe* [sindʒ]). В более раннем древнеанглийском *з* могло иметь звуковое значение [g] только после *п* и в удвоенном написании, но позже — нередко и в начале слова (ср. § 43). В звуковом значении [g'] буква *з* встречается также лишь после *п* или в сочетании *сз*, которым обозначалось двойное [g'g']; ср. *да. liczan лежать* [líg'g'an], *есз лезвие, острый край* [eg'g']. В начале слова *з* никогда не обозначало звука [g']. Различие между фрикативным и полугласным [j] определялось его положением в слове: как звонкий фрикативный согласный [j] обычно произносился, повидимому, перед ударным гласным и в интервокальном положении после ударного гласного; в прочих случаях произношение, вероятно, колебалось между слабо-фрикативным [j] и [i], о чем свидетельствуют колебания в графике между *з*, *iz*, *ize*, *i* (ср. *да. herzas, herizas, -izeas, -ias войска*). Ввиду наличия бесчисленных звуковых вариантов между собственно [j] и [i] и неустойчивости произношения во многих случаях, в древнеанглийском нет надобности постоянно различать и оба крайних варианта — сильно фрикативный [j] и неслоговое [i].

Вообще же буква **ȝ** обозначает звук [j] ([i]) регулярно в конце слога после палатального гласного (ср. *да. sæȝde* *сказал* [sæj-de], также *dæȝ*) или между палатальными гласными (ср. *да. dæȝes* *дня* [dæjes]), а обычно и в начале слова перед палатальным гласным (ср. примеры, приведенные выше). Полугласный [i] легко сливался с предшествующим гласным звуком [i] и, таким образом, сочетание букв **iȝ** приобретало звуковое значение **ī**: ср. написание **biȝ**, **hiȝ** и т. п. вместо **bī** у, *около*, **hī** (< *hīe*, § 77) *они* и т. д. В остальном же звуковые значения буквы **ȝ** определяются историей и этимологией соответствующих слов (см. §§ 54—55).

11. Буква **h** обозначает: 1) в начале слога (за исключением положения перед **w**) — гортанный фрикативный [h] (придыхание); 2) в конце слова, а также, повидимому, и перед **w** в начальном положении, — веларный фрикативный [χ] и мягкий палатальный фрикативный [ç]. Ср. (1) *да. hūs* *дом* [hūs], *zehīeran* *услышать* [jehīeran]; *раннее да., англск. swehor* *свекор* [swéhor] (затем, с исчезновением **h**, — *swēor*, § 69) — (2, а) *да. eahta* *восемь* [æaχta], *seolh* *тюлень* [seolχ]; *hwā* *кто* [χwā], *zehwīlc* *любой, всякий* [je-χwīlk]; — (2, б) *siehp* *видит* [sieçp], *miehtiȝ* *мощный* [mieçtij]. В сочетании **hw** буква **h**, повидимому, всегда обозначает веларное [χ], которое на севере сохраняется на протяжении всего древнеанглийского периода, но на юге, возможно, превращается в [h] еще до перехода к среднеанглийскому. Веларное [χ] произносилось также после всех веларных гласных (следовательно, и после дифтонгов **ēa**, **ēo**, **īo**), а палатальное [ç] — после палатальных гласных и дифтонга **īe**. Но позже в известных случаях [χ] превратилось в [ç] (см. § 57).

12. Буква **f** обозначает 1) звук [f] и 2) звук [f̥], губно-губной звонкий фрикативный, который до исхода древнеанглийского периода превратился в губно-зубной [v] (ср. § 37). Звуковое значение буквы **f** определяется ее положением: 1) в начале и в конце слова, на стыке

частей сложного слова, рядом с глухим согласным и в удвоенном написании буква *f* обозначает глухой звук [f]: ср. *да.* *fȳr* *огонь* [fȳr], *līf* *жизнь* [līf], *līf-wyn(n)* *радость жизни* [līfwyn(n)], *oft* *часто* [oft], *offrunz* *предложение, жертва* [óffrunz]; 2) в остальных случаях, т. е. между звонкими звуками внутри простого слова (или старого сложного, более уже не членимого), но не в удвоенном написании, буква *f* обозначает звонкий звук [b], а в более позднее время — [v]: ср. *да.* *ofer* *над, через* [óber] > [óver], *lifde* *жил* [lībde] > [lívde], *hlāford* *хозяин, господин* [hlābōrd] > [hlāvōrd].

13/14. Буквы *ð* и *þ* употребляются обе одинаково для обозначения как 1) глухого [p], так и 2) звонкого [b]; причем то или другое звуковое значение каждой из этих двух букв зависит от тех же условий, какими определяется соответствующее звуковое значение буквы *f* (см. выше, п. 12). Ср. (1) *да.* *ðinz* или *þinz* *вещь, дело* [pɪnz], *sūð* или *sūþ* *юг* [sūp], *el-ðiediz* или *el-þiediz* *чужеземный* [el-pʰedij], *oððe* или *oþþe* *или* [óppe]; — (2) *да.* *swīðe* или *swīþe* *сильно, очень* [swīðe], *wyrðiz* или *wyrþiz* *достойный, ценный* [wýrðij], *cūðde* или *cūþde* *объявил* [kūðde]. В этой книге из двух возможных вариантов написания, как правило, дается тот, который соответствует принятому обозначению звуков [p] и [b]; следовательно: *þinz*, *sūþ*, *el-þiediz*, *oþþe*; — *swīðe*, *wyrðiz*, *cūðde* и т. д.

15. Буква *s* обозначает 1) глухой звук [s] и 2) соответствующий звонкий [z]. Первое из этих значений буква *s* имеет во всех тех случаях, в которых буквы *f*, *ð*, *þ* обозначают глухие звуки (см. выше, п. 12), но *s*, кроме того, представляет собой глухой звук также и после звонких согласных. Следовательно, в звуковом значении [z] буква *s* встречается в тех же условиях, в каких *f*, *ð*, *þ* обозначают звонкие звуки, но за исключением положения после звонкого согласного. Ср. (1) *да.* *swā* *так* [swā], *īs* *лед* [īs], *foresēcƿan* *сказать ранее* [foreség'g'an], *ēst* *милость*

[est], cyssan *целовать* [kýssan]; также wiersa *хуже* [wíersa]; — (2) *да.* wesan *быть* [wézan], l̥ysde *отпустил* [l̥yzde].

16. Буква w обозначает губно-губной полугласный [w] (подобно тому, как и в современном английском языке): ср. *да.* wæs *был* [wæs], hwæt *что* [χwæt], zesewen *виденный* [jeséwen].

Примечание: В древнейших памятниках очень часто наблюдаются значительные отличия от позднейшей традиции в применении букв. Важнейшими из таких отличий являются: 1) употребление буквы u (или двойного uu) для обозначения звука [w]: ср. uard = ward *сторож*; 2) употребление b для изображения звука [b]: ср. obaer, позже ofer, *над, через*; 3) употребление c (или ch) для звуков [χ, ç]: ср. mæcti, позже (англск.) mæhte *силы* (мн. ч.); 4) изображение звуков [p, ð] через th, t, d: ср. thōhae, позже pō, *глина*; strīdit, позже strīder, *-ед шагает*; ȝidanc, позже ȝerānc, ȝeðānc *замысел*. Иногда эти архаичные способы обозначения звуков (особенно передача w через u) встречаются и в более поздних текстах.

Глава VII

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 23. Для древнегерманских языков известны следующие три вида письма, имевшие более или менее значительное распространение: 1) руническое письмо, 2) вульфилианское (или готское) и 3) латинское письмо.

§ 24. Руническое письмо (в специальном смысле этого слова) было в употреблении только у древних германцев, во всяком случае во II—III вв. нашей эры. Руны, т. е. знаки этого письма (*англ. runes, нем. Runen*), представляют собой буквы своеобразного начертания. Они издавна употреблялись и в качестве магических знаков (подобно другим письменам у различных народов), причем такое их употребление сопровождалось таинственным шептанием. Первоначально слово *руна* (г. *rūna*, ди. *rūnag* мн. ч., да. *rūn*, др.-двн. *rūna*), повидимому, относилось именно к тайне магического применения письма, так как древнейшее значение этого слова — *тайна, секрет, секретный разговор (шопотом: ср. др.-двн. rūnōn > нвн. raunen шептать на ухо; ср. также дирск. rūn тайна)*. Но затем это же слово стало обозначать и самые письменные знаки — руны (однако современные *англ. rune, нем. Rune руна* являются позднейшими заимствованиями из исландского). Так как руны известны у различных германских племен — восточных, северных (скандинавских) и западных, то руническое письмо может быть названо общегерманским.

В древнейшей известной нам системе рунического письма различалось 24 знака. Взятые вместе, они состав-

ляли так называемый 24-значный рунический ряд, в котором каждая руна занимала определенное традиционное место.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24

ƿ ʀ ʁ ʂ ʃ < x ʁ n t i s 1 ʒ y s t b m ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ

f u ʀ a r k g w h n i j e p R s t b e m l ʀ d o

В общем этот порядок строго соблюдался, как можно судить по нескольким дошедшим до нас воспроизведениям 24-значного рунического ряда, в связи с чем и весь ряд нередко называют “fuþark” — соответственно последовательности его первых шести знаков. Однако руны **é** — **p** и **d** — **o** располагаются и в порядке **p** — **é** и **o** — **d**. Кроме того, следует отметить, что 24-значный рунический ряд делился на 3 равных отдела по 8 рун в каждом: 1) **f** — **w**, 2) **h** — **s** и 3) **t** — **o/d**.

Формы некоторых рун очень неустойчивы: так, **j** может сливаться в одно цельное начертание, **R** может быть обращено ветвями вниз, **s** — иметь разное число изломов; руна **ʀ** известна также в форме , которая, возможно, является более древней; косые штрихи отдельных рун могут иметь различное направление, присоединяться к вертикальным штрихам выше или ниже и т. д. Руна **k** встречается в очень разнообразных начертаниях уже в ранних надписях. Для западногерманского письма характерно **h** с двойной поперечиной. В дальнейшем же своем развитии некоторые руны изменились до неузнаваемости.

Относительно звуковых значений рун надо заметить следующее:

1. Руна **ʀ** обозначала звук [ʀ = θ], т. е. звук, передаваемый в *на.* через *th*, например, *thin* [θin] *тонкий*. Эта руна впоследствии была введена в виде **ʀ** в латинские алфавиты некоторых германских языков, — в том числе древнеанглийского (§ 29), — и до сих пор употребляется в исландском в своем старом значении.

2. Руна **w** обозначала тот же звук, что *на. w*, т. е. губно-губной полугласный.

3. Руна **h** служила, повидимому, первоначально для обозначения лишь небного фрикативного [χ] (как, например, *рун. дск. wogahto* *изготовил, сделал, выработал*); но с того времени, как [χ] в начале слова превратилось в гортанный глухой фрикативный согласный [h] (придыхание), эта руна стала обозначать также и этот звук (так, возможно, уже в *horna* *рог* на золотом роге из Gallehus'a в Дании, - начало V в.).

4. Звуковое значение руны **e** не вполне ясно: повидимому, оно колебалось между [e] и [i].

5. Руна **R** в древнейшую эпоху была знаком для [z], но затем, по крайней мере в скандинавских надписях, — для фрикативного палатального [ʀ], развившегося из [z] и отличного от старого обычного [r], которое обозначалось руной **r** (ср. §§ 47—49).

6. Руна **ŋ** обозначала веларный носовой согласный [ŋ] или звукосочетание [ŋg] < [ŋg], иногда может быть даже [iŋg] < [iŋg].

7. Руны **b**, **d**, **g** в древнейших скандинавских надписях, повидимому, регулярно обозначали соответствующие фрикативные звонкие согласные [b̥, ð̥, ɡ̥] (например, в *swabahariaR* — мужское собственное имя, Швеция, начало V в.; — *dagaR* *День*, как имя собственное, Норвегия, ок. 400 г.). Но уже с VI в. руна **b** встречается также и в звуковом значении [p], так как руна **p** в Скандинавии рано выходит из употребления. С переходом звуков [b̥, ð̥, ɡ̥] в известных положениях во взрывные [b, d, g] руны **b**, **d** и **g** применяются, естественно, и для обозначения соответствующих звонких взрывных.

Прочие руны в общем совпадают по своим звуковым значениям с теми латинскими буквами, которые служат для их транслитерации (передачи). Долгота и краткость звуков в руническом письме не обозначаются.

Примечание: Со звуковыми значениями рун были связаны и их названия. Каждая руна, за исключением **R** и **ŋ**, называлась существительным, начинавшимся с того звука, ко-

торый обычно обозначался данной руной: так, например, руна *f* называлась **feḥi скот, имущество, деньги* (ди. *fē*, да. *feoh*), руна *d* — **ḍagaŕ > ḍagaŕ день* (ди. *dagr*, да. *dæg*). Поскольку начальные звуки в названиях рун подвергались со временем тем или иным фонетическим изменениям, постольку и звуковые значения отдельных рун соответственно изменялись.

Памятниками 24-значного рунического письма являются надписи на оружии, орудиях, украшениях, амулетах и т. п., а в Скандинавии также на камнях и скалах. Эти надписи приходятся на период времени от III—IV до VIII века нашей эры, но в скандинавских надписях VII—VIII вв. уже явно замечается переход к новому типу рунического письма. К гораздо более ранней эпохе, может быть к I в. до нашей эры, относится костяное острие (шило?), найденное в Каринтии, на котором вырезано 6 знаков, не отличающихся по форме от рун. Но так как подобные же знаки возможны и в составе других писмен, а вместе с тем могут быть и вообще не письменными знаками, то нет полной уверенности в том, что это действительно руны, тем более, что при чтении этих знаков, как рун, не получается никаких древнегерманских слов.

Многие надписи, которые по тем или иным обстоятельствам несомненно являются руническими, также не имеют ясного языкового содержания или не могут быть целиком поняты. В таких случаях, вероятно, мы имеем дело или с сокращенными написаниями, или с магическим применением рун, или с тем и другим вместе. В некоторых же надписях приводится рунический ряд в традиционной последовательности его знаков. Его воспроизведение, повидимому, также преследовало магические цели.

Таким образом, лишь часть рунических надписей действительно представляет собой языковые памятники. В общем известно около сотни таких надписей, исполненных 24-значным руническим письмом. Самая длинная из них — Eggjūm'ская надпись в Норвегии (около 200 знаков, на каменной плите) — относится приблизительно к 700 году. Из надписей более раннего времени, не

позже VI в., выделяется своим размером надпись на камне Tune, также в Норвегии (ок. 500 г.), первоначально имевшая не менее 17 слов, из которых сохранилось 14 (почти 100 рун). Большинство же надписей 24-значного рунического письма очень кратки, и многие из них состоят всего из одного-двух слов, нередко представляющих собой имена собственные. Скудость языкового содержания древнейших рунических надписей затрудняет их толкование и самое определение языка на котором эти надписи были сделаны: относительно очень многих надписей остается неясным, на каком именно германском языке написана та или другая из них.

В дальнейшем (к IX в.) старый 24-значный рунический ряд сокращается в скандинавских странах до 16 знаков, причем начертания некоторых рун значительно изменяются. Таким образом возникает специально скандинавский так называемый младший рунический ряд.

Несмотря на свое несовершенство (многие руны 16-значного, ряда употреблялись не только в своих основных звуковых значениях, но и в некоторых других, так как 16-ти знаков не хватало для обозначения всех звуков, имевшихся в скандинавских языках того времени), 16-значное руническое письмо широко применялось до середины XII века. Большинство памятников этого письма составляют надписи на монументальных нетесаных камнях, воздвигавшихся, главным образом, в память умерших. В общем содержание этих надписей довольно однообразно. Но из многих надписей могут быть извлечены очень ценные исторические сведения. Некоторые же надписи заключают в себе стихотворные строки и целые строфы и, таким образом, являются памятниками древнескандинавской поэзии. По свидетельству древнескандинавских саг, руны нередко вырезывались на деревянных брусках—для письменного сообщения, а также для записи тех или иных текстов, в частности, стихотворений, но подобные рунические памятники не сохранились. Магическое применение рун продолжалось и в эпоху 16-значного рунического ряда. Кроме того, руны

этого ряда употреблялись для своего рода календарей, так называемых рунических жезлов, и в таком употреблении эти руны удержались до XVII века.

Попытки усовершенствования 16-значного рунического ряда привели к концу XII в., под влиянием латинского алфавита, к возникновению алфавита пунктированных рун, называемых так потому, что многие из этих рун были образованы посредством прибавления точки (пункта) к рунам 16-значного ряда. Пунктированные руны частично применялись, наряду со все более распространявшимся латинским письмом, вплоть до XVI в., а в некоторых местностях (остров Готланд), может быть, и позднее. Важнейшим памятником пунктированного рунического письма является так называемый *Codex runicus* — рукопись XIII в. на древнедатском языке, содержащая сконские областные законы.

Смешавшись с латинскими буквами, пунктированные руны образовали особый тип письма, известный по надписям XVII—XVIII вв. из Далекарлии (в Швеции) и называемый, поэтому, дальскими рунами. Еще в начале XX в. находились отдельные старики-крестьяне, которые могли читать эти руны.

§ 25. У англо-фризских (ингвеонских) племен к старому 24-значному руническому ряду в его западно-германской форме (несколько отличной от приведенной в § 24) рано было добавлено несколько новых знаков. В англо-саксонском руническом ряду на Темзском ноже¹ (приблизительно 700 г.) содержится уже 28 рун. То же число знаков находим в одной рукописи конца VII в. (*Abcūni orthographia*, *Codex Salisburgensis*. 140). В более поздних англо-саксонских памятниках применяются еще несколько новых рун; в частности, рунический ряд в рукописи древнеанглийской *Песни о рунах* (IX—X в.) имеет 33 знака, хотя новейшие из них в самих стихах этой песни еще не упоминаются. Со всеми новыми знаками англо-саксонский рунический ряд может быть представлен в следующем виде:

¹ Найден в реке Темзе.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16

ƿ ƿ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ

f u þ o r c ʒ¹ w h n i j ? p x² s

17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33

ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ ʀ

t b e m l n d o a æ y ea io q k st ʒ²

новейшие руны

Руны **o** и **a** образованы из старой руны **a**, которой соответствует по форме руна **æ** в англо-саксонском ряде. Руна **æ** > **e** в этом ряде представляет собой старую руну **o** (название которой **ōriþ* изменилось в *ædiþ* > *ēdeþ* в древнеанглийском). Руна **y** образована из **u**. Рунами **c** (из старой руны **k**) и **k** (из англо-саксонской **c**) различаются палатальный и веларный глухие смычные согласные ([k'] и [k]), а рунами **ʒ¹** и **ʒ²** (из **ʒ¹**, которая равна старой **g**) — палатальные и веларные звонкие согласные, как смычные ([g'] и [g]), так и фрикативные ([g'] и [g]; см. § 22 об употреблении *da*. буквы **ʒ**). Происхождение остальных новых рун неясно. Вместо **q** часто употребляется **k**.

Известно несколько десятков рунических памятников англо-саксонского письма, древнейшие из которых восходят к середине VII века. Основную массу этих памятников составляют надписи, большей частью очень краткие (надписи на монетах — лишь имена). Наиболее древней надписью со значительным языковым содержанием является надпись на так называемом руническом ларце Фрэнкса (Franks' Casket), вероятно, VII века. К более позднему времени (? VII—IX в.) относится стихотворение религиозного характера на Рутуэльском каменном кресте (близ поселка Ruthwell в Шотландии). Обе эти надписи — важные памятники нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка (см. § 14).

Примечание: Древнефризских рунических надписей (из которых самая древняя — VI в.) известно очень мало, и все они незначительны.

§ 26. Вопрос о происхождении рун привлекал к себе внимание ученых уже с XVI века. Высказывались самые разнообразные мнения и нередко выдвигались совершенно фантастические гипотезы. Но даже и наиболее правдоподобные предположения долгое время оставались без необходимого научного обоснования. Лишь достижения XIX в. в области языковедения и археологии сделали возможной вполне научную постановку этого вопроса.

В общем виде проблема рун была решена в 70-х гг. прошлого столетия датским ученым Людвигом Виммером, который доказал, что руны восходят к южно-европейским письмам Средиземноморья. Эти письма представлены различными греческими и итальянскими алфавитами (в том числе и латинским), причем греческие письма являются источником итальянских. Само же греческое письмо развилось из древнесемитического — финикийского — или близкого к нему. Таким образом, руны не были совершенно самостоятельно изобретены древними германцами и, вместе с тем, не произошли непосредственно из семитических письменных знаков. Но установить с несомненностью, какой именно из южноевропейских алфавитов лежит в основе рунического письма, Виммеру не удалось, и этот вопрос нельзя признать вполне решенным и в настоящее время.

Определить конкретный источник рунического письма особенно трудно по следующим причинам: 1) южноевропейские алфавиты вследствие генетических связей между ними имеют много общих черт друг с другом; 2) расположение рун в руническом ряде и их названия совершенно своеобразны; 3) древнейшие рунические памятники малочисленны и при этом не сосредоточены на какой-либо достаточно ограниченной территории.

§ 27. Вульфилианское (готское) письмо представляет собой алфавит, созданный, по преданию, в конце IV в. вестготским епископом Вульфилой и известный лишь в применении к готскому языку. В основе готского вульфилианского алфавита лежит греческий алфавит IV в., того типа письма, который соответствует латинскому «унциалу» — письму крупными, четкими буквами, напоминающими большей частью прописные («большие») буквы, но в отдельных случаях и строчные («маленькие»). Так как греческий алфавит является также основным источником старославянской азбуки (кириллицы), а, отсюда — и современного русского алфавита, то естественно, что некоторые вульфилианские буквы близки к русским. Ряд знаков вульфилианского алфавита, повидимому, восходит к латинским буквам и рунам. Происхождение же некоторых знаков не вполне ясно.

§ 28. Латинское письмо стало применяться к германским языкам в результате введения христианства в тех странах, где утверждалось господство римской церкви, которая, в противоположность греческой (в частности, и арианской), не допускала богослужения на местных (народных) языках. Таким образом, христианство, шедшее прямо или косвенно из Рима, требовало от служителей культа известного владения латинским языком. При значительных церквях и монастырях устраивались школы, в которых преимущественно и происходило обучение латинской грамоте. При этом первоначально совершенно не имелось в виду применение латинского письма к германским языкам. Но латинский язык был не только языком церкви: он выступал и как официальный письменный язык в законах («правдах»), грамотах и т. п. Составление тех или иных документов на латинском языке нередко требовало передачи латинскими буквами отдельных древнегерманских слов: личных имен, географических названий, некоторых терминов, относящихся к общественно-политической жизни. С другой стороны, в самом процессе обучения латинскому языку, естественно, появлялась потребность

в записях на родном языке — для фиксации перевода латинских слов и выражений. Так появлялись глоссы к латинским текстам, принадлежащие во многих случаях к числу наиболее ранних памятников латинского письма на древнегерманских языках. Чем дальше, тем больше развивалась практика применения латинских букв к этим языкам, и спустя некоторое время после распространения христианства латинский алфавит уже регулярно употребляется для целых связных текстов на соответствующих древнегерманских языках: так, на западногерманских языках известны тексты, исполненные латинским письмом, начиная с VII—IX вв. (за исключением древнефризского, где имеющиеся записи восходят лишь к XIII в.), на скандинавских языках — с XII—XIII вв. (в связи с более поздней христианизацией скандинавских стран). Вместе с тем руническая письменность отмирает (очень скоро — в Германии, медленнее — в Англии) или, по меньшей мере, оттесняется на второе место (в Скандинавии).

§ 29. Латинский алфавит, унаследованный средневековой Западной Европой от Римской империи, состоял из следующих 23 букв: **a, b, c, d, e, f, g, h, i (j), k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u (v), x, y, z** (в древнейшей своей форме он имел лишь 20 знаков: отсутствовали **q, y, z**). Начертания **j** и **v** не являлись особыми знаками алфавита, но представляли собой лишь графические варианты букв **i** и **u**, причем **j** (т. е. удлиненное **i**) появляется сравнительно поздно и редко. Обе буквы, **i(j)** и **u(v)** употреблялись для обозначения как гласных звуков (типа [i] и [u]), так и соответствующих согласных (типа [j] и [v]). Буквы **w** вообще еще не существовало (она образовалась позже из слияния двух **u/v**, откуда и ее название: *англ.* double u [dʌbl ju:], *франц.* double v [dubl vé] и т. п., т. е. *двойное u, двойное v*).

В древнейших записях на германских языках буквы латинского алфавита, естественно, использовались в тех звуковых значениях, которые закрепились за ними в школьной традиции той или иной области. Никаких добавлений к алфавиту не делалось. Для передачи же

звуков, резко отличавшихся от латинских, применялись те буквы, которые почему-либо все же представлялись более подходящими, чем другие: так, например, в древнейших текстах звук [b̥] передавался через **b**, звук [w] через **u**.

Постепенно, однако, вырабатываются особые традиции применения латинского алфавита к тому или другому древнегерманскому языку, а также делаются и отдельные добавления к этому алфавиту.

Для обозначения некоторых звуков входят в употребление известные более или менее устойчивые сочетания букв: так, в древнесаксонском и древневерхненемецком—**uu** для обозначения [w] (наряду с простым **u**), **th** для [p, θ] и т. п.; такие же сочетания характерны и для более ранних древнеанглийских текстов. Кроме того, отдельные буквы к различным языкам применяются не в одинаковых значениях: так, латинское **c** в англосаксонском алфавите обозначает [k] веларное или палатальное (т. е. [k] или [k'], см. § 22); но для [ts] более обычным знаком является **z**, которому в древневерхненемецком в известных условиях (после гласных) присваивается также звуковое значение [z], т. е. [s], отличного от шепелявого (полушипящего) [s], обозначаемого буквой **s**; в древнеанглийском латинские буквы **s** и **f** используются не только для обозначения глухих согласных [s] и [f], но и для соответствующих звонких [z] и [b̥ > v] (в звонком окружении; см. § 22); латинское **f** употребляется как знак для [b̥ > v] после звонких звуков и в скандинавских латинских алфавитах, которые в общем основываются на англо-саксонском; в древневерхненемецком, наоборот, латинское **u(v)** иногда применяется для обозначения [f]; для англо-саксонского письма очень характерно использование латинской буквы **g** (в начертании **ȝ**, см. § 31) в четырех различных звуковых значениях: [g, ɣ, g'] и, особенно, [g'/i].

В состав англо-саксонского латинского алфавита вскоре вводятся дополнительные знаки: **ƿ** (**wēp**) и **ƿ** (**ƿorn**), заимствованные из рунического ряда (ср. § 25), **ð**, образованное из латинского **d** (т. е. **d**), и лигатура **æ** из **ae** (звуковое значение [æ]; см. также § 22).

Буква **ð** проникает и в древнесаксонский латинский алфавит, где появляется также знак **Ḅ**, созданный из латинского **b** (по образцу **ḁ** из **d**). Буквы **þ** и **ð** и лигатура **æ** заимствуются из англо-саксонского алфавита также скандинавскими алфавитами. Кроме того, латинская буква **y** регулярно применяется для обозначения звука [ÿ], тогда как в Германии эта буква вообще употреблялась очень редко. Далее, в скандинавском (в частности — древнеисландском) латинском письме значительное применение находят различные новые лигатуры (**œ** = **ao** и т. п.) и буквы с диакритическими знаками (**ø**, **ö**, **ę** и т. п.) — главным образом для обозначения гласных.

Хотя известные традиции латинского письма на древнегерманских языках и устанавливались более или менее устойчиво, тем не менее твердых орфографических правил большей частью выработано не было. Не только разные памятники одного и того же языка или диалекта нередко значительно отличаются друг от друга по орфографическим приемам писцов, но даже и в одной и той же рукописи часто не выдерживается какая-либо определенная норма написания, и одни и те же слова пишутся неодинаково. Деление на слова и употребление знаков препинания (которое, вообще говоря, не совпадает с современным) нередко также проводятся непоследовательно. Долгота гласных большей частью никак не обозначается, иногда же выражается различными способами (удвоением букв, надстрочными значками ', ^), и лишь в исключительных случаях встречается достаточно систематическое обозначение долготы. Кроме того, в средневековых рукописях нередко употребляются различные сокращения (аббревиатуры), в частности — условные значки, заменяющие отдельные буквы, сочетания букв и целые слова. Так, очень часто **m** заменяется черточкой над предшествующей буквой (**hī** = *da. him ему*), союз со значением *и* передается знаком **⁊** (= *da. and, ond, двн. enti, unti* и т. п.). В современных изданиях древнегерманских текстов деление на слова и пунктуация обычно нормализуются соответственно установившимся правилам, дол-

гота обозначается регулярно (знаками $\bar{}$, $\hat{}$, $\acute{}$), а сокращения раскрываются.

Примечание: В рукописях древнего периода применялись исключительно римские цифры, причем 4 и 9 писались как IIII и VIIII (а не IV и IX, как они обычно изображаются теперь). I могло совпадать по форме с i, (а, следовательно, II, III, IIII могли иметь вид ii, iii, iiij или ij, iij, iiij), а V—с u(v). Арабские (по своему происхождению — индийские) цифры проникают в Западную Европу в X—XIII вв., но первоначально они не находят сколько-нибудь широкого применения и употребляются лишь в книгах по арифметике.

§ 30. Древнейшей формой латинского письма было так называемое капитальное письмо (*scriptura capitalis* *капитель*). Буквы этого письма по начертаниям в общем совпадают с современными прописными («большими») буквами (A, B, C, D, F и т. д.). В частности буква u/v в этом письме имела форму V.

В III—IV вв. из капитального письма развилось несколько более упрощенное и округлое специально книжное письмо, так называемое унциальное (*scriptura uncialis* *унциал*), ряд букв которого (например a, d, h, m, n, u/v) по начертаниям приблизился к нынешним строчным («маленьким») буквам. Развитие этого письма связывается с появлением пергамента (особо выделанной кожи; до этого писали на папирусе, на восковых табличках и т. п.). Но еще до возникновения унциала появились различные формы курсивного письма, или курсива, т. е. повседневного упрощенного и небрежного письма, применявшегося в корреспонденции, деловых документах и вообще везде, где в первую очередь требовалась быстрота и дешевизна записи. Постепенно унциальное письмо под влиянием курсива подверглось дальнейшим изменениям и в VI в. из него образовалась новая, упрощенная форма книжного письма — полуунциал (*semiuncialis*). В дальнейшем своем развитии это письмо еще более сблизилось с наиболее четкой разновидностью курсива и превратилось в минускульное письмо, или минускул (*minusculis*), буквы которого в общем близки по своему типу к современным строчным.

§ 31. Подавляющее большинство текстов на древнегерманских языках исполнено минускульным письмом. Это письмо в различных школах по отдельным странам имело свой особый характер при общем сходстве основного типа. Наиболее важны две разновидности: 1) островное (или инсулярное) письмо (*insularis*) и 2) континентальное письмо. Различия между ними особенно значительны в начертаниях букв — f, g, r, s

ср. островное письмо

F, 3, n, r

континентальное

f, g, r, r

1) Островное ирско-англо-саксонское письмо (минускульного типа) развилось из полуунциала VII века в Ирландии, куда христианство и латинская письменность проникли уже в IV веке. Благодаря деятельности ирландских миссионеров эта форма получила широкое распространение в Англии и стала характерной для древнеанглийских текстов. Но так как ирландцы и англо-саксы в VIII—IX вв. нередко появлялись и на континенте и играли значительную роль в развитии письменной культуры Франкского государства, то островное письмо имело известное распространение и там. Особенно характерно применение этой разновидности минускула для Фульдской и Санкт-Галленской школ.

2) Континентальное минускульное письмо известно в применении к древнегерманским языкам преимущественно в форме так называемого каролингского минускула — четкого и красивого строчного письма, которое было выработано в правление Карла Великого (768—814) лучшими писцами Франкского государства. Это письмо в различных близких друг к другу вариантах получило широкое распространение и продолжало применяться как в книгах, так и в документах до XIII в., а отчасти и позже. Но уже в XII в. начинает постепенно

складываться новый стиль письма — «фрактур» или письмо «готическое» (не имеющее ничего общего с вульфилианским готским письмом, § 27). Для этого стиля характерны угловатые, ломаные формы букв (откуда и название «фрактур»)¹.

С XI века каролингский минускул распространяется и в Англии — в результате французского влияния при дворе Эдуарда Исповедника (1042—1066), а затем — норманского завоевания (1066). Позже, как и в других странах, на смену этому круглому плавному письму приходит фрактур, которая делается характерной для рукописей XIII—XV веков. Таким образом, островное (ирско-англо-саксонское) письмо и в Англии вытесняется континентальными формами, и лишь островное начертание буквы **g** (т. е. **ȝ**) включается в измененном виде (**3**) как особый знак, отличный от континентального **g**, в среднеанглийский латинский алфавит. Наряду с этим **3** из **ȝ** сохраняются и старые добавочные знаки англо-саксонского алфавита: перечеркнутое **ð** и буквы рунического происхождения — **ƿ** и **ƿ**. Из всех этих особых букв среднеанглийского латинского алфавита **3** и **ƿ** удержались до конца XV в., до самого введения книгопечатания.

Средневековая фрактур была закреплена печатным станком и в дальнейшем из нее развились различные варианты современного так называемого готического печатного шрифта. Но и каролингский минускул не исчез: в XV столетии он возродился в виде так называемой антиквы или круглого гуманистического письма (*rotunda*), для которого образцом послужил минускул XII века — один из вариантов каролингского. Уже в XV в. антиква появляется в печатных книгах в Италии, и современный нормальный печатный латинский шрифт по прямой линии восходит к антикве эпохи Возрождения.

¹ Употребляются и другие обозначения этого стиля письма, в частности — *scriptura monacalis*, нем. *Mönchschrift*, т. е. *монашеское письмо*.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава VIII

УДАРЕНИЕ

§ 32. В древнеанглийском языке ударные слоги могут выделяться ударением неодинаковой силы. Важно различать две степени ударения: 1) ударение главное ['] и 2) ударение второстепенное [ˈ]. Таким образом, в целом устанавливается три категории слогов: 1) главноударные, 2) второстепенноударные и 3) безударные слоги.

Главное ударение в связной речи падает на полнозначные слова (существительные, прилагательные, числительные, наречия, глаголы). На местоимения ударение падает лишь в тех случаях, когда это требуется смыслом. В слове, состоящем из двух или более слогов и имеющем сильное ударение, оно обычно приходится на корневой слог, а если это слово сложное — на корневой слог его первой части. Следовательно, главноударным обычно является первый слог слова, если этот слог не приставка: ср. *да. sūnu сын, ieldra старший, twéntiȝ двадцать, séldan редко, mácian делать, mácode делал; scíp-gār корабельный канат, sæ-mān(n) моряк, cýne-rīce королевство, síȝe-ēadiȝ победоносный.* Слова же с приставками могут иметь сильное ударение как на первом слоге (т. е. на приставке), так и на слоге, следующем за приставкой. Ударение на приставке большей частью встречается в существительных, прилагательных и производных от них словах: ср. *да. bī-word поговорка, пословица, íoge-ȝenȝa предшественник, ānd-swaȝu ответ, íoge-mæge выделяющийся знаменитостью; ānd-swaȝian отвечать (от ānd-swaȝu ответ).* Но есть много и таких существительных, прилагательных

и т. д., в которых сильноударным является слог, следующий за приставкой: ср. *да. be-zǣp̃z область, ze-brōðor собратья, ze-līc подобный, ze-trīewe верный, надежный*. Особенно много таких слов с приставкой *зе-*. Прилагательные с приставкой *ин-* *не-*, *без-* обычно имеют сильное ударение на приставке (ср. *in-py(t) бесполезный, in-dierne «нетайный, нескрытый», явный*), но могут иметь и сильное ударение после приставки, на корне. Отсутствие ударения на приставке особенно характерно для глаголов. Так, глаголы с приставками *бе-*, *зе-*, *for-*, *tō-* (*раз-*), *он-*, *ā-*, *ор-* и с некоторыми другими всегда имеют ударение на корневом слог, следующем за приставкой: ср. *да. be-bēodan велеть, поручить, приказать, ze-līefan верить, for-bēran щадить, tō-dǣlan разделить, он-zīnnan начать, ā-sīnzan пропеть, ор-wīndan увильнуть, ускользнуть*.

Второстепенное ударение обычно имеет корневой слог второй части сложного слова, также и в тех случаях, когда первая часть — сильноударная приставка: ср. *да. sǣ-mān(n) моряк, scīp-gār корабельный канат, sýne-rīce королевство, sīze-ēadiz победоносный, bī-wōrd пословица, fōre-zēnza предшественник, ānd-swārian отвечать* и т. п. Второстепенноударными обычно являются также некоторые суффиксы, преимущественно те, в которых после гласного следует сочетание согласных или двойной согласный: ср. *léornūp̃z учение, scīerpenð создатель, zǣp̃zende идущий*; часто также суффикс *-līc* (и некоторые другие, происшедшие из самостоятельных слов): ср. *frēond-līc дружественный, dēop-līc глубокий*; далее, нередко слог *-ī-* в окончаниях слабых глаголов II класса и *-o-*, *-a-* в прошедшем времени тех же глаголов: ср. *hūntian охотиться, hūntode, hūntade охотился* и т. п.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 33. Словесное ударение в древнегерманских языках имело, в основном, экспираторный (динамический, силовой) характер. Такой характер древнегерманского ударения явствует, с одной стороны, из различий в развитии звуков, особенно гласных, в зависимости от ударения, с другой стороны — из той роли, какую играло ударение в древнегерманском стихосложении (см. § 17). Этот характер ударения более или менее отчетливо сохраняется и в современных германских языках, причем, однако, в некоторых из них — в норвежском и шведском, а, отчасти, в нижненемецких диалектах — он известным образом осложняется музыкальным моментом (различными изменениями высоты голоса в пределах слова независимо от интонации предложения). Возможно, что подобный музыкальный момент имелся и в древнегерманском словесном ударении — хотя бы в некоторых языках или диалектах, — но такое предположение не может быть доказано, так как никаких явных указаний на музыкальные различия между отдельными слогами для древнегерманской эпохи не имеется.

Несомненно, что в древнегерманских языках, также как и в современных, различались не только ударные и безударные слоги, но и слоги различной степени ударности. Наиболее резким было различие между главным ударением (') и безударностью. Слоги менее сильные, чем главноударные, но более сильные, чем безударные могут обозначаться как слоги со второстепенным ударением ('). Второстепенное ударение могло иметь различную силу: оно могло бо-

лее или менее приближаться к главному или, наоборот, лишь незначительно отличаться от полной безударности (и, соответственно этому, можно различать сильное и слабое второстепенные ударения).

Различные степени ударности определяются для древнегерманского периода (также как и общий экспираторный характер ударения) по развитию звуков (главным образом — гласных) в тех или иных слогах и по данным стихотворных памятников, поскольку в построении стиха учитывалось не только главное ударение, но отчасти и второстепенное. Наиболее точное и детальное различие степеней ударности возможно в отношении древнеанглийского языка и, особенно, древнеисландского ввиду большой зависимости развития звуков от степени ударности и ввиду большого числа и разнообразия стихотворных памятников. В то же время о различии степеней ударности в готском языке имеются лишь очень ограниченные и приблизительные данные (так как этот язык представлен памятниками лишь на очень коротком этапе его истории и среди его памятников нет стихотворных).

§ 34. Место главного ударения в германских языках в эпоху их древних памятников было, в общем, фиксированным: обычно главное ударение падало на первый слог слова.

Ср. г. *fádar*, ду. *fáðir*, да. *fæder*, дс. *fáder*, двн. *fáter* *отец* (в отличие от соответствующего греч. *patēr*, динд. *pitā*); — г. да. дс. двн. *fáran*, ду. *fára* *ехать*, *идти*; — г. *wésun*, ду. *vōru*, да. *wæron*, дс. двн. *wárun* (они) *были*; — г. *fáginōdēdun*, ду. *fǫgnuðu*, да. *fæznodun*, дс. *fáginodun*, двн. *fáginōtun* (они) *радовались*; — г. *míðjun-gards*, ду. *míð-garðr*, да. *míddan-geard*, двн. *míttin-gart* «среднее жилище», «средний мир», т. е. земля.

Хотя закрепленность главного ударения за определенным слогом слова, а именно — обычно за его первым слогом, является чертой, общей всем древнегерманским языкам, все же все они сохраняют следы ранее существовавшей в них другой системы ударения — свободного ударения. Это более древнее, свободное уда-

рение отражается в германских языках косвенным образом: в виде известных особых случаев соответствия между германскими согласными и согласными других индоевропейских языков и, в связи с этим, в виде определенных чередований согласных в зависимости от ранее существовавшего ударения. Сравнение с теми индоевропейскими языками, в которых засвидетельствовано свободное ударение, показывает, что такие особые случаи соответствия регулярно наблюдаются тогда, когда в этих языках слоговой звук, предшествующий данному согласному, был безударным. Так, например, согласному *t* в *динд.* *pitā* (основа *pitār-*) и *греч.* *patēr отец* соответствует г. *d* [ð] в *fadar*, *да.* *d* в *fæder отец* в связи с тем, что предшествующий слоговой звук (гласный *i* в *динд.* *pitā*, и в *греч.* *patēr*) является в древнеиндийском и греческом языках (имевших свободное ударение) в этом слове безударным. В прочих же случаях, т. е. при отсутствии указанного условия, древнеиндийскому и греческому согласному *t* закономерно соответствует древнегерманский *þ*; ср. *динд.* *bhrātā* (основа *bhrātār-*) *брат*; *греч.* *phrātor член братии (братства)* || г. *brōþar*, *да.* *brōðor* (из более раннего **brōþor*) *брат*; — *динд.* *trayas*, *греч.* *treīs три* || г. **preis* (известно по косвенным падежам), *да.* *frīe*. Таким образом, при обычном соответствии *динд.* *греч.* *t* || *дгерм.* *þ* в известных случаях, а именно при безударности предшествующего слогового звука в древнеиндийском и греческом, мы находим другое соответствие: *динд.* *греч.* *t* || г. *d* (или [ð]), *да.* *d*. Очевидно, что такое соотношение между местом ударения в древнеанглийском и греческом языках и различием германских согласных (например, *þ* и *d*/[ð]), соответствующих одному и тому же древнеиндийскому или греческому согласному, может быть объяснено лишь тем, что и в самих германских языках ударение в таких случаях, как г. *brōþar*, *да.* *brōðor* (< *brōþor*), и в таких как г. *fadar*, *да.* *fæder*, некогда падало на разные слоги — подобно тому, как это имело место в древнеиндийском и греческом. Иными словами, ударение в германских языках некогда было свободным, но затем

в тех случаях, где оно падало не на первый слог слова, оно было перенесено на этот слог (например, в письменных формах таких слов, как г. *fadar*, да. *fæder*) и, таким образом, стало закрепленным, фиксированным.

Закономерность соотношения между старым свободным ударением и соответствием германских согласных согласным других индоевропейских языков были открыты в 70-х годах прошлого столетия К. Вернером и называются законом Вернера. Закон Вернера не объясняет, как совершился сам переход от свободного ударения к закрепленному; им устанавливается лишь то, что ударение в германских языках некогда было свободным. Переход германских языков от свободного ударения к закрепленному (с главным ударением на первом слоге слова) представляет особую проблему, для решения которой вряд ли имеются определенные данные.

§ 35. Экспираторный характер древнегерманского ударения вызывал редукцию (ослабление и разрушение) безударных и слабоударных слогов. Поскольку же главное ударение в основном закреплялось за первым слогом, постольку такой редукции обычно подвергались слоги, следующие за главноударным начальным слогом, — в большом числе случаев слоги конечные. Таким образом, для древних германских языков в общем характерно большее или меньшее ослабление или редукция конца слова: звуки конечных слогов нередко утрачивали свои различительные признаки, сокращались, упрощались, смешивались друг с другом, во многих случаях полностью исчезали. Между тем для древних индоевропейских языков было характерным то, что грамматические морфемы занимали в слове конечное положение. Таким образом, фонетическая редукция конечных слогов оказывалась, вместе с тем, редукцией грамматических элементов слова, приводила к изменению грамматической оформленности слова, к обеднению флексии. Таким образом, произошедшее еще в дописьменную эпоху изменение ударения в германских языках имело большое значение не только для их фонетического строя (для фонетического строения слова),

но и для их грамматической системы; вместе с тем, однако, ни в коем случае нельзя разрушение флексии в германских языках целиком приписывать влиянию установившейся в них системы экспираторного закрепленного ударения: старая система флексии разрушалась и помимо влияния ударения. Несомненно, что одновременно происходила и перестройка грамматического строя германских языков. Характерная для германских языков новая система ударения лишь способствовала этой перестройке, облегчала ее и, наряду с нею, была лишь одним из моментов в сложном процессе формирования и развития тех особенностей языкового строя, которые, в разных вариантах, мы находим в этой группе языков.

§ 36. Как уже было сказано, в определенных категориях слов с приставками главное ударение, в отступление от нормы для эпохи закрепленного ударения, падало не на первый слог слова. В таких словах главноударным в эту эпоху был корневой слог, следующий за приставкой, приставка же оказывалась безударной (или слабоударной) — несмотря на ее положение в начале слова.

Важнейшую категорию слов с безударными (или слабоударными) приставками составляли приставочные глаголы, такие как г. *ga-láubjan*, да. *ze-líefan*, двн. *gi-lóuben* *верить*; — г. *bi-sátjan*, да. *be-sétan*, двн. *bi-sézzan* *окружать*; — г. *faur-bíudan*, да. *for-béodan*, двн. *far-béotan* *запрещать* (ср. нвн. *glauben*, где безударный гласный приставки исчез совсем; — на. *besét*, нвн. *besétzen*; — на. *forbíd*, нвн. *verbíeten*). В отличие от глаголов, имена (существительные, прилагательные) с приставками имели, по общему правилу, главное ударение на первом слоге, т. е. на приставке: ср. г. *ánda-hafts* *ответ* — при глаголе *and-háfjan* *отвечать*; — да. *ór-þánc* *замысел, искусство* — при глаголе *á-þénscan* *придумать*; — двн. *úr-louþ* *разрешение* — при глаголе *ir-lóuben* *позволять* (ср. нвн. *Úrlaub* — *erláuben*). Как видно из приведенных примеров, одна и та же приставка, в зависимости от места ударения в слове, могла иметь различные звуковые варианты: сильный, более полный, характерный для именных

образований, и слабый, редуцированный, типичный для глаголов (ср. г. *ánda-* и *and-*, *ða. ór-* и *ā-*, *двн. úr-* и *ir-*; также *ða. zá-*, *zéa-* и *ze-*, *æf-* и *of-*, *ānd-* и *on-*; *двн. ant-* и *int-* и т. п.). Такие различия в звуковых вариантах приставок являются важнейшим критерием для определения места ударения в приставочных образованиях.

Различие в ударении между глагольным и именным сложением с приставками объясняется, повидимому, разновременностью тех и других приставочных образований. Следует полагать, что к тому времени, когда происходил переход от свободного ударения к ударению, закрепленному на первом слоге, большинство именных образований с приставками уже имелось в германских языках, и эти образования получили главное ударение на первом слоге. Глагольное же сложение с приставками относится, несомненно, к более позднему времени: в эпоху перехода к закрепленному ударению глаголы еще не имели приставок, и ударение закрепилось на том слоге, который тогда был первым, т. е. на корневом слоге. Те морфемы, которые в дальнейшем стали приставками в глаголах, в то время были еще отдельными словами — безударными наречиями: они слились в одно целое с глаголами значительно позже, когда процесс изменения ударения уже завершился. Такое предположение подтверждается тем, что в готском языке глагольные приставки еще сохраняют некоторую подвижность, сближающую их с отдельными словами. А именно, они могут отделяться от самого глагола различными частицами; ср. г. *ga-u-laubeis ты веришь ли* (инф. *ga-laubjan*); *in-uh-sandi-dēdun и они послали* (инф. *in-sandjan*); *at-uf-þan-gaggand и тогда они приходят* (инф. *at-gaggan*). Таким образом, готские глаголы с приставками, в отличие от подобных имен, еще не представляли собой вполне сплоченных слов. Далее, различие между вариантами приставки в *anda-hafts* и *and-hafjan* и т. п., возможно, также свидетельствует о том, что в эпоху отпадения конечного безударного *-a* в готском эта морфема еще не была глагольной приставкой: она вошла в сложение с глаголом уже после того, как, будучи отдельным словом, утратила свое конечное *-a*. В существительном же *ánda-hafts* это *-a* сохранилось,

так как сложение в этом случае было гораздо более древним, и в эпоху отпадения конечного безударного -а второе -а морфемы ánda- было здесь не конечным, а срединным.

Поскольку постоянно образовывались новые глаголы от имен и новые имена от глаголов, постольку среди глаголов появлялись отыменные глаголы с главным ударением на приставке (как в соответствующих именах), а среди имен — отглагольные имена с безударными приставками (по образцу соответствующих глаголов). Так, например, да. ánd-swaŕian *отвечать* имеет главное ударение на приставке, так как оно образовано от существительного да. ánd-swaŕu *ответ*; и, наоборот, да. for-ʒíetol *забывчивый* имеет безударную или слабую приставку, так как оно является производным от глагола да. for-ʒíetan.

Появление большого числа отглагольных имен с безударными (или слабуючими) приставками повело к тому, что некоторые приставки, особенно часто употреблявшиеся в глаголах, оказались большей частью безударными (или слабуючими) и в именах, в связи с чем даже отыменные образования с такими приставками получали, по аналогии отглагольных образований, главное ударение не на приставке, а на следующем за ней корневом слове.

Глава X

КОНСОНАНТИЗМ

Система согласных звуков (включая полугласные)

§ 37. В древнеанглийском находим следующую систему согласных звуков¹:

	Губные	Зубные	Нёбные		Гортанные
			Палатальные	Веларные	
Смычные	p pp b bb	t tt d dd	[k' k'k'] [g' g'g']	[k kk] [g gg]	
Фрикативные	f ff [b > v]	þ, s þþ, ss ð, [z]	[ç çç] →[j]	[χ χχ] [g]	h
Плавные		l, r ll, rr			
Носовые	m mm	n nn	(? [ŋ])	[ŋ]	
Полугласные	w		→[j]	(w)	

¹ В квадратные скобки заключены те знаки, которые не совпадают с буквами, обычно изображающими соответствующие звуки в древнеанглийских памятниках: см. §§ 20—22; — w, как лабиовеларный звук, отнесен и к губному и к веларному ряду.

1. Губно-губное [b] превратилось в древнеанглийском в литературную эпоху в губно-зубное [v]: ср. *да.* bebr [bebr] (в Эпинальских глоссах), позже обычно beofor [béqbor] > [béqvor] *бобер* (> *са.* *bever* > *на.* *beaver* ['bi:və]). Точнее установить время этого изменения невозможно.

Первоначально и *да.* f и ff были, вероятно, губно-губными согласными, но позже они стали губно-зубными, — повидимому, в ту же эпоху, когда b изменилось в v.

2. Веларные [k] и [kk] обозначаются в рукописях большей частью через c и cc, т. е. так же, как и соответствующие палатальные звуки (см. § 22).

3. Звонкие небные согласные [g', g, j, g] обычно передаются одной и той же буквой — z (см. § 22). Двойное палатальное [g'g'] обыкновенно изображается сочетанием cz (см. там же). В более раннем древнеанглийском смычное [g] (простое) встречалось только после носового согласного, но в дальнейшем начальное фрикативное [g] перешло в [g]: ср. *да.* zār [qār > gār] *копье*, zgrōwan [grōwan > grōwan] *расти* (*на.* *grow* [grou]). Оба звука ([g] и простое [g]) были лишь вариантами одной фонемы. Фрикативный палатальный согласный [j] и полугласный [j] также представляли собой одну фонему, которая могла иметь и вариант [i], почему эта фонема изображается не только через z, но также и через i, iz(e).

4. Палатальные и веларные согласные [k'] и [k], [g'] и [g], [j] и [g] являлись в древнеанглийском самостоятельными фонемами по отношению друг к другу: ср. *да.* bepc [-k'] *скамья* — rinc [-k] *воин, герой*, sēcap [-k'-] *искать* — sprecan [-k-] *говорить*, senzan [-g'-] *обжигать* — sinzan [-g-] *петь*, zeaf, zæf [j-] *дал* — zædelinz [g] *родич*, iā [jā] *да* — zā [qā] *иду* и другие пары, где соответствующие друг другу палатальные и веларные согласные находятся в одинаковых фонетических условиях. Также и двойные согласные [k'k'] и [kk], [g'g'] и [gg] следует рассматривать как самостоятельные фонемы: ср. *да.* wisse [-k'k'-] *колдунья* — lisc-

ciap [-kk-] *лизать*, liсзап [-g'g'-] *лежать* — frozza [-gg-] *лягушка* (хотя в последней паре условия и не вполне сходные, поскольку [g'g'] находится после палатального гласного, а [gg] — после веларного).

5. Глухие небные фрикативные согласные [ç, χ] и [çç, χχ] обыкновенно передаются в рукописях через h и hh (см. § 22). Простые [ç] и [χ] не противопоставлялись как особые фонемы гортанному фрикативному [h] (возникшему из [χ] в определенных условиях, см. § 58). Также и различие между палатальными [ç, çç] и соответствующими веларными [χ, χχ] не было фонематическим.

6. Звонкие фрикативные согласные [b > v], [ð] и [z] изображаются теми же буквами f, ð/p и s, что и соответствующие глухие фрикативные f, p, s, (см. § 22). Передача звонкого [ð] только буквой ð, а глухого [p] буквой p, принятая в этой книге, является, таким образом, условной нормализацией.

Звонкие [b > v], [ð] и [z] и соответствующие им глухие фрикативные не встречались в одних и тех же условиях:

Между звонкими звуками, но не на стыке частей сложного слова — [b > v], [ð], [z], причем [z] не встречается между звонким согласным и гласным.

Рядом с глухими согласными и в начале или конце слова, а также на стыке частей сложного слова — [f], [p], [s], причем [s] встречается также между звонким согласным и гласным.

Это соотношение свидетельствует о том, что звуки внутри каждой пары [b] — [f] (позже [v] — [f]), [ð] — [p], [z] — [s] представляли собой в древнеанглийском не самостоятельные фонемы, но лишь звонкие и глухие варианты фонем [b/f] (> [v/f]), [ð/p] и [z/s]. С этим, очевидно, связаны и особенности употребления букв f, s и ð, p в древнеанглийском (ср. § 22).

7. Веларный носовой согласный [ŋ] встречается в древнеанглийском только перед нёбными смычными согласными, следовательно в сочетаниях, изображавшихся

на письме через *пс, пз*. С древнейших времен [ɲ] было лишь вариантом фонемы [п], обусловленным ее положением перед нёбным согласным.

Перед палатальным согласным [ɲ], вероятно, также становилось палатальным, но отличать палатальное [ɲ'] как особый звук от веларного [ɲ] в древнеанглийском языке нет необходимости.

8. Двойные (долгие) согласные в древнеанглийском четко отличались от соответствующих простых (кратких) лишь в положении между гласными. В этом случае на них приходился слогораздел: ср. *да. libban жить* = ['lib-ban], *сиппан знать, уметь* = ['kɪp-nan], *оффе или* = ['of-fe]. Перед согласными и в исходе слова различие между двойными и простыми согласными стиралось: ср. *да. fyllan наполнять, fulle полные*, но *прош. вр. обычно fylde*, *ед. ч. ful* (наряду с *full*). После долгих и после безударных гласных в указанных положениях происходило, вероятно, полное превращение двойных согласных в простые. В начале слова или морфемы двойные согласные вообще не встречались.

Примечание: В некоторых южных говорах (т. е. в пределах уэссекского и кентского диалектов) [f], [p] и [s] возможно, озвончились в начале слова (или части сложного слова) перед гласным или звонким согласным уже в исходе древнеанглийского периода. Возможно также, что в указательных местоимениях и наречиях, в личном и притяжательном местоимениях 2-го лица ед. ч., в союзах и относительной частице *ре что, как, который* начальное [p] озвончалось уже в древнеанглийском при слабоударном или безударном положении этих слов. Впоследствии звонкое [ð] распространилось и на сильноударные варианты этих слов: ср. *на. that*[ðæt], *there*[ðɛə], *thou*[ðau], *that*[ðæt, ðæt] < *да. pæt то, pær там, pū ты, pæt что* (союз).

Глава XI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СОГЛАСНЫХ

СТАРЫЕ¹ СОГЛАСНЫЕ

§ 38. Древнеанглийские простые (краткие) смычные **p, t, k**, фрикативные **þ, s, [g]**, плавный **l**, носовые **m, n, [ŋ]** и полугласный **w** обычно представляют собой старые звуки, сохранившиеся без значительных изменений.

Ср. *да.* slæpan *спать* || *г.* slēpan; — *да.* etan *есть* (инф.) || *г.* itan; — *да.* ēacian [æakian] *увеличивать, добавлять* || *г.* aukan; — *да.* þā *те* || *г.* þai; — *да.* sealt *соль* || *г.* salt; — *да.* āzan *обладать, иметь* || *г.* aigan, *ди.* eiga (g=[g]), *дшв.* egha (gh=[g]); — *да.* lētan *пускать, оставлять* || *г.* lētan; — *да.* mōna *луна* || *г.* mēna; — *да.* in *в* || *г.* in; — *да.* þānk [-ŋk] *помысел, благодарность* || *г.* þagk [-ŋk] (вин. ед.); — *да.* wæs *был* || *г.* was; — *да.* sāwl *душа* || *г.* saiwala.

Примечание: Из этих согласных только **t** сравнительно часто не является старым, так как по соседству с глухими согласными оно в известных случаях восходит к **d** (из *ð, § 46): ср. *да.* cēpte < *kōpidæ (< *-iðōn) *хранил* при dēmdē < dōmidæ (< *-iðōn) *судил*; — rætst < rædist(u) *толкуешь, читаешь* наряду с rædest, при инф. rædan.

В более редких случаях (а именно в сочетании [ks], обычно изображавшемся через x) древнеанглийский [k]

¹ Под «старыми» звуками имеются в виду звуки германского языка-основы. Автор против термина «прагерманский язык», а от термина «германский язык-основа» нельзя образовать прилагательное.

может быть не старым [k], а старым [χ], которое, по-видимому, около начала литературной эпохи превращалось в [k] перед s: ср. *да.* oxa < ohsa < *ūχsō *вол* || *г.* aúhsa, *дс.* *двн.* ohso; — *да.* feax < feahs < *faχsan *волосы* || *дс.* *двн.* fahs.

§ 39. Древнеанглийские простые (краткие) фрикативные f, [χ] и [b] (> [v], § 37), фрикативный или полугласный [j] и плавный r нередко являются старыми.

Ср. *да.* feoh [-χ] *движимое имущество, деньги* (первоначально *скот*) || *г.* faihu; — *да.* eahta [-χt-] *восемь* || *г.* ahtau, *нвн.* acht [aχt]; — *да.* siofon, seofon [-b->-v-] *семь* || *г.* sibun, *дс.* sibun; — *да.* zēar [j-] *год* || *г.* jēr; — *да.* erian *пахать* || *г.* arjan.

Но нередко эти же согласные имеют другое происхождение: f < [b], [χ] < [g] (§ 60); [b] < f (§ 59); [j] < [g] (§ 54); r < *z (§§ 47—48). Кроме того, начальное f в сочетании fl- в единичных словах может восходить к þ: ср. *да.* flēon *бежать* (*спасаться бегством*) || *г.* þliuþan. Однако возможно, что древнеанглийское f (а также и западногерманское и скандинавское f) в таких словах является более (или менее) старым звуком, чем готское þ.

Примечание: В отдельных заимствованных словах f находится на месте латинского v: ср. *да.* fers *стих* из *лат.* versus. В остальных же случаях (если не считать сочетания fl-) древнеанглийское начальное f всегда старое.

§ 40. Древнеанглийские двойные (долгие) смычные pp, tt, kk, фрикативный ss, плавные ll, rr и носовые mm и nn в известных случаях являются старыми.

Ср. *да.* ūp(p) *вверх*, ūpre *вверху* || *ди.* upp, uppi; — *да.* sceat(t) *монета*, мн. sceattas || *г.* skatts, мн. skattōs; — *да.* liccian *лизать* || *дс.* likkon, *двн.* leccōn; — *да.* wisse *знал* || *г.* wissa, *ди.* vissa; — *да.* cyssan *целовать* || *ди.* kyssa; — *да.* ful(l) *полный*, мн. fulle || *г.* fulls, мн. fullai; — *да.* feor(r) *далеко* || *г.* faírra; — *да.* fierran *удалять* || *дс.* firrian; — *да.* swimman *плыть* || *ди.* suimma; — *да.* cunpan *знать, уметь* || *г.* kunpan; — *да.* þynne *тонкий* || *ди.* þunnr; — *да.* unpan *жаловаться* || *ди.* unna.

Во многих случаях, однако, те же двойные согласные появились в древнеанглийском лишь в результате различных фонетических явлений, относящихся уже к эпохе образования древнеанглийского языка с его характерными особенностями. Важнейшие из этих явлений — удвоение простых согласных, главным образом перед старым [j] (§ 51), но также и в некоторых других случаях (§§ 52—53), выпадение безударных гласных внутри слова (§§ 127—132) и ассимиляция согласных (§ 53). Но **rr** не может быть результатом удвоения простого **r** (независимо от происхождения этого **r**, ср. § 51), а **[kk]** не может быть результатом удвоения **[k]** перед **[j]** (ср. § 51).

§ 41. Древнеанглийские двойные (долгие) смычные **bb**, **dd**, **gg** в отдельных случаях, повидимому, не образовались ни в результате удвоения простых согласных (§§ 51—52), ни в результате каких-либо других явлений, приводивших к появлению двойных согласных в древнеанглийском (§ 53), и поэтому могли бы в этих случаях быть признаны старыми **bb**, **dd**, **gg**. Но так как старых простых **b**, **d**, **g** в древнеанглийском языке, очевидно, не существовало, то более вероятным представляется, что и двойные **bb**, **dd**, **gg** никогда не являлись старыми, хотя может быть они и появились в определенных случаях даже раньше соответствующих простых (см. § 21, п. 10 и § 43).

§ 42. Двойные (долгие) фрикативные **ff**, **þþ** и **[χχ]** в древнеанглийском вообще встречаются редко. Во всех случаях, где их происхождение может быть установлено с подлинной несомненностью, они не представляют собой старых двойных согласных (ср. § 52—53). Но так как есть слова с **ff**, **þþ** и **[χχ]** неясного происхождения, то нельзя полностью отрицать возможность существования старых **ff**, **þþ**, **[χχ]** в единичных случаях.

**Древнеанглийские смычные звонкие согласные
из фрикативных звонких: $b < [b]$; $d < *ð$; $[g] < [g]$**

§ 43. Древнеанглийские простые (краткие) звонкие смычные **b**, **d**, **g** произошли из старых звонких фрикативных $[b]$, $*ð$, $[g]$. Однако история каждого из этих звуков имеет свои особенности: старое $[b]$ превратилось в **b** после носового согласного (в сочетании $*mb$) и в начальном положении, старое $*ð$ дало **d** независимо от положения, а старое $[g]$ стало смычным первоначально лишь после носового согласного (в сочетании $*ŋg$) и только в позднеанглийском превратилось в $[g]$ также и в начале слова (§ 37). Кроме того, старые $[b]$, $*ð$, $[g]$ стали смычными при их удвоении (см. § 51).

§ 44. Превращение $[b]$, $*ð$, $[g]$ после носовых согласных в **b**, **d**, $[g]$ относится, повидимому, к числу древнейших явлений долитературной эпохи.

1. $b < [b]$: ср. *да.* *dumbe* $< *ðumbai$ *немые* || *г.* *dumbaī*, *двн.* *tumbe*, при *да.* *dēafe* $[-b-]$ *глухие* || *г.* *daubaī*, *двн.* *toube*, — вероятно, с тем же корнем (ср. значения *двн.* *tumb* *немой, глупый, глухой*).

2. $d < *ð$: ср. *да.* *sendan* $< *sandīanan$ *посылать, отправлять в путь*, при *sīþ* $< *senþaz$ *ход, путь, путешествие* || *г.* *sinþs*, со старым глухим $þ$, чередовавшимся со старым звонким $*ð$ (ср. ниже, 3).

3. $[g] < [g]$: ср. *да.* *hanzen* $[-ŋg-]$ $< *ħanġanaz$ *повешенный* при повелительном наклонении *hōh* $< *ħanħe$ со старым $[-ħ-]$, чередовавшимся со старым $[g]$ так же, как, например, в *да.* *tēoh* *тяги, влеки* — *tozen* $[-g-]$ *тянутый, влеченный* (ср. выше, 2).

§ 45. В начальном положении только $[b]$ и $*ð$ превратились в **b** и **d** уже в долитературную эпоху.

1. $b < [b]$: ср. *да.* *bēod* $< *beīðaz$ *стол* при *wēofod* *алтарь*, где *wēo* $< *wīh$ ($< *weiħ-$) *священный* (|| *г.* *weihs*), а *-fod* $[bōd]$ $< *beīðaz$ в безударном положении, с сохранением $[b]$ внутри слова, переставшего восприниматься как сложное (т. е. как $*wīh-bēod$ «*священный*

стол»); — также *да.* brīet, brīetep < *breutepī *ломает* (рун. дск. bariutip — руна b = [b]).

2. **d** < *ð: ср. *да.* dæz < *ðagaz *день* || рун. дск. da-gaR; — *да.* dældon < *ðailiðūnp *делили* || рун. дск. dālidun (руна d = [ð]).

§ 46. Старое *ð перешло в **d** уже в долитературную эпоху не только после носового согласного **n** и в начальном положении, но также и во всех других условиях, и, таким образом, старое ð* вообще не сохранилось в древнеанглийском в виде звонкого фрикативного звука.

Ср. *да.* zōd < *gōðaz *добрый* || г. gōps, gōds (мн. gō-dai), *ди.* gōðr; — *да.* zeard < *gaīðaz *двор, усадьба* || *ди.* gaīðr; — *да.* fæder < *faðer *отец* || г. fadar, *ди.* faðir; — *да.* wurdon < *wūrdūnp *стали, сделали* || *ди.* urðu, при *да.* wearp *стал, сделался*, со старым чередованием **p** ↔ ð (ср. § 34).

Примечание 1: Также *ð из **p** рядом с **l** перешло в **d**: ср. *да.* zold < *gōld < *gūlpan *золото* || г. gulp; — *да.* nēdl, nēdl < *næðlu < *nēplō *изла* (наряду с nēdl) || г. nēpla.

Примечание 2: Относительно **t** из **d** см. § 38.

Древнеанглийское **r** из *z (ротацизм)

§ 47. Наряду со старым **r** (§ 39) в древнеанглийском нередко встречается **r** из старого *z, которое перешло в **r** еще в долитературную эпоху.

Ср. *да.* māra < *maizō *большой* || г. maiza; — *да.* hord < *hūzðan *сокровище* || г. huzd; — *да.* мн. ч. dēor < *ðeūzō *животные* || г. diuza.

Таким образом, старое *z в древнеанглийском нигде не сохранилось в неизменном виде.

Примечание: Так как старое *z не встречалось в начале слова и рядом с глухим согласным, то древнеанглийское **r** в этих положениях всегда представляет собой старое **r**.

§ 48. Прежде всего нужно отметить, что переход z в $г$ является значительным изменением, в котором можно выделить ряд отдельных основных фаз: $z > \check{z}$, $\check{z} > \check{r}$, $\check{r} > r$. Можно, однако, ограничиться различием только двух фаз, объединив $z > \check{z}$ и $\check{z} > \check{r}$ в $z > \check{r}$. В таком случае изменение z в $г$ изобразится в виде $z > \check{r} > r$.

Под \check{r} здесь понимается звонкий фрикативный согласный, образуемый в общем подобно \check{z} (т. е. звуку типа русского [ж]), но со значительно меньшим трением, почему этот звук может быть охарактеризован и как согласный сонорный. Ослабление трения и приобретение вместе с тем более или менее сонорного характера как раз и являются важнейшими моментами в переходе $z > \check{r}$.

Переход $\check{r} > r$ представляет собой последнюю фазу ротацизма, приведшую к совпадению прежнего z со старым $г$, которое, вероятно, имело в древнегерманских языках не фрикативный, а ударный характер. В скандинавских языках эта фаза ротацизма, как известно, непосредственно прослеживается по руническим памятникам, так как \check{r} и $г$ обозначались разными рунами, — R и $г$, соответственно.

Что касается западногерманских диалектов, то здесь переход $\check{r} > r$ непосредственно по памятникам не прослеживается. Отсутствие удвоения перед j и передача через латинское $г$ свидетельствует о том, что процесс развития z в $г$ уже начался ко времени соответствующих явлений и даже прошел фазу образования звука \check{r} . Но ни то ни другое явление не указывает на завершение ротацизма в западногерманских диалектах, на переход $\check{r} > r$. Напротив, есть одно обстоятельство, указывающее на то, что этот переход произошел не ранее конца VI или начала VII века, по крайней мере в древнеанглийском.

Такие словоформы, как *da. lāessa* и *wiersa* (*на. less* и *worse*) несомненно восходят к **laisizō* и **wersizō* — с обычным суффиксом сравнительной степени *-iz-* (ср. *g. waírsiza*). Ассимиляция согласного в суффиксе с предшествующим *s* в двойное *ss* (откуда затем в простое *s*

в *wiersa*) становится вполне понятной, если предположить, что этот согласный в эпоху ассимиляции еще произносился как *ř*; ассимиляция же *s + r* в *ss* представляется невероятной. Вместе с этим вряд ли можно предполагать, как это делает Клуге, что ассимиляции подвергалось еще *z*: сохранение неизмененного *z* до VI — VII в. не согласуется с известными нам фактами (в частности, с отсутствием удвоения в *perian* и пр., где *r* из *z*).

Если допустить, что ассимилированным согласным в *да.* *læssa* был звук *ř*, то ассимиляция в этой словоформе была бы совершенно подобна той, которую мы находим в *дисл.* *lauss* из **lausř* (= *-lausR* в *Björketorp*-ской рунической надписи, Швеция, ок. 700 г); подобным же образом *да.* *wiersa* из **wierssæ* из **wiers(i)rœ* (< **wersizō*) имело бы *-s-*, развившееся из *-sř-* так же, как *-s* в *дисл.* *lax* (= *laks* из **lakss* из **laȳs(a)ř*).

Далее, наряду с древнеанглийской сравнительной степенью *sēlra* (из *sœlra*) встречается и *sēlla*, с *-ll-*, возникшим, скорее всего, в результате такой же ассимиляции, как в *дисл.* *heill* из **hæilř* и т. п. Таким образом, повидимому, *да.* *sēlla* фонетически закономерно получилось из **sœl(i)řæ* (< **sōlizō*). В этой связи следует обратить особое внимание на то, что при ассимиляции *l + r* (не *ř!*) мы находим в древнеанглийском *rr* (а не *ll*); ср. *да.* *Æþerrēd* из *Æþelrēd*; *Cēored* из *Cēor-rēd* из *Cēolrēd*. Форма же *sēlra* (*sœlra*), очевидно, представляет собой новообразование по аналогии с другими словоформами сравнительной степени (на *-ra*).

Если (и это представляется почти несомненным) *-ss-* (*-s-*) в *læssa* и *wiersa* и *-ll-* в *sella* возникли в результате ассимиляции именно *ř* (а не *z*, как это получается по Клуге, и не *r*) с *s* и *l* соответственно, то тем самым устанавливается, что еще в VI веке, или даже в начале VII века, сохранялось различие между *ř* и *r*. Это следует из того, что ассимиляция в этих словоформах могла произойти лишь после выпадения *-i-* в суффиксе сравнительной степени, а выпадение безударного *-i-* вряд ли могло произойти раньше VI в.; скорее же всего оно относится к исходу VI — началу VII века.

Против предположения о сохранении *ġ* до VI — VII в. в древнеанглийском можно было бы выдвинуть то обстоятельство, что преломление палатальных гласных перед *g* из *z* произошло точно так же, как и перед старым *g* в соответствующих случаях; ср. *да.* *teorð* из **mizdō*; *leornian* из **līznōjan-* и т. п. Преломление же, повидимому, старше VI века. Однако такое возражение не было бы достаточно веским.

Преломление, как известно, определялось веларным характером преломляющего согласного. В этом отношении *ġ* могло не отличаться от старого *g* уже в эпоху преломления, и поэтому оно могло вызывать то же явление. Но это еще не значит, что *ġ* должно было к тому времени совпасть со старым *g* во всех отношениях: *ġ* могло быть в достаточной степени веларизованным, оставаясь вместе с тем фрикативным (щелевым) в отличие от ударного (вибрантного) старого *g*. То, что скандинавское *ġ* в сравнительно позднее время, — вероятно, не раньше VII — VIII в., — судя по его воздействию на предшествующие гласные (так называемый R-умлаут), было палатализованным, отнюдь не свидетельствует о том, что оно было таким же в англо-фризских диалектах в IV — V в., а также и в самих скандинавских говорах в ту же, более раннюю эпоху. Напротив, имеется даже прямое указание на то, что в более раннее время *ġ* как в древнеанглийском, так и в скандинавских диалектах не было палатализованным: в обеих языковых областях (за исключением готландской территории) *i* перед *ġ* рано превратилось в *e* (откуда затем большей частью *e*); ср. *да.* *hē* из **hiġ* < **hiz* (при косвенных падежах *hine*, *him*, *his*); *wē* из **wiġ* < **wiz* (с сокращением под слабым ударением); *teorð* (наряду с *mēð*, с удлинением за счет исчезнувшего *-ġ-*) из **miġdu* < **mizdō*; — *дисл.* *vér* = *да.* *wē*; *дисл.* *er* из **iġ* (*рун.* *iR*) < **izi* < **essi* (в безударном положении *-ss-* упрощалось и ослаблялось в *-z-*); вероятно также сюда относится и *да.* *mē*, *дисл.* *mér*, *сев. рун.* *meR* (на Opedal'ском камне; Норвегия, VI век) = *двн.* *miġ*, *дс.* *mī*, *дфриз.* *mī* из **miġ* < **miz*, Изменение *i* в *e* под воздействием палатализованного *ġ* представляется

неправдоподобным. Наоборот, такое явление, напоминающее так называемый «а-умлаут», естественно может быть связано с влиянием более или менее веларизованного согласного, хотя оно и не есть веларизация *i* в собственном смысле слова (в основном здесь — движение языка вниз, но отчасти все же и некоторый сдвиг назад также более чем вероятен, почти неизбежен).

Итак, можно полагать, что в древнеанглийском развитие *z* в *г* представляло собой длительный процесс, в общем растянувшийся на три столетия:

1) Первый этап этого процесса, переход *z* > *ġ*, как и в других западногерманских языках, был пройден, вероятно, в IV веке, т. е. до переселения части ингвеонских племен в Британию. Такая датировка наилучшим образом согласуется со свидетельством германских заимствований в латыни и с обычной и наиболее обоснованной датировкой других явлений — удвоения согласных перед *j* и преломления.

2) Второй этап, переход *ġ* > *г*, являющийся заключительной фазой ротацизма, относится, по всей вероятности, ко времени не ранее конца VI в., возможно — к VII веку. Предполагать более долгое сохранение различия *ġ* — *г* вряд ли возможно, поскольку это различие никак не отразилось в англо-саксонском письме: если латинское письмо и не могло его передать, то все же оно должно было бы найти отражение в англо-саксонском руническом письме, которое, как известно, сохранилось значительно дольше, чем руническое письмо у других западногерманских племен, и было значительно лучше приспособлено к передаче звуков древнеанглийского языка, чем письмо латинское. Отнесение же последней фазы ротацизма ко времени не ранее конца V в. определяется датировкой выпадения *-i-* после долгого ударного слога, которую можно признать достаточно надежной (VI в., самое позднее — начало VII).

Следовательно, *ġ* существовало в древнеанглийском языке (вернее — в ингвеонских диалектах, легших в основу древнеанглийского языка) в течение V и, по крайней мере, части VI в., т. е., в общем, в то самое время,

к которому относится большинство ранних северных рунических надписей. На это время приходится и англосаксонское завоевание Британии. К этому же времени, возможно, относится и проникновение скандинавских преданий в ингвеонскую среду, нашедших затем отражение в *Беовульфе* (ср. *Huzelās* — геатский, т. е. гаутский, конунг в *Беовульфе* — из **Hugilaikaǥ*; повидимому, это *Chochilaicus* Григория Турского; если это так, то **Hugilaikaǥ*, известный как *Huzelās* в *Беовульфе* и как *Chochilaicus* у Григория Турского, жил в начале VI века). В эту эпоху общение между скандинавскими и ингвеонскими западногерманскими племенами было, повидимому, довольно оживленным и тесным, и пограничные диалекты тех и других племен должны были влиять друг на друга. Сохранение в эту эпоху *ǣ*, отличного от *g*, в диалектах англо-саксов (т. е. ингвеонов, выселявшихся в Британию) могло находить поддержку в этих скандинаво-ингвеонских связях V—VI веков.

§ 49. В прямом отношении к ротацизму находилось и так называемое западногерманское отпадение конечного *-z*.

Из предыдущего изложения можно видеть, что не только в скандинавских языках и в языке северных рунических надписей, но и в языках западногерманских ротацизм представлял собой очень длительный процесс. При этом на месте прежнего *z* в течение довольно долгого времени произносился тот или иной звук типа *ǣ*, в известных отношениях близкий к старому *g*, но все же отличавшийся от него как особая фонема. Поскольку, таким образом, и западногерманский ротацизм выступает как развитие *z > ǣ > g*, в котором *ǣ* не может рассматриваться как лишь кратковременно существовавший «переходный» звук на пути превращения *z* в *g*, постольку, естественно, возникает вопрос: было ли так называемое западногерманское отпадение *-z* действительно отпадением *-z* как такового, или это было отпадение уже *-ǣ*, развившегося из *-z*?

Ведь в самом деле, если после перехода *ǣ > g* отпадение было уже невозможно, так как старое *-g* со-

хранялось и, следовательно, должно было бы сохраниться и совпавшее с ним новое **г**, то отпадение **-ġ** как такового представляется вполне возможным. С фонетической точки зрения отпадение именно **-ġ** наиболее вероятно: оно наиболее естественно объясняется с учетом характерных особенностей развития звуков в германских языках.

Изменение **z** в **ġ**, поскольку при нем звук делается более «открытым» и сонорным, вообще, естественно, соединяется с ослаблением ртовой артикуляции. Для германских языков характерны особенно значительные различия по силе артикуляции, связанные с различиями в сонорности. Очень возможно, что уже в законе Вернера мы имеем дело с озвончением, связанным с ослаблением артикуляции согласных после безударных гласных, поскольку вполне вероятным представляется, что в германском произношении индоевропейский «тон» соединялся с (силовым) ударением, а «атоничность» совпадала с артикуляционным ослаблением: со слабоударностью или безударностью. Может быть прежний «тон» не столько соединялся с ударением, сколько заменялся им, а, соответственно этому, «атоничность» заменялась слабоударностью или безударностью: важно вообще развитие силовой дифференциации. Соединение ослабленного произношения с озвончением уже с полной несомненностью наблюдается в дальнейшей истории различных германских языков: достаточно напомнить озвончение фрикативных согласных и аффрикаты [tʃ] после безударных гласных в английском языке (ср. *of*, *is*, *horses*, *Woolwich* и пр. со звонкими конечными согласными на месте прежних глухих); изменение *mīk*, *pīk*, *sīk* в *mīg*, *pīg* (*dīg*), *sīg* в скандинавских языках (с различными особенностями дальнейшего развития в отдельных языках); озвончение поствокальных согласных в датском языке, связанное с общим ослаблением произношения таких согласных (ср. вокализацию поствокального фрикативного **g**: веларного — в неслоговое **u**, палатального — в неслоговое **i**, — например, в *skov* [-ou] из *skogh*, в *vej* из *vægh*; вокализацию древнедатского посвокального **v**: *havn* и т. п.; превращение **b**, **d**, **g** из

р, t, k после гласных в дальнейшем в большинстве диалектов во фрикативные, а pp, tt, kk в интервокальном положении — в «глухие b, d, g», т. е. в глухие слабые, *lenes*: *hoppe, dette, trykke*). Далее следует обратить внимание на более долгое произношение гласных перед согласными соответственно степени сонорности последних, например, в английском языке (ср. *mat, mad, man*: последние два слова имеют обычно значительно более длительный гласный, чем первое, причем гласный в *man* большей частью произносится еще протяжнее, чем в *mad*, — при условии одинакового их положения в речи). Большая длительность гласного тесно связывается здесь с более слабой артикуляцией последующего согласного и тем самым является показателем относительной слабости произношения более звучных согласных. Наконец, нужно заметить, что случаи изменения звонких взрывных во фрикативные и звонких фрикативных в полугласные также свидетельствуют о значительно более слабом произношении согласных соответственно большей их звучности, зависящей в таких случаях от большей их «открытости». Некоторые примеры подобного изменения согласных в германских языках уже были приведены выше (в связи с озвончением согласных в датском языке).

В общем все сказанное здесь позволяет с достаточной уверенностью полагать, что переход *z* в *ġ* в германских языках представлял собой явление, в котором ослабление артикуляции было одним из существенных моментов. Уже *z* как согласный звонкий должно было быть сравнительно слабо артикулируемым звуком; развившееся же из него *ġ*, как звук более сонорный ввиду большей «открытости», должно было оказаться одним из самых слабых согласных тех древнегерманских диалектов, в которых произошло изменение *z* в *ġ*. Естественно, что наиболее слабо *ġ* произносилось в исходе слова, если только в этом положении не происходило оглушение. На слабость конечных согласных указывает общегерманское отпадение многих согласных, даже глухих, в исходе слова (за исключением положения после краткого ударного гласного). Вместе с тем, про-

изношение звонкого **-z** в конце слова свидетельствует о том, что звонкие и глухие шумные вообще различались в конечном положении в германских диалектах в эпоху, предшествующую началу ротацизма. Можно предполагать, что и после перехода **z > ʒ** оглушение (и усиление) конечных звонких (слабых) согласных в рассматриваемую эпоху в этих диалектах не имело места. Напротив, имеются указания на отсутствие такого оглушения (словоформы прошедшего времени типа *да. band, двн. bant; двн. -t* показывает на более раннее **-d**: если бы ко времени верхненемецкого передвижения согласных получилось **-t**, то в результате передвижения было бы уже не **-t**, а *двн. аффриката -z [ts]*)).

Принимая особо ослабленное произношение **ʒ** в конечном положении в западногерманских диалектах, естественно предположить, что дальнейшее его развитие в сторону соноризации и вместе с тем ослабления приводило уже к его исчезновению, возможно, через фазу вокализации. Во всяком случае развитие **-z > -ʒ > —** (нуль) гораздо лучше соответствует всему тому, что мы знаем о звуковом развитии германских языков, чем непосредственное исчезновение **-z** как такового. Поскольку древнегерманское **ʒ** по своему характеру должно было быть более или менее похоже на современное южноанглийское **ɹ**, постольку так называемое западногерманское отпадение **-z** следует, быть может, представлять себе в виде явления, в значительной мере подобного утрате конечного **-ɹ** в южноанглийском (ср. **maiz > *māʒ > да. mā, с одной стороны, и да. māra > мор(e) > на. more [mɔ:] — с другой*)).

Переход **z > ʒ** в северноруническом и в собственно скандинавских языках, так же как и в западногерманских, следует рассматривать как изменение в сторону ослабления. Однако здесь, в частности именно в скандинавских языках, конечное **-ʒ** не исчезало, а переходило далее в **-ɹ**, т. е. совпадало со старым **-ɹ**. Это отличие развития **-ʒ** в скандинавских диалектах от того, что мы наблюдаем в западногерманских, следует, думается, поставить в связь с известным в скандинавских языках древним оглушением конечных согласных, т. е.

с явлением, которое, как говорилось, было неизвестно в древнейшую эпоху развития западногерманских диалектов.

В отличие от *-ġ* из *-z*, старое *-g* в общем сохранилось во всех древнегерманских языках. Следовательно, несмотря на свой сонорный характер, это *-g* было все-таки более сильным, чем западногерманское *-ġ* ко времени отпадения. Нужно заметить и то, что старое *-g* удержалось в эпоху отпадения конечных зубных (= *ie*, *-d*, *-t*). Этим также подтверждается сравнительно сильное произношение старого *-g*. Предполагается, что такое произношение этого звука было связано с его вибрантным характером, которым оно отличалось от всех прочих согласных, а в частности — и от *ġ*. Действительно, пока *g* произносилось как дрожащий (или ударный) согласный, должен был сохраниться некоторый определенный минимум энергии произношения, необходимый для вибрирования языка. При большем ослаблении *g* перестало бы быть вибрантом, оно существенным образом изменило бы свой специфический характер, утратило бы свое основное отличие от *ġ*. Напротив, ослабление *ġ* не вело к коренному изменению его отличия от старого *g*. Поэтому такое ослабление могло происходить без заметного, на каждом данном этапе, нарушения данного соотношения между *ġ* и старым *g*. В процессе такого ослабления в благоприятных для этого условиях, а именно — в исходе слова, *-ġ* постепенно стало значительно более слабым, чем *-g*, и, наконец, перестало произноситься. После этого отпадения *-ġ* сохранение прежнего различия между *ġ* и старым *g* уже не оправдывалось в достаточной мере: фонема *ġ* стала встречаться сравнительно редко, только внутри слова (в начальном положении *ġ* вообще никогда не встречалось, а в конечном положении оно отпало). Вероятно поэтому *ġ* в западногерманских диалектах не продержалось так долго, как в скандинавских языках, в качестве отличной от *g* фонемы: там, где оно первоначально еще сохранялось после отпадения в исходе слова (а также и после ассимиляции и исчезновения в некоторых особых случаях внутри слова), оно затем стало заменяться через более

обычное **г**, которое употреблялось во всех положениях в слове. Внутри слова **ġ**, несомненно, не было таким слабым, как в конечном положении ко времени отпадения, и поэтому здесь его отличие от старого **г** было сравнительно небольшим. Это облегчало его совпадение в дальнейшем со старым **г** или, вернее, его замену через это последнее.

Итак, если рассматривать ротацизм в германских языках как длительный, постепенно развивающийся процесс, проходящий две основные фазы — $z > \check{g}$ и $\check{g} > g$, и при этом понимать так называемое отпадение **-z** в западногерманских языках как собственно отпадение **-ġ** (из **-z**), то оба эти явления никак нельзя отрывать друг от друга. Западногерманское отпадение **-ġ** оказывается как бы вплетенным в ротацизм: оно предполагает начало этого последнего (прохождение его первой фазы: $z > \check{g}$) и вместе с тем, вероятно, представляет собой явление, способствовавшее завершению этого процесса (прохождению второй его фазы: $\check{g} > g$). Таким образом, развитие старого германского **z** следует представить себе в таком виде:

1) Начало ротацизма, его первая фаза: $z > \check{g}$ в скандинавских и западногерманских диалектах — при сохранении **z** в готском (с переходом там конечного **-z** в **-s**). 2) Отпадение **-ġ** в западногерманских языках — при его сохранении в скандинавских (вне связи с сохранением **-s** из **-z** в готском; также и западногерманское отпадение **-ġ** — вне связи с известными случаями отпадения **-z** или **-s** в готском: ср. г. *waír*). 3) Завершение ротацизма, его вторая фаза: $\check{g} > g$ — сначала в западногерманской, затем в скандинавской языковой группе, вероятно, уже независимо от этого явления в западногерманских языках (тогда как первую фазу ротацизма, может быть, следует рассматривать как реально единое явление, отражающее старые скандинаво-западногерманские исторические связи).

Приняв во внимание более или менее вероятную и достоверную хронологию всех этих явлений, можно более наглядно представить соотношение между ними следующим образом:

До IV века IV век V век VII век XI—XII вв.

Готск. -z-; -z > -s -z-, -s -z-, -s

Сканд. } -z-, -z > -ř-, -ř < -ř-, -ř -ř-, -ř -r > -r-, -r
Згерм. } -z-, -z > -ř-, -ř < -ř-, — > -r-, — -r-, —

Такое соотношение между отдельными явлениями свидетельствует, повидимому, о том, что в общем развитие старого германского *z* отражает не более раннюю близость скандинавских языков к готскому (сохранение -z и лишь последующее их сближение с западногерманскими — ротацизм), но более ранние скандинаво-западногерманские связи и их последующий разрыв в результате нарушения прежних племенных отношений в Ютландии и на Датских островах в V—VI веках.

Метатеза *r*

§ 50. В древнеанглийском нередко наблюдается метатеза, т. е. перестановка, звука *r*: последовательность «*r* + гласный» заменяется последовательностью «гласный + *r*».

Ср. *да.* *þirda* наряду с *þridda третий* || *г.* *þridja, ди.* *þriði, дс.* *thriddio, двн.* *dritto*; — *да.* *irnan, urnan* наряду с *rinnan бежать, стремиться* || *г.* *дс.* *двн.* *rinnan*; — *да.* *hors* < **hros лошадь* || *ди.* *hross, дс.* *hros, двн.* (h)*ros*.

Как видно из примеров, наряду с формами с метатезой, встречаются и формы без этой метатезы. В большинстве случаев метатеза *r* произошла после преломления гласных перед сочетанием «*r* + согласный» (§§ 91—95), так как преломление обычно не наблюдается, если это сочетание возникло лишь в результате метатезы.

Древнеанглийские двойные (долгие) согласные в результате удвоения простых (кратких)

а) Перед *j*

§ 51. Древнеанглийские двойные согласные, кроме *gg* и веларных смычных, могут восходить к простым согласным в положении между кратким гласным и ста-

рым [j], исчезнувшим в более позднюю долитературную эпоху.

Ср. *да.* *scieppan* < **skapjanan* *творить, создавать* || *г.* *skapjan*; — *да.* *sittan* < **setjanan* *сидеть* || *ди.* *sitia* [sítja] — при прошедшем времени тех же глаголов *да.* *scōp*, *sæt*; — *да.* *smiþþe* < **smiþjōn* *кузница* || *ди.* *smiðia* [-ja], при *да.* *smiþ* *кузнец*; — *да.* *tellan* < **taljanan* *считать, рассказывать* || *ди.* *telia* [-ja], при *да.* *talu* *счет, отчет, рассказ*; — *да.* *temman* < **tamjanan* *приручать* || *г.* *-tamjan*, при *да.* *tām* *ручной*; — *да.* *сунним* дат. ед. к *сун(н)* < **kūnjan* *племя, род* || *г.* дат. *kunjam*, им. *kuni* (с *-i* < *-j*), при *да.* *суне-* < **kūni-* в сложных словах (например, в собственных именах *Суне-mund*, *Суне-wulf*).

Удвоенные звонкие фрикативные превратились в соответствующие взрывные, а веларные палатализировались перед [j] и остались палатальными и после его исчезновения, за исключением [çç] (из [χχ < χ]), которое, повидимому, позже снова стало веларным перед веларным гласным.

Ср. *да.* *sib(b)* < **seþjō* *родство, дружба, мир* || *г.* *sibja*, *ди.* *sif* [-b] (в ед. ч. обычно только как имя богини), мн. *sifiar*; — *да.* *ribbum* дат. мн. к *rib(b)* < **reþjan* *ребро* || *ди.* *rif* [-b], дат. мн. *rifium*; — *да.* *lecþan* < **lagjanan* *класть* || *г.* *lagjan*; — *да.* *reccan* [-k'k'-] < **rakjanan* *рассказывать* || *г.* *-rakjan* в *uf-rakjan* *протягивать*; — *да.* *hliehhan*, (англск.) *hlæhhan* [-çç- > -χχ-] *смеяться* || *г.* *hlahjan*. — Ср. также *да.* *bidðan* < **beðjanan* *просить, молить* || *г.* *bidja*, *ди.* *biðia* [-ja]; но так как старое *ð вообще превратилось в d (§ 46), то возможно, что в случаях со старым *ð удваивалось уже не *ð, а развившееся из него d.

Как старое *г*, так и *г* из **z* (§ 47—48), не удваивалось перед [j]: ср. *да.* *eġian* < **aġjanan* *нахать* || *г.* *aġjan*; — *да.* *heġian* < **ħazjanan* *восхвалять* || *г.* *ħazjan*. Возможно, что удвоение *г* не происходило потому, что после *г* в соответствующих случаях было не [j], а *i*.

Удвоение после долгих гласных не наблюдается, так как после долгих слогов старому [j] с древнейших времен соответствовало *i* (слоговое). Таким образом, если не считать случаев с *г*, которые могут иметь

различное объяснение, согласные всегда удваивались, если за ними следовал действительно [j], а не i.

б) Перед сонорными согласными

§ 52. Довольно часто встречаются двойные согласные, особенно глухие, из старых простых в положении перед г, реже — перед l, также и в тех случаях, когда между согласными и г или l развился эпентетический гласный (ср. §§ 124—126).

Ср. *да.* bittor < *bitraz *горький* || *ди.* bitr; — *да.* snottor < *snūtraz *умный* || *г.* snutrs, *ди.* snotr, — дат. ед. и мн. *да.* snottrum; — *да.* æppel < æpl < *apla- *яблоко*.

Но удвоение происходило не всегда, и нередко встречаются формы с простыми согласными: *да.* bitor, snotor. В некоторых словах регулярно сохраняется простой согласный: ср. *да.* æser < *akraz *поле, пашня* || *г.* akrs, *ди.* akr.

Перед носовыми согласными удвоение наблюдается значительно реже: ср. *да.* tārft (наряду с tādft) < tārft < *taīftmaz *драгоценность, дар* || *г.* taīfts.

Древнеанглийские двойные (долгие) согласные из двух простых (кратких)

§ 53. В ряде случаев древнеанглийские двойные согласные образовались из двух разных согласных (в результате изменения одного из них) или из двух одинаковых простых согласных (непосредственно в результате слияния двух слов или морфем в одно нечленимое целое).

Ср. *да.* mierran < *marzianan *мешать, препятствовать* || *г.* marzjan *досаждать*, — с *да.* гг из *gz в связи с переходом старого *z в г (§ 48); — *да.* þætte < þæt-þe *что* (союз) — с прогрессивной ассимиляцией t + þ > tt; — wimman < wīf-mān(n) *женщина* — с регрессивной ассимиляцией [b] + m > mm; — *да.* sīþran < sīþ-þan *после (того, как), с тех пор (как), sīþ-þon позже того*.

Примечание: Два одинаковых согласных в таких случаях, как *mētte встречал* при инф. *mētan*, правильнее считать не двойным согласным, но именно двумя согласными, так как морфологически они четко разделяются: ср. *-te* в *sēpte хранил* при инф. *sēran*.

Происхождение древнеанглийских палатальных согласных

§ 54. Древнеанглийские мягкие палатальные [k'] [g'] и [ç] появились в результате палатализации [k] [g] (из [g], §§ 43—44) и [χ]. Также и двойное [k'k'], сз (= [g'g']), [çç] большей частью произошли из простых [k, g, χ] вследствие их удвоения и палатализации перед [j] (§ 51), но в отдельных случаях [k'k'] представляет собой старое двойное [kk]. Нередко и палатальный фрикативный или полугласный [j] является результатом палатализации [g], но, в отличие от прочих древнеанглийских палатальных согласных, [j] может быть и старым (§ 39).

Палатализация нёбных согласных сопровождалась значительным их смягчением. В дальнейшем смычные мягкие палатальные согласные ассимилировались, и к началу среднеанглийского периода древнеанглийские [k'] и [k'k'] превратились в [tʃ] и [ttʃ], [g'] и [g'g'] — в [dʒ] и [ddʒ], а сочетание *sc* перешло в [ʃ]. Звук же [j] из [g] уже в раннем древнеанглийском нередко вокализовался в конце слога в [i] (ср. § 67). Все это отразилось в среднеанглийской графике: звуки [tʃ] и [ttʃ] стали обычно изображаться через *ch* и *sch* (на. *tch*); [dʒ] и [ddʒ] — через *g(e)* и *gg(e)* (на. *dge*); [ʃ] — через *sch*, *ssh*, *sh*; [j] — через *з*, *i*, *y*, а [i] — через *i*, *y*.

Примечание: Старые [k, χ, g] были, вероятно, до некоторой степени палатализованными в положении перед палатальными гласными или старым [j]. Однако эта старая палатализация во всяком случае была очень незначительна, и выделять старые палатализованные нёбные согласные в особый палатальный ряд нет оснований: они могли быть лишь комбинаторными вариантами веларных [k, χ, g]. То же касается и

старого двойного [kk]. Таким образом, в общем все старые нёбные согласные, кроме [j], можно рассматривать как веларные.

§ 55. Палатализация нёбных согласных произошла еще в долитературную эпоху перед всеми ударными палатальными гласными, имевшимися в то время (включая соответствующие дифтонги), перед безударным *ī* и перед [j], а также и после палатальных гласных в тех случаях, когда за нёбным согласным не следовал веларный гласный.

1. [k'] < [k]: ср. *да.* cin(n) < *kinnu... *подбородок* (> *на.* chin) || *г.* kinnus *щека*; — *да.* cēosan... *выбирать* (> *на.* choose [tʃu:z]) || *г.* kiusan; — *да.* уэсс. cīese, *англск.* cēse < *kǣsī... *сыр* (> *на.* cheese [tʃi:z]) из *лат.* cāseus; — *да.* birce, bierce* < *biurkiǣ... (в Эпинальских глоссах birciae) *береза* (> *на.* birch [bɜ:tʃ]); — *да.* rīce < *rīkī... *государство* (> *са.* riche) || *г.* reiki; — *да.* ic < *ik < *ek- *я* (> *са.* ich) || *г.* ik; — *да.* þæc < *þæk... (*соломенная*) *крыша* (> *на.* thatch [θætʃ]) || *ди.* þak.

2. [k'k'] < [kk] (из [k] перед [j], но также и старое [kk]): ср. *да.* reccan < *rækkian (< *rakjan...) *рассказывать* (> *са.* recchen); — *да.* weccan < *wækkian (< *wakjan)... *будить* || *г.* wakjan; — *да.* stycce < *stukkī (< *stūkian) *кусок* (> *са.* stucche) || *дс.* *двн.* stukki.

3. [g'] < [g] (из [g]): ср. *да.* senzan < *sǣngian... *обжигать, опалять* (> *на.* singe [-ndʒ]) || *двн.* sengen.

4. сз [g'g'] < gg (из [g] перед [j]): ср. *да.* lēczan < *læggian (< *lagjan)... *класть* (> *са.* leggen) || *г.* lagjan; — *да.* byczan < *buggian (< *bugjan...) *покупать* (> *са.* buggen, biggen) || *г.* bugjan.

5. [ç] < [χ]: ср. *да.* tiehþ [-çþ] < *tiuhīþ... *тянет(ся), влечет(ся)* || *г.* tiuhīþ, *двн.* ziuhit; — *да.* siehþ [-çþ] < *siuhīþ... *видит* || *г.* saihwīþ, *двн.* sihit.

6. [çç] < [χχ] (из [χ] перед [j]): ср. *да.* уэсс. hliehhan [-çç-] < *hlæoχχian (< *χlaχjan...) *смеяться* || *г.* hlahjan. Но в английском hlæhhan (|| уэсс. hliehhan) [çç] вновь стало веларным к началу среднеанглийского периода: *са.* laghen, laughen > *на.* laugh [lɑ:f] — с f из [χ].

7. [j] < [g]: ср. *да.* *zieldan* [j-] < **geldan* ... *возмещать, платить* (> *на.* *yield* [ji:ld]) || *г.* *gildan*, *двн.* *geltan*; — *да.* *zeard* [j-] < **gæord* ... *двор, усадьба* (> *на.* *yard* [jæd]) || *г.* *gards* *дом*, *ду.* *garðr*; — *да.* *wез* [-j > -i] < **weg-* ... *путь* (> *на.* *way* [wei]) || *дс.* *двн.* *weg*; — *да.* *sæзде* [sæj- > sæi-] < **sægdæ* ... (*я*) *сказал* (> *са.* *sayde*) || *ду.* *sagða*; — *да.* *māniз* < -ез [-i, -ej] < **mānæg* ... *многий* (> *на.* *many* ['meni]) || *г.* *manags*.

Палатализация не наблюдается перед гласными, которые стали палатальными лишь в результате палатальной перегласовки (§§ 100—102): ср. *да.* *сун(н)* [k-] < **kunni* ... *род, племя* (> *на.* *kin*) || *г.* *kunī*; — *да.* *масiан* [-k-] < **makœjan* < **makōjan* ... *делать* (> *на.* *make* [meik]) || *дс.* *макоiан*, *макон.* Следовательно, палатализация нёбных согласных перед палатальными гласными, а, вероятно, и перед [j], произошла до палатальной перегласовки, т. е. до VI в. Вместе с тем отсутствие палатализации перед *ǣ* из *ǣ* (§§ 96—97) показывает, что палатализация произошла после перехода *ǣ* > *ǣ̃*.

Примечание: Вследствие нередкого исчезновения *ī* и [j] и вследствие сохранения веларных согласных перед палатальными гласными, возникшими в результате палатальной перегласовки, все палатальные согласные, кроме [ç, çç], стали в древнеанглийском самостоятельными фонемами по отношению к соответствующим веларным (ср. § 37. Относительно [ç < χ] ср. также § 57.)

§ 56. В начале литературной эпохи (VII—VIII вв.) [k] в сочетании [sk] палатализовалось во всех тех случаях, где оно не подвергалось более ранней палатализации перед палатальными гласными (§ 55).

Ср. *да.* *scacan* < **skakan* ... *трясти* (> *на.* *shake* [ʃeik]) || *ду.* *skaka*; — *да.* *scūr* < **skūru* ... *ливень* (> *на.* *shower* [ʃauə]) || *г.* *skūra*, *дн.* *skūr*; — *да.* *æsc* < **æsk* ... *ясень* (> *на.* *ash* [æʃ]) || *ду.* *askr*.

§ 57. В более позднее время (IX—XI вв.) [χ] палатализовалось перед зубными согласными, за которыми не следовал веларный гласный, причем эта палатализа-

ция, в свою очередь, вызвала палатализацию предшествующих кратких дифтонгов: ср. *да.* riht [-çt] < reoht [-χt] *правильный, прямой*. Кроме того, [χ] и [g] палатализировались также после палатальных гласных позднейшего происхождения: ср. *уэсс.* seh [-ç] < seah [-χ] *видел*, *ёзе* [-j-] < *ēaze* [-g-] *глаз*, — в результате перехода *ĕa* > *ĕ* перед нёбными согласными в позднеуэссекском.

Древнеанглийское h из [χ]

§ 58. Древнеанглийское h [h] восходит к старому [χ], которое превратилось в гортанный фрикативный согласный (придыхание) [h] в положении перед гласными и перед сонорными согласными l, r, n.

Ср. *да.* hū < *χū (< *χwō) как при hwæt [χw-] *что* (> *са.* сев. quhat [χwat]); — *да.* VIII в. furhum < *furχamiz дат. мн. к furh [-rχ] *борозда* || *сви.* vurch (ch = [χ]); — *да.* hlāf < *χlāf (< *χlaiβaz) *хлеб* (ср. *стсл.* 'хлѣбъ'); — *да.* hring < *χring (< *χrengaz) *кольцо, обруч*; — hnyte > *χnuti (< *χnūtez) *орехи*.

Перед i, исчезнувшим лишь в исходе долитературной эпохи (§ 130), [χ] не перешло в h, но сохранилось в виде палатального [ç]: ср. *да.* hēhþ [hēcþ] < χōχīþ (< *χαρχερί) *вешает* (ср. также примеры в § 55). Это указывает на то, что переход [χ] > h, по крайней мере внутри слова, произошел после палатализации [χ] перед i. Поэтому h перед палатальными гласными, очевидно, восходит к старому [χ] через стадию палатального [ç]. Наиболее вероятным представляется, что переход [χ] (и [ç] из [χ]) в гортанное h произошел в древнеанглийском в конце VI — начале VII в.

Древнеанглийские звонкие фрикативные согласные в результате озвончения глухих:

[b] < f; ð < þ; [z] < s

§ 59. Древнеанглийское [b] очень часто является старым (§ 39), но в ряде слов оно восходит к старому f. Старые же *ð и *z в древнеанглийском вообще ни-

где не сохранились (см. § 46 и §§ 47—48), и древнеанглийское **ǣ** и **[z]** всегда представляют собой новые звуки, развившиеся из старых глухих **f** и **s**. Озвончение старых **f**, **f** и **s** произошло при их положении между звонкими звуками, но **s** между звонким согласным и гласным, повидимому, осталось глухим. Вероятно, озвончение произошло около начала литературной эпохи.

1. **[b]** < **f**: ср. *да.* *fife* [-b-] < *fifi ... *пятеро* (> *на.* *five* [faiv]) при *да.* *fif* [-f] *пять* || *г.* *fimf*;—*да.* *wulfas* [-lb-] < *wulfas* ... *волки* (> *на.* *wolves* [wulvz]) || *г.* *wulfōs* при *да.* им. ед. *wulf* [-lf] (> *на.* *wolf*).

2. **ǣ** < **f**: ср. *да.* *cūðan* < *kūfian ... *объявлять* || *г.* -kunþjan, при *да.* *cūf* *известный*;—*да.* *cūðde* прош. к *cūðan*;—*да.* *wyrðið* < *wurþig ... *достойный, ценный* (> *на.* *worthy* ['wə:ði] при *weorþ*, *worþ* *достоинство, ценность* (> *на.* *worth* [wə:θ])).

3. **[z]** < **s**: ср. *да.* *rīsan* [-z-] < *rīsan ... *подыматься* (> *на.* *rise* [raiz]) || *г.* *reisan*;—*да.* *fȳsan* [-z-] < *fūsian ... *подгонять, торопить* (> *ранненовоангл.* *feeze*) прош. *fȳsde* (в отличие от *cyste* прош. к *cyssan* *целовать*, с оглушением *d* в *t* после глухого *ss*, *s*).

Примечание: О возможном озвончении в известных случаях в начале слова см. § 37, примечание.

Древнеанглийские глухие фрикативные согласные из звонких: **f** < **[b]**; **[χ]** < **[g]**

§ 60. Древнеанглийское **f** в исходе слова часто представляет собой старое **[b]**, утратившее звонкость в этом положении. Реже встречается в том же положении древнеанглийское **h** **[χ]** из старого **[g]**. Оглушение конечных **[b]** и **[g]** произошло, повидимому, в эпоху древнейших древнеанглийских памятников.

1. **f** < **[b]**: ср. *да.* *lēof* < [leub] ... *милый* || *г.* м. р. *liufs*, ж. р. *liuba*, *рун.* *дск.* м. р. (?) *leubaR*, ж. р. *liubu* (руна *b* = **[b]**);—*да.* *sealf* < [sæolb], *англск.* *salf* < [salb] ... (= *salb* в Эпинальских глоссах) *мазь* || *дс.* *salba*.

2. **h** [χ] < [g]: ср. *да.* buruh, burh < [burg] . . . *укрепление, город* || *г.* baýrgs, *дшв.* borch (gh = [g]).

Примечание 1: После того, как **f** озвончилось внутри слова между звонкими звуками (§ 59), а [b] перешло в **f** в исходе слова, звуки **f** и [b] слились в древнеанглийском в одну фонему (ср. § 37).

Примечание 2: Вместо **h** [χ] из [g] нередко пишется **Ʒ**: ср. burƷ вместо burh и т. п. Иногда **Ʒ** встречается и на месте старого **h** [χ]; так *да.* fāƷ наряду с fāh *цветной, пестрый* || *г.* faihs.

Примечание 3: Палатализованное [g], т. е. [j], оглушению не подвергалось, так как в исходе слова этот звук стал полугласным [j] или неслоговым [j̥]. Старых же **ð*** и ***z** в эпоху оглушения звонких фрикативных в исходе слова уже не имелось в древнеанглийском (см. §§ 46—48). Таким образом, можно сказать, что оглушению подвергались все звонкие фрикативные согласные, которые вообще встречались в исходе слова в начале литературной эпохи.

Согласные, исчезнувшие в древнеанглийском языке

§ 61. Старые согласные **t**, **þ**, [χ], ***ð** (> *да.* d), ***z** (> *да.* r), [g], **m**, **n**, [ŋ], **w** и [j], вообще сохранившиеся в древнеанглийском, хотя бы в значительно измененном виде (например ***z** в виде r), в известных условиях исчезли еще в долитературную эпоху или в эпоху древнейших памятников. В очень многих случаях эти согласные исчезли не бесследно: в некоторых случаях перед исчезнувшим согласным произошло качественное изменение гласного, в некоторых же случаях исчезновение согласного отразилось в удлинении предшествующего гласного звука.

а) Согласные в старом исходе слова

§ 62. Зубные согласные **t**, **þ** (***ð**), ***z** и **n** в старом исходе слова (т. е. если они были конечными с древнейших времен) очень рано исчезли в древнеанглийском; но непосредственно после краткого ударного гласного

старые конечные **t** и **n**, повидимому, закономерно сохранились (см. ниже).

Ср. *да.* *wēniŋza* < *wēneŋgōt *вероятно*;— *ealu* < *alūþ *пиво* при дат. ед. *ealuþ* < *alūþi;— *hulþun* < *χūlþūnþ *помогали*;— *wile* < *welīþ или *-īð *хочет*;— *helþen* < *χelþainð, *-ainþ наст. сосл. *помогали бы*;— *mā* < *maiz *больше* || г. *mais*, при *да.* *māra* < *maizð *бóльший* || г. *maiza*;— *да.* *hwā* < *χwaz *кто* || г. *hwaz* = *hwaz* — в *hwazuh*;— *да.* *hē* < *χiz *он*, где развитие ē из i (ср. *да.* *hit оно*) показывает на старое *ř после гласного;— *да.* *þā* < *þōn вин. ед. ж. р. *ту* при *þone* < *þan + *ōn вин. ед. м. р. *тот, того* (с тем же окончанием вин. ед. -n + частица *ōn);— *hnutu* < *χnūtūn вин. ед. *орех*.

Сохранение **t** и **n** непосредственно после краткого ударного гласного: ср. *да.* *hwæt что*, *hit оно*, *æt у, при*;— *in в*.

б) Носовые перед фрикативными

§ 63. Носовые согласные (**m**, **n**, [ŋ]) еще в долитературную эпоху выпали в древнеанглийском перед фрикативными **f**, **þ**, **s** и **h** [χ].

Ср. *да.* *fīf* < *fīmf (< *femfe) *пять* || г. *fimf*;— *да.* *sōfte* < *samftēt *мягко, тихо* || *двн.* *samfto*;— *да.* *swīþ* < *swinþa (< *swinþaz) *сильный* || г. *swinþs*;— *да.* *cūðe* < *kūnþōn (я) *умел* || г. *kunþa*, при древнеанглийском инф. *cunþan* || г. *kunþan*;— *да.* *ūs* < *ūns- *нам, нас* || г. *uns*;— *да.* *wýscan* < *wūnskianan *желать* || *двн.* *wunsken*;— *да.* *þōhte* < *þaŋχtōn (я) *думал* (|| г. *þāhta*, *двн.* *dāhta*) при древнеанглийском инф. *þencan* (< *þaŋkianan) || г. *þaŋkjan* [-ŋkj-], *двн.* *denken*;— *да.* *fēhþ* < *fōχīþ < *faŋχeþi *ловит, достает, получает* (|| г. *fāhīþ*, *двн.* *fāhit*) при древнеанглийском прош. мн. *fēnzon* || *двн.* (3. л. мн.) *fiengun*.

в) **w** и старый полугласный [j]

§ 64. Еще в долитературную эпоху **w** в известных условиях внутри и в конце слова исчезло. Важнейшими случаями исчезновения **w** являются следующие:

1. После группы согласных, а также в сочетаниях [χw] не в начале слова: ср. *да.* *ūhte* < *uŋχtwōn *ран-*

нее утро || г. *ūhtwō*;— *да. sinzan* < **seŋgwanan* *нет* || г. *siggwan* [-ŋgw-];— *да. siehþ* < **seχweþi* *видит* || г. *saīhvīþ* (при *да. hw* в соответствии с г. *hv* в начале слова, например, в *да. hwā кто* || г. *hwās*);— *да. seah* < **sæχ(w)* < **saχwa* (*я*) *видел* || г. *saĥu*.

2. Перед *й* (различного происхождения): ср. *да. trēo* < *treu* < **trewu* ... *деревья* || г. *triwa* (того же типа, что *да. scīru корабли* || г. *skīra*, с *да. -u* из **-ō*, § 118), при дат. ед. *treowe*;— *да. sceadu, scadu* < **skadwu* ... *тень* (также с *-u* из **-ō*) при дат. ед. *sceadwe, scadwe*;— *да. англск. sēzon, sēzun* < **sēgwynþ* *видели* при *уэсс. sewen* < **segwanaz* *виденный*;— *да. hū* < **χwū* (< **χwō*) как при *hwæt что* (с тем же корнем);— возможно также *да. tū* < **twū* (< **twō*) *два* (ср. р.) при *twā два*.

3. В конце слова после долгого гласного: ср. *да. sǣ* < **sǣw* (< **saiwiz*) *море, озеро* || г. *saiws* при древнеанглийском дат. ед. *sǣwe*;— *да. ā* < **āw* (< **aiwan*) *всегда, когда-либо* || г. *aiw*.

Примечание: После гласных (в случаях 2-м и 3-м) *w* часто восстанавливалось по образцу тех форм, где оно закономерно сохранялось. Так, наряду с *trēo* находим *trēow*, наряду с *ǣ* *закон, завет* — также *ǣw* (|| г. *aiws вечность, век*).

§ 65. В формах глаголов *wesan быть* и *witan знать* начальное *w* исчезает при слиянии этих слов в одно целое с отрицанием *ne не*: ср. *да. næs* < *ne wæs* *не был*, *nǣron* < *ne wǣron* *не были*; *nāt* < *ne wāt* *не знаю, не знает*; *nisse, nysse* < *ne wisse* *не знал*.

§ 66. Старый полугласный [j] ([i]), находясь не перед ударным гласным, во многих случаях исчез в долитературную эпоху, но в различное время в зависимости от условий.

1. Перед безударным *i* (из **e*, § 115) [j] выпал еще до эпохи удвоения согласных перед *j*, § 51), и, таким образом, перед **ji* (из старого **je*) удвоения согласных не произошло: ср. *да. bideþ* < *bidīþ* < **biðjīþ* (< **beðjeþi*) *просит, молит* || г. *bidjīþ*, при инф. *да. biddan* (< **beð-*

janan) || г. bidjan;—ср. также да. liʒ(e)ʔ *лежит* при инф. liʒan, siteʔ *сидит* при инф. sittan; то же развитие имеет место и во 2 л. ед. bides(t), liʒ(e)s(t), sites(t): ср. также соответствующие формы слабых глаголов 1 класса с кратким корневым слогом (§ 214).

2. В интервокальном положении после (краткого) *i* полугласный [j] исчез, повидимому, также очень рано, после чего *i*, если оно находилось под ударением, стянулось с последующим лабиализованным гласным в дифтонг *iʊ* (iō): ср. да. frīond < frīund < *frijōnð(z) *друг* || г. frijōnds.

В интервокальном положении [j] исчезал и в более позднее время — после *i* позднейшего происхождения: ср. да. laðian < laðizan [-ijan] < *laʔōjan ... *приглашать* || дс. ladoian. Но вместе с тем, если не происходило стяжения гласных в дифтонге, между соседними гласными двух слогов нередко снова развивался [j]: так из laðian [lá-ðī-an] могло снова получаться laðizan [lá-ðī-jan].

3. После удвоенных согласных [j] исчез в конце долитературной эпохи: ср. да. tellan < *telljan (< *taljan...) *считать, рассказывать* || ди. telia, дс. tellian, при да. erian *пахать* || ди. eria, с -i-, соответствующим да.-*j- в *telljan;—да. nīʔʔas < *nīʔʔjōs (< *neʔjōs) *мужи, люди* || г. nīʔjōs, ди. nīðiar, *родичи*, при да. herias, herʒas (*вражеские*) *войска* || г. harjōs, ди. heriar того же типа склонения.

Примечание: Вероятно, [j] при удвоении предыдущего согласного (§ 51) вокализовался в *i*, которое и выпало затем после долгого слога (долгого — в результате удвоения согласного), как всякое краткое безударное *i* в таком положении (§ 130).

§ 67. Старые *w* и [j] в конце слова после согласного или краткого гласного вокализовались в *u* и *i* и, таким образом, совпали с гласными *u* и *i* иного происхождения (см. §§ 115—117; 123). При этом *u* из *w* с предшествующим кратким гласным стягивалось в дифтонг (см. §§ 106 и 113).

г) [g] перед w

§ 68. В тех случаях, в которых w не выпало и не подверглось ранней вокализации (§§ 64 и 67), в сочетании *gw исчезло [g].

Ср. *да. уэсс. sewen* < *segwanaz *виденный* при *англск. seƿon* < *sēg wūnþ *видели*;— *да. уэсс. sīen*, *англск. seon*, *sīon* < *sīuni < *siwni(z) < *segwniz *вид, видимость*;— *да. meowle* < *mewulǣ вместо *mewilǣ < magwīlōn *девушка, девочка, дочь* при *тази* < *magwaz или *magwuz *юноша, сын*.

Примечание: В уэссекском диалекте в соответствии с английским sēƿon встречается обычно sāwop, образованное под влиянием причастия 2-го sewen; наоборот, в англских диалектах находим причастие 2-ое seƿen с ƿ, перенесенным из прош. вр. sēƿon.

д) h внутри слова

§ 69. Древнеанглийский гортанный фрикативный согласный h (из ȝ, § 58) в начале литературной эпохи (VII—VIII вв.) выпал в положении внутри слова.

Ср. *да. þō* < þōhæ (= thōhæ в Эпинальских глоссах; < *þanȝon) *глина*;— *sēon* < *seohan (< *seȝwanan) *видеть* || *г. saíhvan* при *да. seah видел* || *г. sahu*;— *да. seole* < *seolhæ ... *дат. ед. к seolh тюлень* || *двн. selah*;— *да. hīera* < *hīehra ... *более высокий* при *hēah высокий* (наряду с hīehra — под влиянием hēah — и hīerra с ассимиляцией h + r).

§ 70. Обычно h исчезает также в формах глагола habban *иметь* при их слиянии в одно целое с отрицанием ne *не*: ср. *да. nabban* < ne habban, *næfde* < ne hǣfde *не имел*.

е) [j] перед d, n

§ 71. Для уэссекского диалекта характерно исчезновение палатального [j] (из [g], § 54) перед d и n.

Ср. *да. уэсс. sǣde* < *sæjdǣ ... *сказал* || *дс. sagda* при *да. secƿan* < *sæggjan (< *sagjanan) *сказать* и *англск. sæƿde сказал*;— *да. уэсс. þēn* < *þejn ... *дружинник* || *ди. þegn* при *да. англск. þezn*, а также и *уэсс. þezn*, *þezen* || *двн. degan*.

Глава XII

ВОКАЛИЗМ

Система древнеанглийских гласных звуков (включая дифтонги)

§ 72. В древнеанглийском находим следующую систему гласных звуков:

Простые гласные:

	<i>Палатальные</i>		<i>Веларные</i>	
	<i>Нелабиал.</i>	<i>Лабиал.</i>	<i>Нелабиал.</i>	<i>Лабиал.</i>
<i>Верхн.</i>	i ī	y ū	— —	u ū
<i>Средн.</i>	e ē	æ œ	— —	o ō
<i>Нижн.</i>	æ æ	— —	a ā	— —

Дифтонги:

Равные кратким гласным: ie iō eo ea [æa]

Равные долгим гласным: iē iō ēo ēa [āa]
(обычные)

В известных случаях встречались также восходящие дифтонги *iē*, *iō* и т. д., которые, однако, были неустойчивы: они переходили или в обычные нисходящие дифтонги или в простые гласные (см. § 98).

§ 73. Лишь в ударных слогах встречались все простые гласные и дифтонги, составлявшие древнеанглийскую систему гласных звуков. В слогах же без ударения обычно имелись только *i*, *e*, *a*, *o*, *u* краткие, если не считать некоторых приставок с долгими гласными

(ср. *да.* ā-rīsan *подниматься*). Однако в наиболее древних памятниках (VII—VIII вв.) нередко находим также æ, часто еще в виде написания æе: ср. hronæs род. ед. *кита* (рунический ларец), -rīcaes род. ед. *государства* (*Гимн Кэдмона*). В дальнейшем это æ превратилось в е: ср. hrānes, rīces.

Возможно, что в эпоху древнейших текстов в безударных слогах еще имелся гласный ǣ, так как изредка встречается написание о наряду с обычным а. Но во всяком случае а в безударных слогах перешло в ǣ раньше, чем æ в е (по поводу безударных гласных подробнее см. § 78).

Примечание 1: В некоторых поздних текстах довольно часто употребляются буквы æ и у для изображения безударных гласных. В таких случаях, однако, эти буквы обозначают уже не звуки [æ] и [y], но неясные редуцированные гласные появившиеся в конце древнеанглийского периода и различно передававшиеся в различных рукописях.

Примечание 2: Безударные гласные следует отличать от второстепенноударных (§ 32). Во второстепенноударных слогах могли встречаться почти все те же гласные (в частности — долгие гласные), которые встречались в главноударном положении, и в общем развитие гласных во второстепенноударных слогах сходно с их развитием в слогах главноударных.

§ 74. Древнеанглийские гласные *i* и *u* в безударных слогах примерно в то же самое время, когда безударное æ перешло в е (VIII в., § 73), большей частью превратились в е и о: ср. *да.* meri > mere *море, озеро*; ærist > ærest *раньше всего, прежде всего*; — seȝil > seȝel *парус*; — hēafud > hēafod *голова*; — laḡudun > laḡodon *пригласили, -шали*; — fuȝul > fuȝol *птица*.

Однако *i* обычно сохранялось перед *c*, *ȝ*, *sc*: ср. *да.* frēondlic *дружественный*; ænīȝ *какой-нибудь*; enȝlisc *английский*. Также *u* перед *m*: ср. *да.* mānnum *людям*; māḡum *драгоценность*. Кроме того, *u* часто удерживалось после краткого слога с ударным *u*: ср. *да.* duȝuȝ *доблесть, добродетель*, sunu *сын*. В прочих случаях в исходе слова наблюдается колебание между *u* и *o*: ср.

да. *saru*, *saro* *печаль, забота*; *zearu*, *zearo* *готовый*. Позже *o* получает более широкое распространение: так, на месте *duziþ* появляется *duzof*, на месте *sunu* — *sunpo* и т. п.

Перед *пз* обычно сохраняется как *i*, так и *u*: ср. да. *reppinȝ* *пеннинг 1/12 шиллинга*, *leornunȝ* *учение*. В этих случаях, однако, нередко сохранилось слабое ударение на *i*, *u*.

Перед *з[j]* не только удерживалось *i*, но и *e* превращалось в *i*: ср. да. *huneȝ* (из *hunæȝ*, § 78) > *huniz* *мед*.

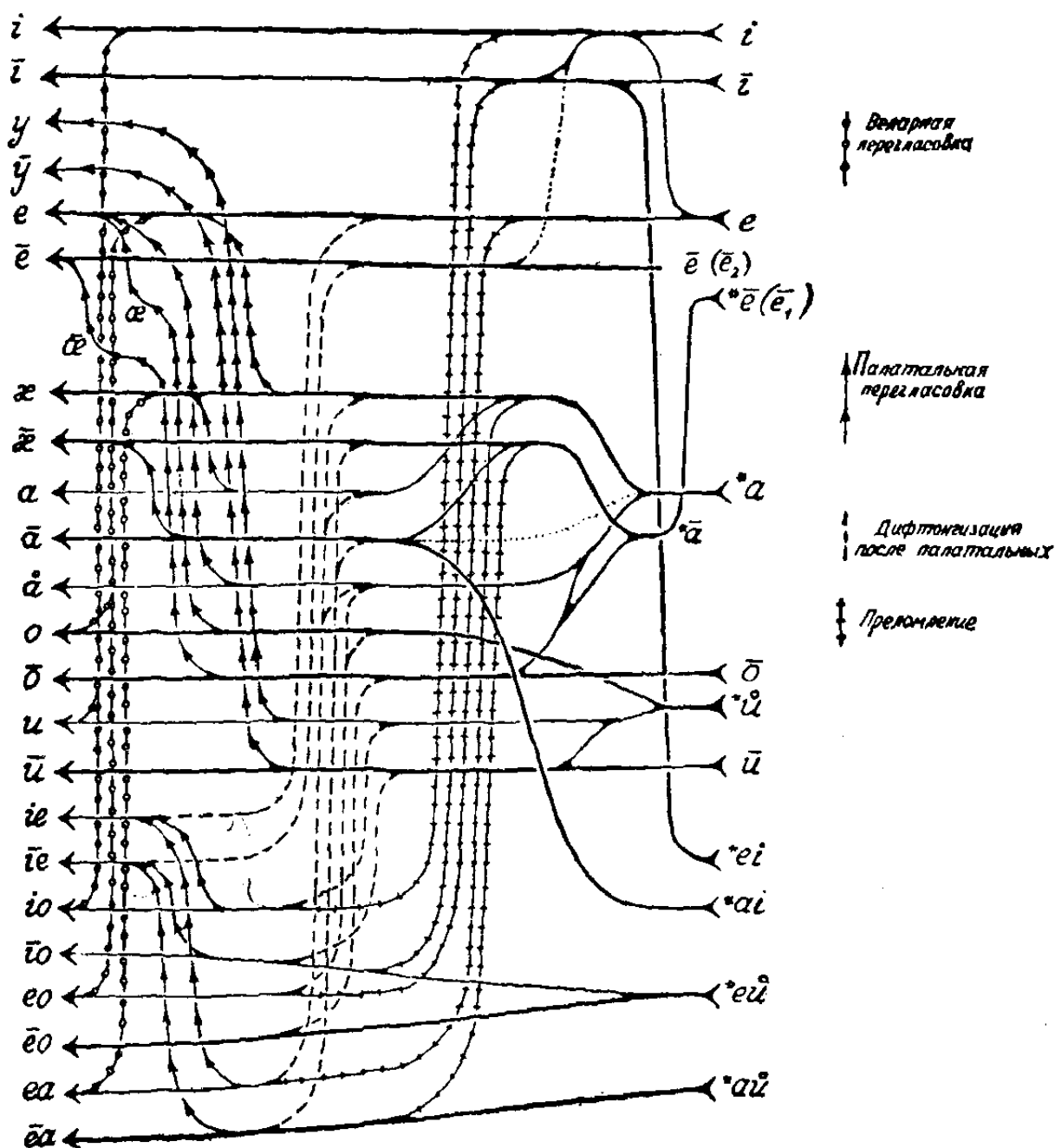
§ 75. Гласные *a*, *o*, *u* в срединном безударном слоге переходили в *e* в результате диссимиляции с веларным гласным (*a*, *o* или *u*) в конечном безударном слоге: ср. да. *earmesta* *беднейший* вместо *-asta*, *-osta*; *laðedon* *пригласили, -шали* вместо *-odon* из *-udun*; дат. ед. *sumera* при им. вин. ед. *sumor* *лето*. Это явление распространяется со второй половины VIII в., но его закономерность постоянно нарушается влиянием тех форм, где не было условий для такой диссимиляции: ср. да. *earmast*, *-ost* (так называемая сильная форма им. ед.), *laðade*, *-ode* (ед. число), *sumor*.

§ 76. Гласные *æ* и *ǣ* в уэссекском диалекте рано (IX в.) перешли в *e* и *ē* (ср. § 100). Несколько позже (X в.) то же произошло в кентском. Таким образом *æ* и *ǣ* преимущественно встречаются в англских памятниках, но и в англских диалектах наблюдается тенденция к постепенной делабиализации этих звуков, особенно *æ* краткого.

§ 77. Дифтонги *ie* и *īe*, характерные для уэссекского диалекта (ср. § 102), в конце IX в. монофтонгизировались в *y* и *ȳ*, а в отдельных говорах — в *i* и *ī*: ср. да. *уэсс.* *ieldra* > *yldra* *старший*, *ierfe* > *yrfe* *наследство*, *zieldan* > *zyldan* *платить, возмещать*, *dīere* > *dȳre* *дорогой*, *cīese* > *cȳse* *сыр*, *hīe* > *hȳ* *они*, — наряду с *ildra*, *irfe*, *zildan*, *dīre*, *cīse*, *hī*. Перед палатальными согласными, а также перед сочетаниями согласных с последующим палатальным *k'* или *g'* монофтонгизация *īe* в *ī* распространялась, повиди-

мому, повсеместно в уэссекском диалекте: ср. *да. уэсс. fiēht > fiht* *сражается*, *ziēnʒra > zinʒra* *младший*, *tīēhr > tīhr* *тянет(ся), влечет(ся)*. В отдельных уэссекских говорах в тех же условиях и гласные *у* и *ū* превратились в *і* и *ī* (к началу X в.): ср. *да. бусзан > biʒzan* *покупать, оплачивать*, *brūseʒ > brīseʒ* *полезный, годный*, *wūscan > wiʒcan* *желать*, — при сохранении *бусзан*, *brūсе*, *wūscan* в других уэссекских говорах.

Таблица происхождения гласных*

* Подробнее см. §§ 78—136.

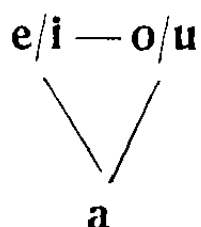
Глава XIII

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ

§ 78. Гласные в полностью безударных слогах, т. е. в слогах, не имеющих даже второстепенного ударения, изображаются в классическом древнеанглийском буквами *i, e, a, o, u*, причем нередко наблюдаются колебания в употреблении этих букв; наряду с *manizum* *многим* пишется иногда и *manezum*, наряду с обычным *wæron* *были* — также *wærun*, наряду с *worold* — *woruld* и т. п. Несомненно, что употребление различных букв отражает реальные различия в звуках, почему древнеанглийский, сравнительно со среднеанглийским, характеризуется наличием различных «полных» гласных в безударных слогах или, как это часто условно формулируется, «полными окончаниями» (“full endings” Суита). Однако можно легко увидеть, что посредством пяти гласных букв, обычно употребляемых для гласных безударных слогов, в разных случаях отображаются звуковые различия не одного и того же порядка: с одной стороны, мы находим отражение старых звуковых различий, например, *wæron* *были* при *wæren* *были бы*; с другой стороны, изображаются и вновь возникшие различия в гласных, например, *hālīz* *святой* (< *hāleʒ*) при *wæren*; наконец, имеются и такие случаи, в которых употребление разных гласных букв отражает скорее некоторую неопределенность звука, чем действительное различие между звуками; так, например, в случае *wærun* при *wæron* и т. п. В целом вырисовывается довольно сложная картина отношений между пятью буквами — *i, e, a, o, u* — и изображаемыми через них звуками и между самими этими звуками, и без фонологического анализа этой

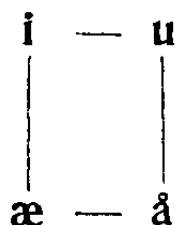
сложной картины в ней не выделяется, так сказать, самая ее композиция.

При рассмотрении древнеанглийского безударного вокализма с фонологической точки зрения выясняется, что система гласных фонем сводилась в классическую эпоху в безударных слогах к трем фонемам:

Эта схема показывает, что различие между *e* и *i* было различием лишь между вариантами одной и той же палатальной гласной фонемы, равно как различие между *o* и *u* представляло собой различие вариантов единой лабиализованной веларной гласной фонемы, тогда как *a* являлось особой фонемой по отношению и к *e/i*, и к *o/u*. Выделение этой схемы, которую можно назвать основной композицией картины древнеанглийского безударного вокализма классической эпохи, позволяет легче и увереннее разобраться во всех деталях, в отдельных частных закономерностях и случаях их нарушения.

Вместе с тем фонологическая трактовка безударного вокализма позволяет четко определить существо различия между его состоянием в классическую эпоху и в более раннее время и понять сущность происшедшего сдвига. Для архаического древнеанглийского языка намечается следующая схема безударных гласных фонем:

При переходе к формам языка классической эпохи *i* и *æ* слились в фонему *e/i*, а фонема *ǣ* в основном дала фонему *a*, но в отдельных случаях она совпала с фонемой *o/u* (worold < *werǣld).

Глава XIV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

УДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Старые гласные

§ 79. Из всех древнеанглийских гласных в ударных слогах могут быть старыми, сохранившимися без изменений с древнейших времен, только простые гласные *i, ī, e, ?ē, ō, ū*.

Ср. *да. fisc рыба* || *ди. fiskr, дс. fisk, двн. fisc*; — *да. swīn свинья* || *г. swein, ди. suīn, двн. swīn*; — *да. beran нести, носить* || *ди. bera, дс. двн. beran*; — *да. wez путь* || *ди. vegr, дс. двн. weg*; — *да. hēr здесь* || *г. ди. дс. hēr*; — *да. brōðor брат* || *г. brōþar, ди. brōðir, дс. brōðar*; — *да. fōr двигался, двинулся, (по)ехал* || *г. ди. дс. fōr*.

Однако все эти гласные могут иметь и иное происхождение: *i* часто восходит к старому *e* (§§ 82, 86 и 115); *ī* — к старому дифтонгу **ei* (§ 83) или к *i* краткому из старого *e* (§ 109), реже — к старому краткому *i* (§ 63); *e* — к старому **a* (§ 101), гораздо реже — к старому **u* (§ 116); *ē* в уэссекских диалектах в большинстве случаев представляет собой более раннее *œ* (§ 100), возникшее из *ō* старого или нового (см. ниже, а также § 87), но в исходе слова оно обычно восходит к *e* или *i* краткому (§ 49; последнее — также из *ī* < **ei*); в других же диалектах часто встречаются *ē* из **ā* (из старого **ē*, см. ниже, а также § 88) и *ē* из тех или иных дифтонгов — в зависимости от диалекта (§ 102); кроме того, во всех диалектах в прошедшем времени некоторых глаголов (сильных VII класса) известно *ē* на месте старого *e* краткого (§ 108); *ō* нередко восходит к **ā* (из **ē*) или к старому **a* краткому (§§ 87 и 109); *ū* — к старому **i*

(§ 109). Кроме того, относительно древнеанглийского (уэссекского) *i, ī* см. § 77.

Особенно следует заметить, что древнеанглийское *ē* в подавляющем большинстве случаев не является старым звуком, сохранившимся без изменений с древнейших времен: даже там, где оно в конечном счете восходит к старому звуку *ē*, оно обычно не представляет собой этого *ē* в неизменном виде, но заново возникло лишь в результате более или менее сложного его развития (ср. § 88).

Старым же, возможно, является в древнеанглийском языке лишь *ē* в тех единичных словах, которые имели так называемое *ē₂*, т. е. долгий звук *ē*, чем-то отличавшийся от обычного, широко распространенного долгого звука *ē*, условно обозначаемого как **ē₁*, и в древнеанглийском не сохранившегося.

Примечание: Старому древнеанглийскому *ē*, следовательно *ē₂*, соответствует *ē* и в других германских языках, за исключением древневерхненемецкого, где такое *ē* развилось в *ia > ie*: ср. *да. hēr || г. ди. дс. hēr, двн. hiar > hier*. Старому же **ē₁*, которое в древнеанглийском не сохранилось в неизменном виде, соответствуют *г. ē, ди. дс. двн. ā*: ср. *да. tōpa < *tāpō < *tēpō луна (§ 87) || г. tēpa, ди. tāpi, дс. двн. tāno*.

Древнеанглийское *o* из **ū* и древнеанглийское *u* из **ū* в одних и тех же условиях

§ 80. Древнеанглийское *o* обычно имеет то же самое происхождение, что и древнеанглийское *u*, т. е. *o* и *u* в древнеанглийском развились в большинстве случаев из одной и той же фонемы, которую условно можно обозначить через **ū*, так как эта фонема, вероятно, либо представляла особый звук, средний между [u] и [o], либо вариировалась в произношении между [u] и [o]. В других германских языках старому **ū* (древнеанглийские *u, o*) соответствуют *u* и *o* (готские *u, ai*), различным образом распределенные в каждом отдельном языке в зависимости от тех или иных условий. В частности, в готском — обычно *u*; готское *ai* (o) — только перед *h, hu, g*.

1. $o < *ū$. В древнеанглийском $*ū$ превращалось в o в раннюю долитературную эпоху 1) при отсутствии носовых согласных непосредственно после $*ū$ и 2) при отсутствии звуков $ī$, $[j]$, u (из $*ū$) или $ū$ в последующем слоге.

Ср. *да.* *zold* < $*gūlpan$ *золото* || *г.* *gulþ*, *ди.* *gull*, *goll*; — *да.* *folc* < $*fūlkan$ *народ, войско* || *дгутн.* *fulc*, *ди.* *folk*; — *да.* *holpen* < $*hūlpanaz$ *прич. II к helpan помогать* || *г.* *hulpan* к *инф.* *hilpan*; — *да.* *англск. кентск.* *ioc* [*jok*], *уэсс.* *зеос* [*jeok*, *jeok* < *jok*] < $*jūkan$ *игро, ярмо* || *г.* *juk*, *ди.* *ok*; — *да.* *ofer* < $*ūbar$ *сверх, через* || *г.* *ufar*, *дс.* *obar*, *двн.* *ubar*.

2. $u < *ū$. Однако в целом ряде слов, — преимущественно по соседству с губными согласными, — $*ū$ не перешло в o , несмотря на отсутствие указанных выше препятствий к этому переходу. В таких словах $*ū$, наоборот, повысилось в u : ср. *да.* *wulf* < $*wūlfaz$ *волк* || *г.* *wulfs*, *двн.* *wolf*; — *да.* *fuzol* < $*fūglaz$ *птица* || *г.* *fugls*, *ди.* *fugl*, *fogl*, *двн.* *fogal*; — *да.* *lufe* *вн. ед.* < $*lūbōn$ *любовь* || *г.* *luþō*.

Но и при губном согласном нередко встречается o из $*ū$: ср. выше *folc* < $*fūlkan$; также *folm* < $*fūlmō$ *рука, ладонь*, *folde* < $*fūldōn$ *земля, почва*. Таким образом, соседство губного согласного не является условием, закономерно ограничивающим переход $*ū > o$.

Примечание: Гораздо реже, чем древнеанглийские o и u , происходящие из $*ū$, встречаются o из e (§ 105), o из $*a$ (§ 87, примечание 2) и u из i (§ 105). Относительно u из $*ū$ в тех условиях, в которых $*ū$ вообще не развивалось в o , см. §§ 82, 84.

Древнеанглийские гласные в результате повышения старых гласных: $i < e$ ($ī < *ei$); $u < u < *ū$; ie , $io < iu < *eū$

§ 81. Древнеанглийское i часто восходит к старому e , древнеанглийское u — к старому $*ū$, уэссекское ie || англское, кентское io (с IX в. в мерсийском $ēo$) — к старому

*eŭ, если в последующем слогѣ в долитературную эпоху имелся гласный *ī* или старый полугласный [j]. Кроме того, древнеанглийское *u* часто представляет собой старое *ŭ в тех случаях, когда в последующем слогѣ находился гласный *u* (из *ŭ).

Древнеанглийские *i* и *u* в указанных условиях развились непосредственно из старых *e* и *ŭ. Но древнеанглийские *y* и *īe* (уэссекское) возникли лишь в результате дальнейшего более позднего влияния *ī* или [j] — так называемой палатальной перегласовки (§§ 101, 102). В более же раннюю долитературную эпоху из старых *ŭ и *eŭ под воздействием последующего *ī* или [j] получились *u* и *īu*. В англском и кентском диалектах *īu* палатальной перегласовке не подвергалось и позже перешло в *īo* (§ 102). Таким образом, первоначально в е р х н и й гласный *ī* и соответствующий полугласный [j] вызвали п о в ы ш е н и е гласных звуков *ŭ и *eŭ, совершенно аналогичное повышению *e* > *i* в тех же условиях и повышению *ŭ > *u* перед верхним гласным *u* в последующем слогѣ.

Звуки *ī*, [j] и *u*, вызывавшие повышение гласных, впоследствии во многих случаях исчезали (§ 130) или изменились: *i* и [j] > *e* (§ 74), *u* > *o* (§ 74).

П р и м е ч а н и е: Древнеанглийские *i* из *e* и *u* из *ŭ часто встречаются и в других условиях (ср. §§ 115—117). С конца IX в. *y* появляется на месте уэссекского *īe* различного происхождения (ср. § 77). Уэссекское *īe* может быть также результатом палатальной перегласовки дифтонга *æo* (> *ēa*; см. § 89); в более редких случаях древнеанглийское *īe* (в разных диалектах) имеет различное иное происхождение, не из дифтонгов (ср. § 98). Древнеанглийское *u* перед *u* в последующем слогѣ при известных условиях может восходить к *i* (§ 105).

§ 82. Повышение старых *e*, *ŭ, *eŭ в *i*, *u*, *īu* перед *ī* или [j] в последующем слогѣ.

1. *i* < *e*: ср. *ḁa. bireþ* < *birip* < **beripī* (< *-epi) *несет, носит*, *hilpþ*, *hilpeþ* < **hēlpipī* (< *-epi) *помогает* — при инф. *beran*, *helpan*; — *ḁa. biddan* < **biddjan* < **beðjan* *молить, просить*, *liczan* < **liggjan* < **legjanan* *лежать*, *sittan* < **sittjan* < **setjanan* *сидеть* || г. *bidjan*, *ḁc.*

biddian, liggian, sittian (также с $i < e$) — при *да.* прич. 2-м *beden, lezen, seten.*

2. $u < *ũ$ (у из *и* в результате палатальной перегласовки): ср. *да.* *zylden* $< *gulpīn < *gūlpīnaz$ (|| *г.* *gulbeīns*) *золотой*, *бусзан* $< *buggjan < *būgjanan$ (|| *г.* *bugjan*) *оплачивать, покупать*, *суссан* $< *kussian < *kūssianan$ *целовать* — при *да.* *zold* *золото*, *bohte* прош. вр. к *бусзан*, *coss* *поцелуй* — с *о* из $*ũ$ (§ 80).

3. $iu < *eū$ (*уэсс.* *īe* из *īu*, *англск. кентск.* *īo* из *īu*; также *англск. ī*, *мерс.* с IX в. *ēo*): ср. *да.* *уэсс.* *el-þiediz*, *англск. кентск.* *el-þiodiz* $< *æli-þiudig < *alja-þeūðigaz$ *чужестранный* («инонародный»), *уэсс.* *līehtan*, *кентск.* *līohtan* (*англск.* *līhtan* с *ī* вместо *īo* перед *h*) $< līuhtian < *leūhtianan$ (|| *г.* *liuhtjan*) *светить*, *уэсс.* *cīesþ* $< *kīusip < *keūsipī$ ($< *epī$) (|| *г.* *kīusip*) *выбирает, решает*, — при *да.* *þēod* *народ*, *lēoht* *свет*, *cēosan* *выбирать, решать* — с *ēo* из $*eū$ (§ 106); ср. также *да.* *уэсс.* *piēwe*, *англск. кентск.* *piowe* $< *piuwī < *piwwī < *newjaz$ *новый*, где дифтонг *iu* восходит к $e + w$, которое удвоилось перед [j] (§ 51) и затем вокализовалось в конце слога ($*piwwī = *piw-wī$; о вокализации *w* см. § 67).

Примечание: В заимствованных словах, имевших *o* перед *ī* или [j] в последующем слоге, в древнеанглийском произошла замена *o* через $*ũ$ (или более позднее *u*), откуда затем *у* в результате перегласовки: ср. *да.* *сусене* $< *kukīnæ$ *кухня* из *лат.* *coquina*, *да.* *тулен* $< *mulīn < *mūlīna$ *мельница* из *лат.* *molīna*.

§ 83. $ī < *ei$ Старое *е* повысилось в *ī* перед непосредственно следующим неслоговым *ī*, т. е. в дифтонге $*ei$. Получившееся таким образом $*iī$ (*ii*) уже в древнюю эпоху совпало со старым *ī*.

Ср. *да.* *drīfan* $< *ðreiþanan$ *знать*, *stīzan* $< *steiganan$ *восходить, взбираться* (двигаться в вертикальном направлении).

Примечание: Дифтонг $*ei$ не сохранился ни в одном из германских языков. Его наличие в древнейшую эпоху вскрывается в результате исследования старого чередования

гласных: ср. соотношение между *stīȝan* < **steiganan*, прич. 2-ое *stiȝen* < **stiganaz* и *bēodan* < **bēūðanan* *предлагать, побуждать*, прич. 2-ое *boden* < **būðanaz* (подробнее см. § 227).

§ 84. Повышение **ū* в *u* перед *u* в последующем слогѣ.

Ср. *да.* *hulpon* < *hulpun* < **hūlprūnþ* (|| *з.* 3 мн. *hulpun*) *помогли*, *duru* < **ðūrūz* *дверь* — при *да.* *holpen* прич. 2-ое к *helpan* *помочь, помогать*, *dor* *дверь, ворота*, — с *o* < **ū* (§ 80).

Древнеанглийские гласные, возникшие под влиянием носовых согласных:

i < *e*; *ā* < **a*; *ō* < **ā* (< **ē*₁); *u* < **ū*

§ 85. В древнеанглийском перед носовыми согласными нередко встречаются гласные *i* из старого *e*, *ā* из старого **a*, *ō* из более раннего **ā*, *u* из старого **ū*. Во всех этих случаях наблюдается повышение гласных, вызванное последующими носовыми согласными еще в раннюю долитературную эпоху. При этом повышении гласные **a* и **ā* приобрели также соответствующую степень лабиализации.

§ 86. Старое *e* повысилось в *i* перед всеми носовыми согласными (*m*, *mm*, *n*, *nn*, [*ŋ*]), но перед *n* лишь в том случае, когда *n* замыкало слог (т. е. делало его закрытым):

Ср. глаголы одного типа (сильные 3-го класса, § 206) — с одной стороны, *да.* *swimman* < **swemmanan* *плавать*, *bindan* < **bēnðanan* *вязать, связывать*, *rinna* < **rennanan* *бежать, стремиться*, *sīnȝan* < **seŋȝwanan* *петь*, — с другой стороны — *да.* *helpan* *помогать*, *sweltan* *умирать*, где старое *e*, характерное для этого типа, сохранилось; — (сильные 4-го класса, § 207) — с одной стороны, *да.* *nīman* < **neðanan* *брат* || *ди.* *neða*, *двн.* *neðan*, — с другой стороны — *да.* *stelan* *красть*, *beran* *нести, носить* — с сохраненным характерным *e*; — ср. также *да.* *mīnte* *мята* из *лат.* *mentha*, *да.* *zīm* *драгоценный камень* из *лат.* *gemma*; — но с сохранившим-

ся старым *e* перед *n* без последующего согласного: *да.* *swene женщина* || *ди.* *kuen-* в род. мн. *kuenna* < **kwena-nōn* || *да.* род. мн. *swenepa*), *двн.* *quena*.

Примечание: О повышении *e* в *i* в других условиях см. §§ 81, 82; о старом *i*, которое, естественно, могло встречаться и перед носовыми согласными,— ср. *да.* *scīnen* прич. 2-ое к *scīnan* *сиять*.,

§ 87. Веларные гласные **û*, **a* и **ā* (из **ē*₁, ср. ниже) повысились перед всеми носовыми согласными:

1. *u* < **û*: ср. *да.* *zuma* < **gûmō* *мужчина* || *г.* *guma*, *двн.* *gomo*; — *да.* род. ед. *sunā* < **sûnau̯z* *сына* || *г.* *sunaus*, *ди.* *sonar*; — *да.* прич. 2-ое *swummen*, *bunden*, *runnen*, *sunzen* к *swimman*, *bindan* и т. д.— при однотипном *да.* прич. 2-ом *holpen*, *swolten* к *helpan*, *sweltan*; также *да.* прич. 2-ое *numen* к *niman* — при однородном *да.* прич. 2-ом *stolen*, *boren* к *stelan*, *beran* (ср. § 207).

2. *ā* < **a*: ср. *да.* *nāma* < **nanīō* *имя* || *г.* *namō*, *двн.* *namo*; — *да.* *hāna* < **hanīō* *нетух* || *двн.* *hano*; — *да.* 1 и 3 л. ед. прош. вр. однотипных глаголов, приведенных выше (§ 86) — с одной стороны, *swām(m)* (|| *двн.* *swam*), *bānd* (|| *г.* *band*), *rān(n)* (|| *г.* *rann*), *sānз* (|| *г.* *saggw*) — с другой стороны — *healp* (|| *г.* *halp*), *swealt* (|| *г.* *swalt*) — с *ea* < *æ* из **a* (§ 88); — с одной стороны, *nām* (|| *г.* *nam*), — с другой стороны — *stæl* (|| *г.* *stal*), *bær* (|| *г.* *bar*) — с *æ* из **a* (§ 88); ср. далее *да.* *āncor* *якорь* из лат. *ancora*.

3. *ō* < **ā* (из **ē*₁): ср. *да.* *nōmon* < **nāmun(p)* (< **nē-mūnp*) *взяли, брали* || *двн.* 3 л. м. *nāmun* — при однотипных *да.* *stælon*, *bæron* (|| *двн.* *stālun*, *bārun*) — с *æ* из **ā* (§ 88); — *да.* *mōna* < **mānō* (< **mēnō*) *луна* || *двн.* *māno*.

Гласные **û* и **a*, превратившиеся в древнеанглийском в *u* и *ā* перед носовыми согласными, были старыми гласными в тех диалектах, из которых образовался древнеанглийский язык. Но гласного **ā* (долгого) в германских диалектах первоначально не было: этот звук развился из старого **ē* (**ē*₁), которое превратилось в *ā* во всех западногерманских и скандинавских языках, но в готском

сохранилось как \bar{e} . Таким образом, например, *да.* $t\bar{o}pa < *t\bar{a}p\bar{o}$ восходит к старому $*t\bar{e}p\bar{o}$ *луна, месяц*, с $*\bar{e}_1$ (г. \bar{e} , ди. $\bar{d}c$. $\bar{d}v\bar{n}$. \bar{a} из $*\bar{e}_1$: ср. г. $t\bar{e}pa$, ди. $t\bar{a}p\bar{i}$, $\bar{d}c$. $\bar{d}v\bar{n}$. $t\bar{a}p\bar{o}$). В отличие от $*\bar{e}_1$, очень рано (вероятно, уже к III в.) изменившегося в $*\bar{a}$, старое \bar{e} другого характера, обозначаемое как \bar{e}_2 , сохранилось в древнеанглийском без существенных изменений (см. § 79).

Примечание 1: В заимствованиях *да.* u появилось также на месте o перед носовым согласным: ср. *да.* $pund$ *фунт* из лат. $pond\bar{o}$ „весом“, ди. $munt$ *гора* из лат. $montem$ вин. ед. к $mons$. Относительно u из $*\bar{u}$ и u на месте o в заимствованиях не перед носовыми согласными см. § 82. О развитии старого $*\bar{u}$ в o см. § 80.

Примечание 2: *Да.* \bar{a} всегда восходит к $*a$ и обычно встречается лишь перед носовыми согласными. В положении не перед носовыми согласными \bar{a} появлялось сравнительно редко — только при определенной степени ослабления ударения. Слабоударное \bar{a} большей частью превратилось в o : ср. *да.* вин. ед. м. р. $\bar{r}ope$ *того, тот*, $hwone$ *кого* || г. $\bar{r}apa$, $hwapa$; *да.* op *на* || г. apa ; также и не перед носовым согласным: *да.* of *от* || г. af *откуда*, затем и сильноударное $\acute{o}f$ *прочь, долой*; реже встречается a из \acute{a} : ср. *да.* $as < \acute{a}s$ *но* || г. ak .

Примечание 3: Древнеанглийское \bar{o} из $*\bar{a}$ (из $*\bar{e}_1$) совпало со старым \bar{o} , повидимому, лишь к началу литературной эпохи, в более же раннее время \bar{o} из $*\bar{a}$ по своему качеству приближалось к \acute{a} . Таким образом, первоначально и долгое и краткое $*a$ изменились одинаково — в $*\bar{a}$ и \acute{a} , и лишь значительно позже долгий звук стал более высоким и более лабиализованным.

Примечание 4: Существование старого $*\bar{e}_1$ в древнейшую эпоху в тех диалектах, из которых образовался древнеанглийский язык, доказывается закономерностями чередования гласных. Так, например, *да.* $sw\bar{e}p < *kw\bar{o}ni < *kw\bar{a}ni(z)$ *жена, королева*, находилось в отношении количественного чередования в *да.* $sw\bar{e}pe$ *женщина*, со старым e ; следовательно, в первом из этих слов некогда было \bar{e} (как в г. $q\bar{e}ns$).

Древнеанглийские æ (е) и ǣ (ē) — в результате палатализации *а и *ā

§ 88. Древнеанглийское æ очень часто непосредственно восходит к старому *а, а древнеанглийское (уэссекское) ǣ — к *ā из *ē (*ē₁; § 87). Палатализация *а и *ā в æ и ǣ, очень характерная для древнеанглийского языка, произошла в раннюю долитературную эпоху. Первоначально *а и *ā палатализировались во всех положениях, кроме положения перед носовыми согласными (§ 87) и, может быть, положения в исходе односложного слова (§ 110).

В дальнейшем æ и ǣ, возникшие в результате палатализации, во многих случаях изменились. В частности, за пределами уэссекского диалекта ǣ очень рано повысилось в ē, а в кентском и западномерсийском позже произошло также повышение æ краткого в е.

1. æ < *а: ср. *да.* dæʒ < *ðagaz *день* || *г.* dags; — *да.* æcer < *akraz *поле, пашня* || *г.* akrs; — *да.* fæder < *fader *отец* || *г.* fadar; — *да.* bæŕ < *bær(a) *(я) нес* || *г.* bar; *да.* stæl < *stal(a) *крал* || *г.* stal; — *кентск.* и *зап. мерс.* с е из æ: *деʒ, feder, ber.*

2. ǣ < *ā: Ср. *да.* æton < *ātun (< *ētunþ) *прош. мн. ели* || *дс.* ātun, *двн.* āzun; — *да.* bæron < *bārun (< *bērūnþ) *несли* || *дс.* *двн.* bārun; — *да.* slæp < *slāpaz (< *slēpaz) *сон* || *дс.* slāp, *двн.* slāf; ср. также *да.* stræt *мощеная дорога, улица* из *лат.* strāta (via) *устланная, мощеная (дорога)*; — *англск.* и *кентск.* ē из ǣ: *ēton, bēron, slēp, strēt.*

Древнеанглийский ēа < æо < *аѳ в связи с палатализацией *а

§ 89. Древнеанглийский ēа [ǣɑ], развившийся в начале литературной эпохи из æо (ср. *зепæот товарищ* в *Corpus-гlossах*, VIII в.; позже *зепēат*), большей частью восходит к старому дифтонгу *аѳ. Повидимому, неслоговое *ѳ в этом дифтонге превратилось в о под влиянием нижнего слогового (первого) гласного *а.

Затем это *а палатализовалось в æ, вероятно, при общей палатализации *ǣ в ǣ (§ 88). Таким образом, из старого *aŭ получилось ǣo, из которого уже в литературную эпоху — обычный древнеанглийский ēa.

Ср. *да.* ze-neat < ze-nǣot < *gīnaŭtaz *товарищ* || *ди.* nautr; — *да.* ēaze < *aŭgōn *глаз* || г. augō, *ди.* auga; — *да.* deað < *ðaŭðaz *мертвый* || г. daup̃s, *ди.* dauðr; — *да.* bēaz, -h < *bāŭga (*я*) *склонился* || г. *ди.* baug.

Древнеанглийское ā из *ai

§ 90. Древнеанглийское ā произошло большей частью из старого дифтонга *ai, который во всех положениях под ударением монофтонгизировался в ā еще задолго до появления первых письменных памятников.

Ср. *да.* stān < *stainaz *камень* || г. stains, *рун.* дск. вин. ед. staina; — *да.* hlāw < *χlaiwan *могила, курган* || г. hlaiw, *рун.* дск. hlaiwa; — *да.* wrāt < *wraita (*я*) (*на*)*писал, начертал* || *рун.* дск. warait; — *да.* āp̃ < *aīp̃az *клятва* || г. aīp̃s.

Примечание: Через ā передается в древнеанглийском и латинский дифтонг ae в ранних заимствованиях: ср. *да.* cāsere *император* из *лат.* Caesar. Очевидно, в эпоху таких заимствований еще звучал дифтонг типа [ai], через который и передавалось латинское ae.

Древнеанглийские дифтонги в результате преломления гласных: iō < iu < i; ēo < ē; ēa < ǣo < ǣ

§ 91. Древнеанглийские краткие дифтонги iō, eo, и ea [æa] возникли в результате различных явлений из старых кратких гласных. В известных условиях и долгие дифтонги iō, ēo, ēa [ǣa] произошли из простых долгих гласных или из кратких дифтонгов, восходящих к простым кратким гласным.

Древнейшим явлением, в результате которого в древнеанглийском образовались дифтонги из простых гласных, было преломление гласных, происшедшее

не позже V в., но после палатализации *а и англско-кентского перехода $\text{æ} > \text{ē}$ (§ 88). Под преломлением (*англ.* breaking, *нем.* Brechung, *франц.* fracture) в истории английского языка понимается дифтонгизация палатальных гласных перед известными согласными и сочетаниями согласных: **h** [χ] (hh [χχ]); **rr**; **r** + согласный; **ll**; **l** + согласный; **w**. Однако не все палатальные гласные испытали преломление перед каждым из этих согласных и сочетаний согласных. Перед [rj] и *lj (откуда *llj > ll) гласные вообще не преломлялись.

Примечание: Сущность преломления состоит в частичной веларизации палатального гласного под влиянием последующего веларного ([χ, χχ]), веларизованного rr, ll; r и l перед согласным, но не перед палатальным [j], или лабио-веларного согласного w: так как веларизация была неполной, то получался дифтонг, состоявший из палатального и веларного компонентов.

§ 92. Перед **h** [χ] (hh [χχ]) преломлению подвергались все палатальные гласные (ī, ē, æ), имевшиеся в древнеанглийском в эпоху этого явления.

1. **io** < **iu** < **i**: ср. *да.* tiohhian < *tiχōjan- *устраивать*.

2. **īo** < **īu** < **ī**: ср. *да.* (уэсс.) be-twēoh, be-twēonum < bi-twīoh*, bi-twīo(h)num* < *bi-twīχ-, *bi-twīχnūmiz *между двумя* || *г.* tweih- — в tweihnai *по два*.

3. **eo** < **e**: ср. *да.* feohtan < *feχtanān *сражаться* || *дс.* *двн.* fehtan; — *да.* seoh < *seχwe *повелит.* к sēon < *seohan < *seχ(w)anan *видеть* || *г.* saīhuan, *дс.* *двн.* sehan.

4. **ēo** < **ē** (из $\text{æ} < *ā$ в англском и кентском, § 88): ср. *да.* *англск.* nēolāca(n) < *nēohlācan < *nēχ-lākian (< *nāχwa- < *nēχwa-laikianan) *приблизиться* (уэсс. nēalācan < *nāahlācan < *nāχ-lākian и т. д., ср. ниже, 6).

5. **ea** < **æo** < **æ** (из *a, § 88): ср. *да.* seah < *sæχ (< *saχwa) *видел* || *г.* sahu, *двн.* sah; — *да.* eahta < *æχtō (< *aχtau) *восемь* || *г.* ahtau, *двн.* ahto; — *да.* slēan < *slæohan < *slæχan (< *slaχanan) *бить* || *г.* *двн.* slahan.

6. $\bar{e}a < \bar{a}o < \bar{a}e$ (из * \bar{a} в уэсс., § 88): ср. *да.* уэсс. $n\bar{e}ah < *n\bar{a}e\chi-$ ($< *n\bar{e}\chi w-$) *близко* || *дс.* *двн.* $n\bar{a}h$ (ср. $n\bar{e}a$ $\bar{t}\bar{a}e\bar{s}an$, ср. выше, 4).

Примечание: В англских диалектах дифтонги $\bar{i}o$, $\bar{e}o$, $\bar{e}a$ различного происхождения в VII—VIII вв. монофтонгизировались перед s , \bar{z} , h , перед $g + s$, \bar{z} , h и перед lh . Дифтонги $\bar{i}o$, $\bar{e}o$, $\bar{e}a$ (долгое) монофтонгизировались в \bar{i} , \bar{e} и \bar{e} ; краткое же ea дало $\bar{a}e$ перед h , а перед gs , $g\bar{z}$, gh превратилось в e (перед s , \bar{z} и lh оно вообще не встречалось в англских диалектах). Таким образом, результаты преломления в англских диалектах во многих случаях стерлись: ср. *англск.* $tihhian$, $betw\bar{i}h$, seh , $n\bar{e}h$ ($< *n\bar{e}oh$), $s\bar{a}h$ || уэсс. $tiohhian$ (позже $teohhian$), $betw\bar{e}oh$ ($< bitw\bar{i}oh*$), $seoh$, $n\bar{e}ah$, $seah$. Но в случае исчезновения h (до эпохи монофтонгизации) дифтонги сохранились, как в $n\bar{e}o\bar{t}\bar{a}e\bar{s}an$ (ср. выше, п. 4).

§ 93. Перед gg и перед $g +$ согласный преломление испытали лишь краткие палатальные гласные (i , e , \bar{a}).

1. $io < iu < i$: ср. *англск.* (*норт.*) $iogge < *irri$ ($< *erziaz$) *гневный* (уэсс. $ierge$, § 102) || *двн.* $irri$ *сбившийся* (с толку; — *англск.* $hiorde < *hirdi$ ($< *herdziaz$) *пастух* уэсс. $hierde$, § 102) || *двн.* $hirti$.

2. $eo < e$: ср. *да.* $steorra < *sterrō$ *звезда* || *дс.* *двн.* $sterro$; — *да.* $heorte < *hertōn$ *сердце* || *двн.* $herza$; — *да.* $weorðan < *werþanan$ *становиться, делаться* || *ди.* $verða$, *двн.* $werdan$.

3. $ea < \bar{a}o < \bar{a}$ (из * \bar{a} , § 88): ср. *да.* $dearr < *dærr$ ($< *ðarz-$ вместо * $\bar{d}arsa$, *- \bar{e}) *смею, смеет* || *г.* $-dars$, *двн.* $-tar$; — *да.* $wearþ < *warþa$ *стал, сделался* || *г.* $warþ$, *ди.* $varð$, *двн.* $ward$; — *да.* $bearn < *bærn$ ($< *barnan$) *ребенок* || *г.* *ди.* *двн.* $barn$.

Примечание: В англских диалектах встречается также \bar{a} : ср. *да.* *англск.* $darr$, $warþ$, $barn$ наряду с $dearr$, $wearþ$, $bearn$ (ср. § 96, примечание 3). Кроме того, в тех же диалектах перед gs , $g\bar{z}$, gh произошла монофтонгизация $ea > e$: ср. *англск.* $teгs$ *граница*, $тег\bar{z}$ *костный мозг*, $ferh$ *поросенок* || уэсс. *кентск.* $тегс$, $тег\bar{z}$, $fearh$ (ср. § 92, примечание).

§ 94. Перед II произошло преломление только æ краткого (из *а, § 88). Перед I+согласный в большинстве случаев преломлению подвергалось также лишь краткое æ.

Ср. *да.* feallan < *fællan (< *fallanan) *падать* || *двн.* fallan; — *да.* eal(l) < *æll (< *allaz) *весь* || *г.* alls; — *да.* healp < *χælp (< *χelpa) *помог, помогал* || *г.* halp; — *да.* healdan < *χældan (< *χaldanan) *держать* || *г.* haldan.

Но перед сочетанием lh (а при известных дополнительных условиях, вероятно, и перед lc, lf) преломлению подвергалось также и е краткое.

Ср. *да.* seolh < *selχaz *тюлень* || *двн.* selah; — *да.* fēolan (§ 111) < feolhan* < *felχanan *открыться, проникнуть* || *двн.* felhan *скрыть, схоронить*; — но *да.* fel(l) *шкура*, helpan *помогать*, feld *поле*, delfan *копать* — со старым е.

Примечание: В соответствии с уэссекским (и кентским) ea < æo < æ перед II и I+согласный в английских диалектах находим а: ср. *англск.* fallan, al(l), halp, haldan || *уэсс.* (и *кентск.*) feallan, eal(l), healp, healdan (ср. § 96, примечание 3). Кроме того, ео перед lh монофтонгизировалось в е в этих диалектах: ср. *англск.* selh || *уэсс.* seolh (ср. § 92, примечание).

§ 95. Перед w преломлению подвергались только i и е краткие.

1. io < iu < i: ср. *да.* þriowa < þriuwa < *þriwō- *трижды* || *дс.* thriwo.

2. eo < e: ср. *да.* treowes < *trewasa *род. ед. к trēo дерево*; sneowes < *knewasa *род. ед. к snēo колено* || *дс.* knewes *род. ед. к kneo*.

Древнеанглийские а и ā в результате веларизации æ и ǣ (из *а и *ā)

§ 96. Древнеанглийское а обычно восходит к старому *а, но не является старым *а, непосредственно сохранившимся в неизменном виде: первоначально *а

палатализовалось в древнеанглийском в æ (§ 88) и уже затем это æ вновь веларизовалось в а перед слогом с веларным гласным.

Ср. *да.* им. вин. мн. *daȝas*, дат. м. *daȝum* при им. вин. ед. *dæȝ день*; им. вин. мн. *fatu*, дат. мн. *fatum*, род. мн. *fata* при им. вин. ед. *fæt сосуд*; *faran ехать*, *передвигаться*, при *fæȝ повозка*, *судно*.

Примечание 1: Вряд ли можно допустить, что древнеанглийское а в *daȝas* и т. п. представляет собой сохранившееся без изменений старое *а: если бы в *да.* *daȝas* сохранялось старое *а, то *а должно было бы сохраняться в сходных условиях и в **slaȝan-* (|| *г.* *slahan*), которое в таком случае после выпадения h (< [χ]), не могло бы превратиться в *да.* *slēan*, засвидетельствованное в памятниках, но дало бы звучание с ā (в результате стяжения ударного *а с гласным безударного слога, ср. § 113). Звучание же *slēan* могло получиться только в том случае, если **slaȝan* некогда превратилось в **slæȝan* (затем — **slæoȝan* > **slæohan* > **slæaan* > *slēan*). Но если *а палатализовалось в æ в **slaȝan-*, то оно должно палатализоваться и в старом **ðagōs* и в других подобных случаях (следовательно: **ðagōs* > **dægōs* > **daȝas* и т. п.).

Примечание 2: Чередование æ — а, возникшее в результате веларизации æ > а (ср. *dæȝ — daȝas*), нередко устранялось проведением одного из этих гласных, æ или а, во всех формах того же самого слова: ср. *æsc ясень* — мн. *æscas*; им. ед. *sacu дело, вещь* — вин. дат. род. обычно *sace* (вместо фонетически закономерного *sæce*). В склонении прилагательных æ и а большей частью закрепляются за определенными словоформами и таким образом чередуются друг с другом, но не в полном соответствии с фонетическими условиями.

Примечание 3: Возможно, веларизация æ происходила также под влиянием последующего w: ср. *да.* *clawe* вин. дат. род. ед. к *clēa* < **klæo* < **klawu* < **klawō коготь, копыто*. Но может быть а в подобных случаях перенесено из тех форм, где оно развилось под влиянием веларного гласного последующего слога (ср. им. вин. мн. *clawa*). В англских диалектах можно предполагать веларизацию æ перед ll, перед l + согласный, отчасти перед rr и r + согласный (см. § 94, примечание и § 95, примечание). Но возможно, что в этих случаях действительно сохранилось старое *а.

§ 97. В уэссекском диалекте перед слогом с веларным гласным иногда встречается \bar{a} из $\bar{æ}$, восходящего к более раннему $*\bar{a}$ из $*\bar{e}_1$ (§ 87). Таким образом, уэссекское $\bar{æ}$ в известных случаях веларизовалось подобно $æ$ краткому (§ 96). Однако веларизация $\bar{æ}$ (долгого) наблюдается гораздо реже, чем веларизация краткого $æ$, так как перед зубными согласными $\bar{æ}$ регулярно сохранялось и, кроме того, в большом числе случаев (особенно в глаголах) последовательно проводилось $\bar{æ}$ по образцу тех словоформ, где оно сохранилось по фонетическим условиям.

Ср. *да.* им. вин. мн. $māzas$, дат. мн. $māzum$ при им. вин. ед. $mæz$ *родич*; — $slāpan$ *спать* при $slæp$ *сон*, наряду со $slæpan$ по образцу $slæp$; $lāzon$ *лежали* при однотипном $sæton$ *сидели*, наряду с $læzon$ по образцу $sæton$ и т. п. (с зубным согласным).

Древнеанглийские дифтонги, возникшие под воздействием предшествующих палатальных согласных

§ 98. Древнеанглийские дифтонги $\bar{i}e$, $\bar{i}o$, $\bar{e}o$, $\bar{e}a$ более или менее часто — в зависимости от диалекта — представляют собой дифтонги, развившиеся из простых гласных (кратких и долгих) под воздействием предшествующих палатальных согласных \bar{j} [j] и [k'] (в частности — в сочетании sc). Первоначально после палатальных согласных возникали восходящие дифтонги: так, например, из [jæ] получалось [j \bar{e} æ]. Но затем такие восходящие дифтонги нередко переходили в нисходящие и совпадали с уже существовавшими в это время нисходящими дифтонгами: так, например, [e $\bar{æ}$] (в сочетании [j \bar{e} æ]) превращалось в [e $\bar{æ}$], далее — в [æ \bar{a}], которое совпадало с ea [æ \bar{a}], возникшим ранее в результате преломления (§ 96 и след.).

Начавшись еще в долитературную эпоху, дифтонгизация после палатальных согласных продолжалась и в эпоху ранних письменных памятников (VII—VIII вв.). Наибольшее развитие эта дифтонгизация и переход восходящих дифтонгов в нисходящие получили в уэс-

секском диалекте и в некоторых нортумбрийских говорах, в мерсийском же и кентском известные случаи дифтонгизации после палатальных вовсе не встречаются.

§ 99. Дифтонги *ġe*, *ġo*, *ġeo*, *ġea*, возникшие в результате дифтонгизации гласных после палатальных согласных, обычно имеют следующее происхождение:

Нисходящие дифтонги		из восходящих дифтонгов	из простых гласных	
1. ie	< ie < e	
2. īe	< iē < ē	
3. io (с IX в. eo)	< iu < u	
4. īo (редко; IX в. eō)	< iū < ū	
5. eo	{	eā < ā
		eo < o
		(< io с IX в., см. выше, 3)		
6. ēo	{	eō < ō
		(< īo с IX в., см. выше, 4)		
7. ea [æa]	{	eæ < æ
		ea < a
		eā < ā
8. ēa [ǣa]	{	eǣ < ǣ
		eā < ā

Ср. *ða.* *scield* < *sceld* *щит*; — *zīe* < *zē* *вы*; — *zeonz* < *ziunz* < *zunz* [jung] *молодой*; — *scēor* < **scīor* < **scīur* < *scūr* *ливень*; — *sceomu*, *sceamu* < *scamu* *стыд*; — *sceort* < *scort* *короткий*; — *scēop* < *scōp* *создал*; — *zeaf* < *zeæf* < *zæf* *дал, давал*; — *sceadu* < *scadu* *тень*; — *zēar* < *zǣr* *год*; — *zēara* < *zeāra* < [jāra] *в древности, некогда* (с *ā* из *ǣ*, § 87).

Старый [j] мог встречаться перед всеми гласными, но [j] из [g] и палатальное [k'] (из [k]) — только перед палатальными гласными (§§ 54, 55). С VIII в. [k'] в сочетании *sc* стало палатальным и перед веларными гласными (§ 56).

Древнеанглийские палатальные гласные *y, ŷ, e, ē* (*œ, œ̃*), *æ, æ̃* и дифтонги *ie, īe* в результате палатальной перегласовки

§ 100. Древнеанглийские *y, ŷ* и *œ, œ̃* впервые возникли из *u, ū* и *o, ō* под воздействием *ī* или [*j*] в последующем слоге, но в уэссекском диалекте *œ* и *œ̃* рано делабиализовались в *e* и *ē*. При тех же условиях новое краткое *e* в гораздо большем числе случаев развивалось в древнеанглийском из *æ* и *ǣ* (через стадию *æ*), а в англских и кентских диалектах — также из *æo* (> *ea*, § 89). В этих же диалектах появилось и новое долгое *ē* из дифтонга *æo* (> *ēa*, § 89), а в кентском также из *ā* из **ai*, (§ 90). Вместе с тем, наряду с древнеанглийским *æ* и (уэссекским) *æ̃*, возникшими гораздо раньше в результате спонтанной палатализации **a* и **ā* (§ 88), развились под влиянием *ī* или [*j*] последующего слога новые *æ* и *æ̃* из *a* и *ā* более позднего происхождения (§ 101). Также и уэссекские дифтонги *ie* и *īe* в большом числе случаев произошли из других дифтонгов, палатализовавшихся перед *ī* или [*j*].

Все эти случаи образования новых палатальных гласных звуков (в том числе гласных *ŷ, œ̃*, ранее вообще не существовавших в древнеанглийском) представляют собой частные случаи палатальной перегласовки (или *i/j*-умлаута), т. е. комбинаторной палатализации гласных под воздействием *ī* или [*j*] последующего слога. Палатальная перегласовка произошла в древнеанглийском, вероятно, в VI веке, после чего *i* и [*j*] в известных случаях исчезли, а сохранившееся *i* (также *i* из *ī*) в VIII в. большей частью перешло в *e* (§ 78).

§ 101. Палатальная перегласовка простых гласных:

1. *y < u* (из **ū*, §§ 80—87): ср. *да.* *cyninȝ < *kuningg* (< **kūnengaz*) *король* || *двн.* *kuni(n)g*; — *да.* *fyllan < *fullian* (< **fūllianan*) *наполнять* || *г.* *fulljan* при *да.* *ful(l)* *полный*; — *да.* *ȝylden < ȝyldīn* < gūlpīn* (< **gūlpīn-*) *золотой* || *г.* *gulpeins* при *да.* *zold* (< **gūlpan*, § 46); — *да.* *дат. ед. hnyte < hnyti* < ȝnuti* (< **ȝnūti*) *вин. ед. hnutu орех.*

2. $\bar{y} < \bar{u}$ (\bar{u} старое, или из $*\bar{u}$, § 109): ср. *да.* $br\bar{y}se < br\bar{y}si^* < bruci$ ($< *br\bar{u}kiaz$) *полезный* || *двн.* $br\bar{u}hhi$ при *да.* $brucan$ *пользоваться*; — *да.* $судан < *k\bar{u}\bar{r}ian$ ($< *k\bar{u}n\bar{r}ia-$
 nan) *объявлять, делать известным* || *г.* $kun\bar{r}jan$ при *да.* $c\bar{u}\bar{r}$ ($< *k\bar{u}n\bar{r}-$) *известный*.

3. $e < \ae < o$ (редкое явление, ср. § 81): ср. *да.* дат. ед. $dehter < d\aehter^* < *do\chi tri$ (с o вместо u по образцу других падежей, из $*\bar{d}\bar{u}\chi tri$) при им. вин. ед. $dohtor$ *дочь*; — *да.* $ele < \ae li^*$ из *лат.* $oleum$ *растительное масло* (где безударное e было заменено через i).

4. $\bar{e} < \bar{\ae} < \bar{o}$ (\bar{o} старое, или из $*\bar{a}$ — см. § 85, или из \bar{a} , — см. § 109); ср. *да.* $d\bar{e}man < d\bar{\ae}man < *d\bar{o}mian$ ($< *d\bar{o}mianan$) *судить*, *г.* $d\bar{o}mjan$ при *да.* $d\bar{o}m$ *суд, слава*; — *да.* $cwen < cw\bar{e}n^* < *kw\bar{o}ni$ ($< *kw\bar{e}niz$) *жена, королева* || *ди.* $ku\bar{a}n$ *жена* || *г.* $q\bar{e}ns$; — *да.* $\bar{e}st < *\bar{\ae}st^* < *o\bar{s}ti$ ($< *an\bar{s}tiz$) *милость* || *г.* $an\bar{s}ts$; — *да.* $f\bar{e}h\bar{r} < *f\bar{\ae}\chi\bar{r}$ ($< *f\bar{o}\chi\bar{r}$ ($< *fa\bar{n}\chi\bar{e}ri$) *ловит, достает, получает* || *г.* $f\bar{a}h\bar{r}$ ($< *fa\bar{n}\chi\bar{e}ri$; $-e\bar{d}i$) при *да.* инф. $f\bar{o}n$ ($< *f\bar{o}\chi\bar{a}n < *fa\bar{n}\chi\bar{a}-$
 nan). О кентском \bar{e} из \bar{a} см. ниже, п. 8.

5. $e < \ae$ (из $*a$, § 88): ср. *да.* $bed(d) < *b\ae ddi$ ($< *ba\bar{d}-$
 jan) *постель, ложе* || *г.* $badi$; — *да.* $mete < meti^* < *m\ae ti$ ($< *matiz$) *пища* || *г.* $mati-$ в $mati-balgs$ *сумка для про-*
визии; — *да.* $lec\bar{z}an < *l\ae ggjan$ ($< *la\bar{g}janan$) *класть, по-*
ложить || *г.* $la\bar{g}jan$ при *да.* $l\ae\bar{z}$ *лежал*; — *да.* $tellan < *t\ae lljan$ ($< *ta\bar{l}janan$) *считать, рассказывать* при $tal\bar{u} < *t\ae lu$ ($< *ta\bar{l}\bar{o}$, § 88) *число, счет*.

6. $e < \ae < \bar{a}$ (из $*a$, § 85): ср. *да.* $mennisc < *m\bar{a}n-$
 $nisc$ ($< *manniskaz$) *человеческий* || *г.* $mannisks$; — *да.* им. мн. $men(n) < *m\bar{a}nni$ ($< *mannez$) при им. ед. $m\bar{a}n(n)$ *чело-*
век; — *да.* $sendan < *s\bar{a}ndian$ ($< *sa\bar{n}\bar{d}eian$) *посылать* || *г.* $sa\bar{n}jan$; — *да.* $fremman < *fr\bar{a}mmjan$ ($< *fra\bar{m}jan$) *совер-*
шать, «продвигать вперед», при $fr\bar{a}m$ *вперед, далее*.

7. $\ae < a$ (§ 96, там же примечание 2): ср. *да.* $f\bar{a}r(e)\bar{r} < *fa\bar{r}i\bar{r}$ (с a вместо \ae по аналогии с инф. $fa\bar{r}an$ и т. п.; $< *fa\bar{r}e\bar{r}i$) *едет, передвигается* || *г.* $fa\bar{r}i\bar{r}$; — *да.* *англск.* $\bar{a}ldra < *al\bar{d}ir\bar{o}$ ($< *al\bar{p}iz\bar{o}$) *старший* || *г.* $al\bar{p}iza$.

8. $\bar{\ae} < \bar{a}$ (из $*ai$, § 90): ср. *да.* $d\bar{\ae}l < *d\bar{a}li$ ($< *d\bar{a}liz$) *часть, удел* || *г.* $dails$ при *да.* $\bar{z}e-d\bar{a}l$ *деление, раздел*; —

да. dælan < *dālian (< *ðailijanan) *делить* || г. dailjan; — да. læran < *lārian (< *laizejanan) *учить* || г. laisjan при да. lār < *lāru (< *laizō) *учение*; — да. æniʒ *какой-либо* при ān *один, некий*; — кентск. ē < *æ < ā: dēl, dēlan, lēran, ēniʒ.

Примечание: Если допустить, что в эпоху палатальной перегласовки встречались формы с е перед слогом с ĭ или [j], образованные по образцу форм без ĭ или [j] после е, то необходимо предположить, что е при палатальной перегласовке превратилось в i. Так, например, если на месте более раннего *hilpīp (из *χelpīp, § 81) появилось *helpīp, (образованное по образцу helpan и т. п.), то эта аналогическая форма при палатальной перегласовке вновь превратилась в *hilpīp, так как в литературную эпоху находим hilp(e)p.

§ 102. Палатальная перегласовка дифтонгов дала различные результаты в разных диалектах: в уэссекском диалекте обычно находим ĩe из ĩu и æo, в англском и кентском диалектах — ē из æo, тогда как ĩu в этих диалектах перегласовке обычно не подвергалось. В литературную эпоху ĩu и æo, не подвергшиеся перегласовке, превратились в iō и ēa (ср. § 89).

1. ie < iu (большей частью из i в результате преломления, §§ 91—95): ср. да. уэсс. hierde < *hiurdi (< *χirdī < *χerðiaz) *настух* || двн. hirti при да. англск. кентск. hiorde; — да. уэсс. ierre < iurri (< *irri < *erziaz) *гневный* || двн. irri *сбившийся с толку* при да. англск. кентск. iorre; — да. уэсс. fieht < *fiuxtip (< *fixtip < *fex-tepi) *сражается* (с iu из i, § 92) при инфинитиве feoh-tan (с eo из e, не перешедшего в i, так как в последующем слогe не было ни ĭ, ни [j]).

2. ie, e < æo (большей частью из æ в результате преломления, §§ 91—95): ср. да. уэсс. ierfe, англск. кентск. erfe < *æorbī (< *arbian) *наследство* || г. arbi, рун. дск. arbija; — да. уэсс. ieldra, кентск. eldra < *æol-dirō (< *alpizō) *старший* || г. alpiza (но англск. ældra < *aldirō, ср. § 94, примечание); — да. уэсс. fiellan, кентск. fellan < *fæollian (< *fallejanan) *валить* при уэсс. кентск. feallan *падать* || двн. fallan (но англск. fællan < *fallian- *валить* при fallan *падать*).

3. *īe* < *īu* (обычно из **eū*, § 106): ср. *да. уэсс. līehtan* < **līuhtian* (< **leūhtianan*) *светить* || *г. liuhtjan* при *да. кентск. līohtan* (*англск. līhtan* < *līohtan**, *līuhtan**; — *да. уэсс. el-þīediȝ* < **æli-þīudig* (< **alja-þeūðigaz*) *чужеземный* при *англск. кентск. el-þīodiȝ*.

4. *īe*, *ē*, < *æo* (большей частью из **aū*, § 89; также из *уэсс. æ* в результате преломления; §§ 91—95): ср. *да. уэсс. līesan*, *англск. кентск. lēsan* < **læosian* (< **laū-sianan*) *отпускать* || *г. lausjan* при *да. lēas* *праздный, тщетный*; — *да. уэсс. nīehsta* < **næoχistō* (< **næχ(w)istō* < **nēχwistō*) *ближайший* при *nēah* < **næoχ* (< **næχ* < **nēχwaz*) *близкий* || *двн. nāh*, *г. nēhus*.

Примечание 1: В уэссекском диалекте встречается также *īo* (более позднее *ēo*) вместо *īe* из *īu*: так, например, наряду с *el-þīediȝ* находим также *уэсс. el-þīodiȝ* и регулярно — *уэсс. līode* *люди*, *ȝe-þīode* *народ, язык*, позже *lēode*, *ȝe-þēode* вместо ожидаемых словоформ с *īe* (из **lūdi*, **ji-þiudi*).

Примечание 2: Старый дифтонг **eū* мог встречаться перед *ī* или [*j*] в последующем слоге только в аналогических новообразованиях (ср. § 81). То же относится и к *eo* из *e*. Если такие новообразования с **eū* и *eo* действительно имелись в языке в эпоху палатальной перегласовки, то при этой перегласовке из **eū* получилось *уэсс. īe*, *англск. кентск. īo*, а из *eo* — *уэсс. ie*, *англск. кентск. io*.

Примечание 3: Дифтонги, развившиеся после палатальных согласных (§§ 98, 99), изменялись при палатальной перегласовке в общем так же, как и те дифтонги иного происхождения, с которыми они совпали в своем дальнейшем развитии. Так, например, дифтонг *eæ* из *æ*, изменившийся далее в *ea* и совпавший, таким образом, с *ea* из *æo*, превратился в уэссекском диалекте при палатальной перегласовке в *īe* так же, как и дифтонг *æo*: ср. *да. scierpan* < **sceærpan* < **skærpan* (< **skarpanan*).

Древнеанглийские дифтонги *io*, *eo*, *ea* и гласные *u*, *o* в результате веларной перегласовки

§ 103. Древнеанглийские краткие дифтонги *io*, *eo*, *ea* образовались из простых гласных *i*, *e*, *æ* не только в результате преломления этих гласных (§ 91), но также

и в результате их частичной веларной перегласовки (веларного или *u/ǣ/a*-умлаута), т. е. частичной (неполной) их веларизации, происшедшей в VII—VIII вв. под воздействием веларных гласных в последующем слоге. В положении после *w* наряду с *io* и *eo* встречаются также *u* и *o*, развившиеся из *i* и *e* в результате полной их веларной перегласовки.

Веларная перегласовка имела очень неодинаковое распространение в различных диалектах — с одной стороны, в зависимости от того согласного, который следовал за гласным, подвергавшимся перегласовке, с другой стороны — от гласного, вызывавшего перегласовку. Тогда как частичная веларная перегласовка имела наибольшее распространение за пределами уэссекского диалекта, полная веларная перегласовка (после *w*) была значительно распространена именно в уэссекском.

В пределах одного диалекта или даже говора наблюдаются значительные колебания в проведении веларной перегласовки, что объясняется как чередованиями, возникшими в связи с различием гласных в окончаниях одного и того же слова, так и смешением диалектов.

§ 104. Частичная веларная перегласовка происходила в уэссекском диалекте лишь при положении *i*, *e*, *æ* перед плавными (*l*, *r*) или шумными губными (*f*, *þ*) согласными, причем *e* и *æ* подвергались перегласовке только под воздействием *u*.

1. *io* < *i* — перед *u*, *ǣ*, *a* в последующем слоге: ср. *да.* *siolfor* < *siolufr* < *silufr* *серебро* || *г.* *silubr*; — *да.* *liofade*, *-ode* (из *-ude*) прош. ед. к *lifian* *жить*; — *hiora*, *hira* род. мн. *их*; — *англск. кентск.* также *liomu* им. вин. мн. к *lim* *конечность (часть тела)*, *pioman* *брат*, *pīosan* *горох*; *кентск.* *wiodu* *лес, дрова* — при классических уэссекских *limu*, *pīman*, *pīsan*, *wudu* (из *wīdu*, § 105).

2. *eo* < *e* — перед *u*: ср. *да.* *heofon* < *hefun** *небо* при древнейшем *норт.* *hefaen* || *дс.* *heþan* (с другой огласовкой суффикса); — *да.* *eofor* < *efor*, *-ur* *кабан*; —

heorot < herut* *олень*; — *англск. кентск.* также beoran *нести, носить*, eotan *есть* (инф.), meotod < metud *судьба, вершитель судеб, создатель*, sweostor *сестра* — при *классич. уэсс.* beran, etan, metod, -ud, swostor (из swe-stur*, § 105).

3. **ea < æ** — перед **и** (в уэссекском вообще очень редко, так как перед **и** последующего слога обычно **a < æ**, §§ 96, 97); ср. ceapu < særu* (< *kaŕō) *печаль, забота* (с æ вместо а в уэссекском по образцу косвенных падежей sæge, наряду с которым, однако, более обычно sage — по образцу им. сагу); — **ea < æ** характерно для западномерсийского: ср. *да. мерс.* færan < færan* (< *faranan) *ехать, передвигаться*, zeatu < zætu* (< *gaŕō) *ворота* при *уэсс.* faran, zatu; также *мерс. и поэтич.* heaðo- < heaðu- *битва* в сложных словах, например в heaðo-mære «*славный в битвах*».

Примечание: Англиские (и в частности именно мерсийские) варианты характерны для поэтического языка, и многие слова специально поэтического лексикона известны преимущественно или даже исключительно в английских (мерсийских) вариантах: ср. выше heaðo- наряду с редким haðu-.

§ 105. Полная веларная перегласовка гласных **i** и **e** (в сочетаниях **wi** и **we**) произошла в уэссекском диалекте только при **и** (> о) в последующем слоге, но независимо от характера согласного, следовавшего за **i** или **e**.

1. **wu < wi:** ср. *да.* wudu < wīdu *лес, дрова*; — *уэсс. кентск.* wucu < wīcu *неделя* (но *англск.* wīcu — с сохранением **i** перед нёбным согласным); — *да.* wuduwe < wīduwe *вдова*.

2. **wo < we** (главным образом в классическом уэссекском): ср. *да. уэсс.* swostor < swestur* *сестра* || *дс.* dwen. swestar (с другой огласовкой во втором слоге); *да. уэсс.* worold < werold, -uld *мир, век* || *ди.* verold, *двн.* weralt — при *да.* sweostor, weorold в других диалектах, а также отчасти в уэссекском (с частичной перегласовкой вместо полной, § 104, п. 2).

**Древнеанглийский $\bar{e}o$ (< $\bar{e}u$) из $*e\bar{u}$, $e + u$, $e + w$;
древнеанглийский $\bar{i}o$ из $\bar{i}u$ различного
происхождения**

§ 106. Древнеанглийский дифтонг $\bar{e}o$ в очень большом числе случаев восходит к старому дифтонгу $*e\bar{u}$. В древнейших памятниках на месте обычного $\bar{e}o$ литературной эпохи еще встречается написание eu , которое передавало либо дифтонг $\bar{e}u$, либо дифтонг $\bar{e}\bar{u}$. Таким образом, старое $*e\bar{u}$, может быть, первоначально дало $\bar{e}u$, и уже из этого $\bar{e}u$ в дальнейшем получилось $\bar{e}o$; но возможно также, что старое $*e\bar{u}$ непосредственно перешло в $\bar{e}o$ в начале литературной эпохи.

Ср. *да.* $zr\bar{e}ot < zreut$ (? = [greūt]) < $*gre\bar{u}tan$ *гравий, крупный песок* (ср. латинизированное *г.* Greutungi); $st\bar{e}op-f\bar{a}eder < steup-f\bar{a}d\bar{a}er$ (= $steup-faedaer$ в Эпинальских глоссах, ? = [steup-]) < $*ste\bar{u}pa-fa\bar{d}\bar{e}r$; $l\bar{e}of < *le\bar{u}f\bar{a}z$ *милый, любезный* || *рун. дск.* leubaR.

Также и раннелитературное *да.* eu из $e + u$ (§ 113) или $e + w$ (§ 67) вскоре превратилось в $\bar{e}o$: ср. *да.* $tr\bar{e}o < tr\bar{e}u < *tre(w)u$ (< $*trew\bar{o}$) *деревья* (с выпадением w) и $tr\bar{e}o < tr\bar{e}u < *trew(an)$ *дерево* (с вокализацией w после отпадения гласного в окончании, ср. § 67).

Примечание: О древнеанглийском $\bar{e}o$ различного
ного происхождения см. §§ 91—95, 98—99, § 111.

§ 107. Древнеанглийский дифтонг $\bar{i}o$, распространенный главным образом за пределами уэссекского диалекта, большей частью образовался из дифтонга $\bar{i}u$, который еще встречается в древнейших памятниках, а в отдельных случаях — и в некоторых более поздних текстах.

Ср. *да. англск. кентск.* $ze-\bar{p}iodde < ze-\bar{p}iudde$ (Corpus-глоссы) < $*ga-\bar{p}e\bar{u}d\bar{i}d\bar{o}n$, - $\bar{d}\bar{e}f$ *присоединил* (1 и 3 л. ед.); ср. также другие примеры с $\bar{i}o < \bar{i}u$ (из $*e\bar{u}$) в § 82; ср. далее *да.* $h\bar{i}o < h\bar{i}u < *hi-u$ *она* — с $\bar{i}u$ из $i + u$ (< $*\bar{o}$) при дат. *hire*; $z\bar{l}io < z\bar{l}iu$ (Эпинальские и Corpus-глоссы) < $*gl\bar{i}uw\bar{i}$ (< $*gl\bar{i}uwja < *glewjan$) *веселье, радость* —

с дифтонгом *īu* в результате вокализации *w* (§ 67) и повышения *e* в *i* (§ 82).

Примечание: Важнейшим источником *да. īu* (> *īo*) является старый дифтонг **eū*, но в уэссекском диалекте *īo* из *īu* такого происхождения встречается довольно редко (§ 102, примечание), так как в этом диалекте *īu* обычно подвергалось палатальной перегласовке в *īe* (§ 102). Относительно других источников происхождения *да. īo*, кроме упомянутых выше, см. §§ 91—95, 93—99, § 111). О кентском *īo* из *ēo* см. § 102.

Древнеанглийский *ē* из *e* в прошедшем времени сильных глаголов VII класса

§ 108. В древнеанглийском языке прошедшее время группы сильных глаголов VII класса характеризуется гласным *ē* в корне: ср. *да. hēt назвал, назначил, lēt пустил, оставил, lēs прыгал, плясал, rēd советовал, толковал*, к инф. *hātan, lāetan, lācan, rāedan*. Наряду с такими формами прошедшего времени встречаются, главным образом в англских диалектах, иначе образованные формы того же времени тех же самых глаголов, в частности — приведенных выше: ср. *да. heht, leort* (с *h* вместо *l* в результате диссимиляции), *leolc, geord*. Гласные в этих формах произошли из старого *e* (§§ 91—95), которое в данном случае соответствует г. *aí [e]* в начальных слогах прошедшего времени тех же глаголов: г. *haihait, laílot, laílaik, -raíróþ* (*ga-raíróþ размышлял*). Древнеанглийские формы *hēt, lēt* и т. п. являются, повидимому, более новыми, и долгое *ē* в них, таким образом, произошло из *e* краткого, которое удлинилось за счет последующего согласного ([*χ*], *l*, *r*), устраненного в этих формах.

Примечание: Исчезновение согласных в формах типа *да. hēt, lēt* не является закономерным фонетическим выпадением, так как те же согласные ([*χ*], *l*, *r*) в таких же условиях нормально сохраняются. Таким образом, эти словоформы возникли не в результате фонетического развития более старых словоформ, но в результате их грамматической перестройки.

**Древнеанглийские долгие гласные из кратких
в результате выпадения носовых согласных:**

$\bar{i} < i$; $\bar{o} < a$; $\bar{u} < u$

§ 109. Древнеанглийские долгие гласные \bar{i} , \bar{o} , \bar{u} в положении перед фрикативными согласными f , β (θ), s , h нередко являются по своему происхождению старыми краткими гласными, удлинившимися в результате выпадения носовых согласных перед фрикативными (§ 63).

1. $\bar{i} < i$ (из e , § 81): ср. *да.* $fif < fimf$ ($< *femfe$) *пять* || *г.* *двн.* $fimf$; — *да.* $sip < *sinpa$ ($< *senpan$) *ход, путь, движение, время* || *г.* $sinps$.

2. $\bar{o} < a$ (из $*a$, § 85): ср. *да.* $oder < *anpara$ ($< *anparaz$) *другой* || *г.* $anpar$; — *да.* $zōs < *gāns$ ($< *gans-$) *гусь* || *двн.* $gans$; — *да.* $þōhte < *þaŋxtā$ ($< *þaŋxtōn$) *думал* при инф. $þencan$ ($< *þaŋkianan$) *думать*.

3. $\bar{u} < u$ (из $*u$, § 87): ср. *да.* $mūþ < *munpa$ ($< *mūnpaz$) *рот* || *г.* $munps$; — *да.* $cūðe < *kunpā$ ($< *kūnpōn$) *знал* || *г.* $kunpa$ при *да.* инф. $cunpan$ *знать* || *г.* $kunpa$; — *да.* $ūs < *uns$ ($< *ūns-$) *нам, нас* || *г.* *двн.* uns ; — *да.* $þūhte < *þuŋhte$ ($< *þūŋxtōn$) *казалось* при инф. $þunpan$ ($< *þuŋkian$) ($< *þūŋkianan$).

Так как **h** (старое [χ]) между звонкими звуками в древнеанглийском исчезло (§ 69), то долгие гласные, возникшие в результате выпадения носового согласного перед [χ], могут встречаться в древнеанглийском и при отсутствии **h**: ср. *да.* $fōn < *fōhan < *faŋχanan$ *ловить, добывать, получать* || *г.* $fāhan$ ($< *faŋχanan$) при *да.* повел. $fōh$, прич. II $fānzen$.

**Древнеанглийские долгие гласные из кратких
в исходе слова**

§ 110. Древнеанглийские долгие гласные в исходе слова под ударением (следовательно, в односложных словах, если не считать слов с безударными префиксами, ср. § 32) нередко являются не старыми долгими гласными,

но старыми краткими, удлинившимися в этом положении.

Ср. *да.* hwā *кто* при вин. hwone (< *χwan + *ōn) род. hwæs || г. им. hwas, вин. hwana, род. hwis (с иной огласовкой); — *да.* hē *он* при вин. hine, дат. him, род. his (ср. г. вин. hina, дат. himma — в значении указательного местоимения *этот*); — *да.* bī *у, около* (при безударном варианте be, bi) || г. bi.

Следует различать два случая:

1. Удлинение в старом исходе слова; в этом случае находим $\bar{i} < i$: ср. *да.* bī || г. bi.

2. Удлинение в исходе слова при отпавшем конечном *ř; в этом случае для древнеанглийского характерно $\bar{e} < i$: ср. *да.* hē < *χiz || г. hi- + -s (ср. г. им. ед. is от основы i-); — *да.* mē < *miř < *miz (ср. §§48, 49) *мне* || г. mis, *двн.* mir (< *miz < *mez).

Различие между этими двумя случаями отразилось, повидимому, только в развитии \bar{i} .

Примечание: Древнеанглийское hē получилось из *χiz, вероятно, таким образом: *χiz > *χeř > hē; т. е. $i > e$ перед *ř, а затем, после отпадения *ř. — удлинение $e > \bar{e}$. Путь развития древнеанглийского hwā из *χwaz (|| г. hwas) менее ясен: нельзя установить, подвергалось ли *a (или *ā из *a) палатализации (§ 88) и затем веларизации, подобной той, которая произошла при положении \bar{a} перед слогом с веларным гласным (§ 96), или древнеанглийский ā непосредственно восходит к старому *a. То же относится и к *да.* swā < *swa *так* || г. swa. Более вероятным все же представляется непосредственное развитие древнеанглийского a из *a.

Древнеанглийские долгие гласные и дифтонги в результате выпадения h и ʒ [j]

§ 111. Древнеанглийские долгие гласные и долгие дифтонги в ряде случаев развились из соответствующих кратких звуков в результате выпадения h (из [χ], § 58).

1. Непосредственно перед исчезнувшим h: ср. *да.* þwēal < þweahl* (|| *англск.* þwæhl, в Эпинальских глос-

сах *thuachl*; < **þwaχlan*) *мытьё, купанье* || г. *þwahl*; — большей частью с последующим стяжением двух слогов в один: *да. þwēan* < *þwæaǣn** < *þwæohan** < **þwaχanan* *мыть* || г. *þwahan*; — *да. swēor* < *sweoor**, -ur*, *sweohor**, -ur* (*англск. swēor* < *swehor* < **sweχūraz*) *свекор* || *двн. swehur*.

2. Перед согласным, за которым исчезло *h*: ср. *да. fūrum* < *furhum* (< **fūrχōmiz*) *дат. мн. к furh борозда* || *двн. furuh*; — *да. sēolas* *им. вин. мн. к seolh тюлень* || *двн. selah*; — *да. mēaras* *им. вин. мн. к mearh конь* || *двн. marah*.

Так как *h* в большинстве случаев выпало лишь в начале литературной эпохи, то и удлинение гласных, связанное с выпадением *h*, в основном относится к этому времени. Следовательно это удлинение — гораздо более позднее явление, нежели удлинение гласных в результате выпадения носовых согласных (§ 63).

§ 112. В уэссекском диалекте нередко встречаются долгие гласные и долгие дифтонги, возникшие из кратких гласных и дифтонгов вследствие исчезновения последующего палатального *ɟ* [j] (§ 71).

Ср. *да. уэсс. sǣde* *сказал*, *þēn* *дружинник*, *опзēan* *напротив*, *навстречу*, *снова* — при *sǣzde*, *þezn*, *опзеazn*, *опзæzn* в англских диалектах.

Древнеанглийские долгие гласные и долгие дифтонги в результате стяжения двух слогов в один

§ 113. Древнеанглийские долгие простые гласные и долгие дифтонги в ряде случаев образовались в результате стяжения (контракции) гласных звуков (простых гласных или дифтонгов), первоначально принадлежавших двум разным слогам. Стяжение гласных звуков двух разных слогов в один долгий гласный или долгий дифтонг произошло большей частью в начале литературной эпохи. Стяжению подвергались как гласные, с древнейших времен находившиеся в непосредственном соседстве друг с другом, так и гласные, пришедшие в соприкосновение друг с другом лишь вследствие вы-

падения согласного между ними (в большинстве случаев — h; см. § 69).

Важнейшими случаями стяжения гласных в древнеанглийском являются следующие:

1. Палатальный гласный во втором (безударном) слоге обычно полностью поглощается гласным первого (ударного) слога: ср. *да.* *dēþ* < *dæþ* < **dæ-īþ* (< **ðō-erī*) *делает* (инф. *dōn*); *cū* < **kūæ* (< **kō- + -ōz*) род. ед. к *cū* *корова* при однотипном *bōse* < *bōsæ* (< **bōk- + -ōz*) род. ед. к *bōs* *книга*; *þō* < *þō(h)æ* (= *thō-hæ* в Эпинальских глоссах; < **raþχōz*) *глина*, но *ī + e* (из *æ*, § 78) сохраняется как двухсложное *īe* или (в уэссекском диалекте) сливается в дифтонг *īe*: ср. *да.* *sīe* 3 л. ед. сосл. наст. к *wesan* *быть* || г. *sijai* к *wisan*; — *да.* *hīe* вин. ед. *её* — основа *hī-* (например в дат. род. *hī-re*) + окончание ед. ж. р. — *e* (< *-æ* < **-ōn*; например в *сage* вин. ед. к *сagu* *печаль, забота*).

2. Веларный гласный во втором (безударном) слоге обыкновенно поглощается полностью веларным же гласным или дифтонгом первого (ударного) слога, причем качество ударного гласного или дифтонга первоначально сохраняется: ср. *да.* *scōs* < *scō(h)as** (< **skōχōs*) мн. к *scōh* *башмак* при однотипном *stānas* мн. к *stān* *камень*; — *fōn* < *fō(h)ān** (< **faŋχanan*) *ловить, поймать, добыть* || г. *дс.* *двн.* *fāhan*; — *да.* *tēon* < *tēo(h)ān** (< **teūχanan*) *тянуть(ся), влечь(ся)* || г. *тиuhan*; — *да.* *sēon* < *seo(h)ān** (< **seχwanan*) *видеть* || *двн.* *sehan*; — *да.* *swēor* < *sweo(h)ur** (ср. § 103) *свекор*; — *þīon* (позже уэсс. *мерс.* *þeon*) < *þīo(h)ān* < **þīχan* (< **peŋχan-*) *возрастать, процветать* || г. *þeihan*, *двн.* *dīhan*; — *да.* *nēar* < *næo(h)ur** (< **nēχwōz-*) *ближе* сравн. ст. к *nēah* (< **nāχw-*) *близко* при *furður* *дальше, вперед* к *forþ* *вперед*; — *slēan* < *slæo(h)ān** (< **slaχanan*) *бить* || г. *двн.* *slahan*; — но *u + a(ā)* не стягиваются в один слог: ср. *да.* *buan* *обитать, заселять, возделывать*; *cūa* род. мн. к *cū* *корова*.

3. Веларный гласный во втором (безударном) слоге вместе с палатальным гласным в первом (ударном) слоге образует дифтонг — обычно *īo*, *ēo* или *ēa* —

в зависимости от качества ударного гласного: ср. *да.* frīond (позже *уэсс.* *мерс.* frēond) < *fri-und < *fri-ōnd < *frijōnðz *друг* || *г.* frijōnds; — *да.* *англск.* swēor < swe-(h)or (< *sweħīraz) *свекор* (с *англск.* e < eo перед h, § 92, примечание).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

§ 114. Древнеанглийские гласные, встречающиеся в безударных слогах, *i, e, a, o, u* (в древнейшую литературную эпоху также *æ, ā*, § 78) — в очень многих случаях имеют совершенно иное происхождение, чем те же гласные в слогах под ударением. Кроме того, многие старые безударные гласные в известных условиях, главным образом в конечных и в открытых срединных слогах, исчезли в древнеанглийском еще в долитературную эпоху. Вследствие этого многие древнеанглийские слова в тех или иных грамматических формах нередко имеют в литературную эпоху меньшее число слогов, чем они имели раньше: ср. *да.* hānd < *hāndu < *ħandūz *рука* || *г.* handus; — *да.* dāeldon < *dālidun < *ðai-liðūnþ *делили* || *рун.* *дск.* dālidun (*г.* dailidēdun).

Гласные послеударных слогов

Древнеанглийские гласные из старых кратких

§ 115. В закрытых слогах все древнеанглийские безударные гласные могут восходить к старым кратким гласным (хотя в том же положении они могут представлять собой и старые долгие гласные или старые дифтонги; см § 118—122).

1. Старое *i*: ср. *да.* mennisc < *mānnisk < *manniskaz *человеческий* — с *i*, сохранившимся перед *sc*; — *e* из старого *i*: — *да.* dēmed < dōēmid (VII—VIII вв.) < *dōmid < *ðōmiðaz (*при*)сужденный, установленный.

2. *i* < **e*: ср. *да.* cyning < *kuningg < *kūnengaz *король, «представитель рода»* — с *i* (из **e*), сохранившимся перед *пз*; — *e* < *i* < **e*: ср. *да.* *англск.* strīdeþ <

strīdip (= strīdit в Эпинальских глоссах, VIII в.) < *streidēpi *шагает* — с основой strīde- < strīdi- < *streidē- || *двн.* strīte- 2 л. мн. strītet (при 3 л. ед. strītit — с i из e); — *да.* Winedas < Winidas (VII—VIII вв.) < Wenedōs «венды», *славяне* (ср. в латинской передаче Venedi, -ti).

3. **е** < **æ** < ***а**: ср. *да.* род. ед. dæzes < dæzæs (VII—VIII вв.) < *dagasa *дня* || *рун.* *дск.* -dagas; — *да.* zīfen, zīefen < zībæn (= zībean в Эпинальских глоссах), zīebæn* < *gebanaz прич. *дан(ный)* || *г.* gibans, *двн.* gīgeban; — *да.* hunez < hunaæz (в Эпинальских глоссах) < *hūnagan *мед* || *двн.* hunag; — перед **з** [j] уже в VIII в. **е** (из æ < *а) большей частью повысилось далее в **і**: ср. *да.* huniz < hunez *мед*; также māniz < mānez < mānæz* < *managaz *многий* || *г.* manags.

4. **а** < ***ā** (?о) < ***а** перед **п** при раннем исчезновении последующего гласного (§ 128): ср. *да.* hānan < *hānān < *hanan(i), *-un, *-(iz) — дат. вин. род. ед. *пелуху*, -а, -а — и *hanan(iz) им. мн. *пелухи* || *г.* hanam- — в вин. ед. hanan, им. вин. мн. hanans; — *да.* zīfan, zīefan < *gebān < *geban(an) *дать, давать* || *г.* giban; — *да.* helpan < *helpan < *helpan(an) *помочь, помогать* || *г.* hilpan. Таким образом, старое *а в этих и подобных случаях отражается в древнеанглийском в виде **а**, которое, однако, не является непосредственно сохранившимся старым звуком.

5. **и** < ***ū**: ср. *да.* sunum < *sūnūmiz, *-miz *сыновьям*, -ями || *г.* sunum; — *да.* hāndum < *hānūmiz, *-ūz *рукам*, -ами || *г.* handum — с сохранением **и** (из *ū) перед **т** (а в sunum — также и под влиянием **и** в корневом слове, § 84); — **о** < **u** < ***ū**: ср. *да.* zēafon < zēafun < *gæbun < *gābun < *gēbūnþ *дали, давали* || *г.* gēbun (3 л. мн.); — *да.* eofor < efur < *e būraz *кабан* || *ди.* iōfurr; — *да.* heorot < herut < *herūtaz *олень* || *двн.* hiruz.

5а. Перед **т** находим древнеанглийское **и** также в соответствии с готским **а**: ср. *да.* дат. мн. dazum *дням* || *г.* dagam. Происхождение древнеанглийского **и** в таких случаях не вполне ясно: *да.* dæz *день* представляет собой старую германскую основу на -а: dæ-

zes < dæzæs < *ðagasa = *ðaga-sa, см. выше, 4. Всего вероятнее, что здесь мы имеем общеиндоевропейское o (ср. § 173), сохранившееся в безударном положении, а затем перешедшее в u перед носовым согласным.

Примечание 1: В положении перед фрикативными согласными встречаются в ряде случаев краткие гласные, восходящие к старым кратким, но не непосредственно, а через стадию долгих гласных, образовавшихся в результате выпадения носовых согласных перед фрикативными (§ 109): ср. *да. begar* < *berōp < *beranpi *несут* || *г. baírand*. Сокращение этих долгих гласных, развившихся из старых кратких, произошло параллельно с сокращением старых долгих безударных гласных (см. § 118).

Примечание 2: В некоторых случаях, главным образом во вторых частях сложных слов, если данные слова перестали осознаваться как сложные, старое *a превратилось в *ā не только перед п (ср. выше, 4), но и в других условиях. В дальнейшем это *a обычно развивалось в u (откуда уже в литературную эпоху — большей частью o, как из u иного происхождения): ср. *да. hlāford, -urd* < *χlāb(w)ard *хозяин, господин* < *χlaiba-warðaz «*хлебохраниТЕЛЬ*». Развитие *a > *ā > u определилось, повидимому, с одной стороны, временем и степенью ослабления ударения второй части сложного слова, с другой же стороны — фонетическим окружением, способствовавшим сохранению и усилению веларного характера гласного.

Примечание 3: Обычно предполагается, что в определенных словах древнеанглийское e из æ восходит не к старому *a, но к старому *e, перешедшему в æ в положении перед г. К числу таких слов относятся, например, *да. ofer* < obær *через*, *ōðer* *другой*. Однако более вероятным представляется, что в этих и других подобных словах перед г было старое *a: ср. *г. ufar, anfar*; *ди. ofar* (наречие) *сверху, выше*, *appaгг* *другой*; *дс. obar, āðar*; *ден. obar (ubar), andar* и т. п. — везде с a. Еще меньше оснований предполагать старое *e в древнеанглийском причастии 2-ом на -en и в некоторых существительных и прилагательных с таким же окончанием. Таким образом, нет достаточных данных для того, чтобы предполагать в известных условиях развитие древнеанглийского e < æ < *e в безударных слогах.

§ 116. В открытых слогах, как внутри, так и в исходе слова, к старым кратким гласным обычно могут восходить следующие древнеанглийские безударные гласные: *е* из более раннего *і* (в памятниках VII—VIII вв.), *о* из более раннего *и* (VII—VIII вв.), а также *и*, сохранившееся в более позднем древнеанглийском (после VIII в.). Однако в открытых слогах безударные гласные такого происхождения, т. е. из старых кратких, обыкновенно встречаются лишь после краткого ударного слога (гораздо реже — в предударном положении, ср. § 133; об *е*, *і*, *о*, *и* из долгих гласных см. § 118; об *е* из **ē* — § 120; об *е*, *і* из дифтонга или сочетания гласных — §§ 121—122).

1. *е* из старого *і*: ср. *да.* mere < meri < *mæri < *mari(z) *море, озеро* || *двн.* meri; — *да.* herede < heridæ* < *hæridæ < *hazidōn, -*dēp *прославлял* || *г.* hazida.

2. *е* < *і* < **е*: ср. *да.* size < sizī* < *segi- < *segez *победы* (ср. Segestes — германское имя собственное в латинской передаче); — *да.* hnyte < hnyti* < *hnuti- < *hnutēz *орехи*.

3. *е* < *і* < **у* < *и* — при палатальной перегласовке безударного *и* (см. ниже).

4. *и* < **ū*: ср. *да.* sunu < *sūnūz *сын* || *г.* sunus; — *да. англск.* feolu < felu* < *felū *много* || *г. двн.* filu; — внутри слова большей частью *о* из **ū*: ср. *да.* heofonas < hefbūnas* < *hefbūnōs *небеса*; в более позднее время *о* на месте *и* делается нередким и в конце слова: так suno встречается наряду с более архаичным sunu. Перед *і* или [j] последующего слога безударное *и* подвергалось палатальной перегласовке в **у* так же, как ударное *и* в *у* (§ 101). Но безударное **у* еще в долитературную эпоху утратило лабиализацию и, таким образом, совпало с *і*, откуда в VIII в. обычно *е*: ср. *да.* zædelinȝ < zædilinȝ* < *gadiling < *gadyling < *gaduling < *gaðūlēngaz *родич* || *дс.* gaduling.

§ 117. Основные случаи происхождения древнеанглийских безударных гласных из старых кратких гласных, рассмотренные выше, позволяют установить сле-

дующие явления, произошедшие в безударных слогах в долитературную эпоху.

а) Повышение старых кратких **e* и **ǣ* в *i* и *u* (откуда уже позже нередко *e* и *o*, ср. §§ 115, 116). Подобное же повышение *e* > *i* и **ǣ* > *u* известно и в ударных слогах, но там оно происходило лишь под воздействием соседних звуков (преимущественно — последующих, ср. §§ 81—87; однако условия повышения **ǣ* > *u* не всегда ясны, см. § 80).

б) Палатализация старого краткого **a* в *æ* (откуда в VIII в. *e*, § 115). Эта палатализация, очевидно, представляет собой единый процесс с палатализацией **a* > *æ* в ударных слогах (§ 88). Но в безударных слогах **a* дало *æ* также и перед носовым согласным (перед *n*), если в эпоху палатализации **a* находилось в открытом слоге вследствие наличия гласного (затем исчезнувшего) после носового согласного (*n*). Под ударением же **a* перед носовым согласным перешло в *ǣ* во всех случаях, также и в открытом слоге: ср. *да. ȝi(e)fep* < *ȝi(e)bæn* < **geḃanaz* — с безударным **a* в первоначально открытом слоге перед *n* (*-a-naz), но *да. hǣna* < **hanō netux* — с ударным **a* в открытом слоге перед *n*.

в) Переход **a* в *ǣ* (или, может быть, даже в **o*, с последующим понижением и делабиализацией в *a*) перед *n*, если слог стал закрытым еще до эпохи палатализации **a* > *æ* (ср. выше, б) или был закрытым с древнейших времен. Такой же переход (**a* > *ǣ*) перед всеми носовыми согласными в ударных слогах не был ограничен указанным условием (см. § 85).

Примечание: Повышение **a* > *i* произошло также в дифтонге **ei* (**eī*, см. § 83) и, кроме того, в отдельных словах, обычно или часто не имевших ударения в связной речи.

Древнеанглийские гласные из старых долгих (одновершинных)

§ 118. Все древнеанглийские безударные гласные могут происходить из старых долгих гласных, сократившихся в безударном положении на том или ином

этапе долитературного развития древнеанглийских диалектов. В конечных слогах следует различать старые долгие гласные обыкновенные (одновершинные) и сверхдолгие (двухвершинные, об отражении которых в древнеанглийском языке литературной эпохи см. в § 120). Те же самые древнеанглийские безударные гласные могут в известных условиях восходить к разным старым долгим гласным: ср. ниже. И, наоборот, все древнеанглийские безударные гласные, в зависимости от положения в слове и от некоторых других фонетических условий, могут отражать первоначально один и тот же долгий гласный звук, в частности — \bar{o} (обыкновенное долгое). При этом, однако, нужно заметить, что в исходе слова на месте старого обыкновенного \bar{o} в древнеанглийском возможны только *u* (или *o* из более раннего *u*) и *e* (из более раннего \bar{a}).

Важнейшими случаями происхождения древнеанглийских безударных гласных из старых обыкновенных долгих гласных являются следующие:

1. $i < *i$: ср. *да.* *miehtiz* < **mæoxtig* < **mahtigaz* *мощный* || *г.* *mahteigs*; в других случаях (не перед *z* [*j*]) обычно в $e < i < *i$: ср. *да.* *zylden* < *zyldin* < **gulþin* < *gulfīnaz* *золотой* || *г.* *gulþeins*; — *да.* *wile* < *wili* < **welip* *хочет, хотел бы* || *г.* *wili* < **wilī* (ср. 2 л. *wileis*).

2. $i < e < *æ < *ō$ и $e < *æ < *ō$ при палатальной перегласовке безударного $*ō$ (см. ниже, 5).

3. $e < æ < *æ < *ē$: ср. *да.* *worhte* < **worhtæ* < **worhtæ* < **wūrhtēp* 3 л. ед. *выработал, сделал* || *рун. дск.* *wurte* < **wurhtē*; вероятно, также *да.* *fæder* < *fædær* < **fædær* < **faðēr* *отец* || *ду.* *faðir* < *faðer* < **faðēr*.

4. $e < æ < *æ < *ā < *ō$ перед исчезнувшим конечным согласным — *ŕ* или *n* (§§ 49 и 63): ср. *да.* род. ед. *zīefe* < *zīebæ* < **gebæ* < **gebā* (|| *двн.* *gebā*) < **gebōz* *дара* || *г.* *gibōs*; — *да.* *tunze* < *tunzæ* (= *tunzæ* в древних глоссах) < **tunggæ* < **tunggā* (|| *двн.* *zunga*) < **tūngōn* *язык* (ср. *г.* *tuggō* < **tūngō* при основе *tungōn*); — *да.* *worhte* < *worhtæ* < **worhtæ* < *worhtā* (|| *двн.* *worahta*) < **wūrhtōn* 1 л. ед. *выработал, сделал* || *рун. дск.* *wohtahtō* (ср. выше, 3).

5. **а** < ***ō** внутри слова (но не перед **т**, **г** и не перед **и** в последующем слоге, см. ниже, 6): ср. *да. laðar* < **lærbōr* < **lārōri* *приглашает* || *г. larbōr*; — *да. laðade* < **lærbōdæ* < *larbōðon*, **-ðēf* *пригласил, приглашал* || *г. larbōda*; — *да. earmast* < **æormōst* < **armōstaz* *беднейший* || *г. armōsts*; — это ***ō** сохранялось до эпохи палатальной перегласовки (§ 100); в результате перегласовки (перед **ī** или **[j]** в последующем слоге) появилось **е** < ***æ** < ***ō**: ср. *да. sūðrene* < **sūþrœni* < **sūþrōnī* < **sūnþrōnīaz* *южный* || *ди. sūðrœnn*, *двн. sundrōnī*; непосредственно перед **[j]** — **і** < **е** < ***æ** < ***ō**: ср. *да. laðian, laðizan* [-*ijan*] < *laðezan** < *larbœjan* < **lærbōjān* < *larbōjanan* *приглашать* || *дс. laðoian*.

6. **и** < ***ū** (вероятно, через стадию ***ü**) — а) в старом исходе слова; б) внутри слова перед **т**, **г** или перед слогом с **и** (из ***ū**, ***ō** и т. п.). При этом в исходе слова **и** (из ***ō**) появилось очень рано и в своей дальнейшей истории полностью совпало с **и** из старого ***ū**; в связи с этим **и** из ***ō** встречается преимущественно после краткого ударного слога (подобно **и** из ***ū**, § 130, но нередко также и после старого сочетания — долгий ударный + краткий безударный слог, ср. § 131). Внутри же слова долгий гласный превратился в краткий, вероятно, значительно позже, в известных случаях, повидимому, лишь в самом конце долитературной эпохи. Ср. (а) *да. ziefu* < **gefbō* *дар* || *г. gibō-* в *gibōm* *дат. мн. к giba*; — *да. англск. beorn* < **berō* *несу*; в позднем древнеанглийском часто также **о** вместо **и**; — (б) *да. ziefum* < **gefbōmiz*, **-mūz* *дарам* || *г. gibōm*; не перед **т** обычно **о** < **и** < ***ō**: *да. swīðor* < *swīður* < **swīþōr* < **swenþōz* *сильнее, гораздо* || *г. swinþōz-* в *swinþōza* *сильнейший* (с *да. г* из **z*, § 47, восстановленным из прилагательного *да. swīðra* || *г. swinþō-za*); — вероятно, также *да. brōðor* < *brōður* < **brōþōr* *брат*; — *да. laðodon* < *laðudun* < **lærbōdun* < **larbōðunþ* *пригласили, -шали* || *г. larbōðedun* (с отличием в суффиксе), *двн. ladōtun*.

Примечание 1: Несомненных примеров со старым ***ū** в послеударных слогах в древнеанглийском не имеется. Древнеанглийское ***ū**, развившееся из краткого **и** (из ***ū**) вследствие вы-

падения последующего носового согласного, к концу долитературной эпохи сократилось в *u* (o): ср. *da.* ofost < -ust < *ob-üst < *ab-ūnst- *рвение*.

Примечание 2: Как и в ударных слогах, звука *ā* в старой системе гласных не имелось и в слогах без ударения. Латинское *ā* отразилось в виде *e* в древнеанглийском суффиксе -ere < -æri < *-æri < *-āriaz из латинского -ārius, например в *da.* mylnere (< *mulīnæri) из *лат.* molīnārius *мельник*, в *da.* bōcere *книжник*, образованном по образцу *лат.* librārius и т. п.

Примечание 3: Безударные *a* и *u*, *o*, закономерно развившиеся из **ō* в различных формах одного и того же слова в зависимости от фонетических условий, нередко аналогически переносились из одних форм в другие. Так, например, образовывалось мн. ч. laḡadon *приглашали* с срединным -a-, перенесенным из ед. ч. laḡade; и, наоборот, ед. ч. laḡude, -ode с -u-, -o- — по образцу мн. ч. laḡudun, laḡodon.

§ 119. В основном происхождение древнеанглийских безударных кратких гласных из старых долгих (§ 118) определили следующие явления долитературной эпохи:

а) Повышение **ō* в **ū* перед некоторыми согласными (m, r), перед слогом с *u*, а также в старом исходе слова, причем в последнем случае, возможно, одновременно с повышением произошло и сокращение гласного.

б) Понижение **ō* в **ā* в конечных слогах перед исчезнувшими согласными (ŕ, n; §§ 49 и 63), а также общее понижение **ē* в **æ*.

в) Палатализация **ā* (из **ō*), в результате которой получилось *æ*, совпавшее с *æ* из **ē*. Эта палатализация, очевидно, произошла параллельно с палатализацией безударного краткого **a* в *æ* (§ 115) и с подобным же явлением в ударных слогах (§ 88).

г) Сокращение долгих гласных. При этом сокращении **ō*, не изменившееся ранее в **ū* или **ā*, см. выше (а) и (б), делабиализовалось в *a* подобно тому, как **ā* (или o) перешло в *a* в безударных слогах (§ 115). Несомненно, что сокращение долгих гласных в старом исходе слова произошло гораздо раньше, чем их сокращение внутри слова или в тех случаях, где после них отпали согласные.

Древнеанглийские гласные из старых сверхдолгих (двухвершинных)

§ 120. В конечных слогах древнеанглийское безударное **a** нередко восходит к старому сверхдолгому ***ō** (двухвершинному). Особенно часто такое происхождение имеет древнеанглийское **a** в исходе слова (так как единственным другим источником **a** в таком положении может быть лишь дифтонг ***au**, § 121).

В определенных случаях древнеанглийское **e** (из более раннего **æ**, ср. § 78), возможно, также произошло из старого сверхдолгого гласного, а именно — из ***ē**, но долитературная история соответствующих словоформ не может быть восстановлена с полной ясностью. Наконец, встречается древнеанглийское **e** (из более раннего **i**, ср. § 78) на месте долитературного ***i** из сверхдолгого ***ī**, которое, однако, несмотря на свою глубокую древность, не может быть названо в полном смысле слова старым звуком: во всех несомненных случаях это ***ī** образовалось или из дифтонга (***eī**), или из сочетания гласных двух слогов (см. § 121).

1. **e** < **æ** < ***ǣ** < ***ē**: вероятно, в окончании наречий: ср. *ða. swīðe* < *swīðæ* (= *suithae* в Эпинальских глоссах) < **swīþǣ* < ? **swenþēt* *сильно, очень*; — предполагаемое старое окончание *-**ēt** представляет собой возможный вариант окончания *-**ōt** (см. ниже), так как старые ***ē** (***ē**) и **ō** (***ō**) чередовались друг с другом; но допустимо и иное происхождение долитературного *-**ǣ** в наречиях (не из *-**ēt**).

2. **a** < ***ō** < ***ō**: ср. *ða. nāma* < **nāmō* < **namō* *имя* || г. *namō*; — *ða. wēniŋza* < **wōniŋgō* < **wēneŋgōt* *вероятно* || г. *-wēniŋgō*; — *ða. род. мн. zīefa* < **gebō* < **gebōn* *даров* || г. *gibō*; — *ða. dazas* < **dægōs* < **ðagōs* *дни* || г. *dagōs*.

Древнеанглийские гласные из старых дифтонгов и из сочетаний гласных с гласными и полугласными

§ 121. Древнеанглийские безударные гласные **e** (из **i** или **æ**) и **a** в ряде случаев восходят к старым дифтонгам (в том числе — к двухвершинным дифтонгам,

что, однако, не имеет существенного значения для истории соответствующих словоформ). В некоторых же случаях те же древнеанглийские гласные произошли из сочетаний двух гласных (с полугласным между ними, например, *eje). Такие сочетания рано сделались односложными и в своей дальнейшей истории совпали со старыми дифтонгами.

1. *e* < *i* < **ī* < **ī̃* < **eī*, **eje*: ср. *да.* род. ед. *wyrde* < *wyrdi* (= *uyrdi* в Лейденской загадке) < **wūrdeīz*; — *да.* *swēne* < **kwōnī* < **kwēnī(z)* < **-eīz* род. ед. *жены*; — им. мн. *swēne* < **kwōnī* < **kwēnī(z)* < **-ejez* *жёны* || г. *geneis*.

2. *e* < *æ* < **ǣ* < **aī*, **aī̃*: ср. *да.* *hätte* < *hättæ** < **-ǣ* < **χaitaðai* *называется, назван*; — *dæze* < *dæzæ* < **dægǣ* < **ðagaī*, **-aī̃* *дню*; — *bere* < *beræ** < **berǣ* < **beraīþ* 3 л. ед. наст. *нес бы* || г. *baírai*; — *да.* *beren* < **-æn** < **ǣn* < **beraīnþ* мн. ч. наст. *несли бы* || г. *baírain-* — в 3 л. мн. *baíraina*.

3. *a* < **ō* < **aū̃*, (**aū̃̃*), **awi*: ср. *да.* *eahta* < **æohtō* < **axtau* *восемь* || г. *ahtau*; — *да.* дат. род. ед. *suna* < **sunō* < **sūnau* < **-awī* *сыну*, **sūnaūz* (-*aū̃z*) *сына* || г. *sunau*, *sunaus*.

Примечание: Старые **eī*, **eje* стянулись в **ī̃* в результате очень рано происшедшего повышения **e* > *i* (§ 81). Достоверных примеров с какими-либо другими старыми дифтонгами в безударном положении, кроме приведенных выше, в древнеанглийском не имеется.

§ 122. Древнеанглийское *e* из более раннего *i* в исходе именительного и винительного падежей единственного числа от так называемых *iō* основ произошло из долитературного **ī* (**ī̃*), которое образовалось из старого сочетания **ia* (или **ija*), ставшего конечным в результате отпадения (**ī̃*) или **n* (§§ 49 и 63).

Ср. *да.* *ierfe* < *ierbi** < **æorbi* < **arbia(n)* или **-ija(n)* *наследство* || *рун. дск.* *arbiја* [-*jjaⁿ*]; — *да.* *ende* < *ændi* < **andī* (|| г. им. *andeis*) < им. **andīa(z)* или **-ija(z)*, вин. **andīa(n)* или **-ija(n)* *конец*.

§ 123. В исходе слова после *г* в древнеанглийском встречается *е* из более раннего *і*, развившегося из старого полугласного [j] вследствие отпадения безударного гласного после этого [j]. В бóльшем числе случаев — после различных согласных как в конце, так и внутри слова — встречается древнеанглийское *и* (или *о* из *и*), развившееся подобным же образом из полугласного *w*. Кроме того, к *w* может восходить также и *е* (*і*) внутри слова. Древнеанглийское *е* такого происхождения образовалось в случае вокализации *w*, за которым следовало *і*.

1. *е* < *і* < [j]; ср. *да.* here < heri < *hæri < *χαrjaz им. ед. *войско* (|| *рун.* *дск.* -harjaR), вин. ед. *χαrjan — при *да.* им. вин. мн. herzas [-rj-].

2. *и* (*о*) < *w*: ср. *да.* zearu (-ro) < *gæ(o)ru < *garwaz *готовый*, вин. ед. zearone < *gæ(o)rwænæ < *garwanōn (ср. *ди.* gruan) — при им. мн. zearwe; — *да.* bealu (-lo) < *bæ(o)lu < *balwan *зло, несчастье* || *г.* balwa- в balwawēsi *злора* — при *да.* дат. ед. bealwe, род. -wes; — *е* < **і* < **у* < *w* перед исчезнувшим *і*: ср. *да.* zierede < *gæ(o)rwidæ < *garwidōn, -*дѣр* (*при*)*готовил, снарядил* — при инф. zierwan || *дс.* garuwian (с эпентетическим *и*).

Эпентетические гласные

§ 124. Между шумными и сонорными согласными, находящимися в исходе слова или перед другим согласным, в древнеанглийском нередко встречаются эпентетические (вставные) *і*, *е*, *о*, *и*, развившиеся в этом положении большей частью в конце долитературной эпохи. При этом эпентетическое *і* или *е* появлялось обычно при палатальном ударном гласном, а *и* — в прочих случаях. В VIII в. эпентетические *і* и *и*, так же как безударные *і* и *и* другого происхождения, часто превращались в *е* и *о* (ср. §§ 115, 116).

Ср. (1) *да.* sezel < sezil < sezl < *seglan *парус* || *ди.* segl; — *да.* æcer < *ækr < *akraz *поле, пашня* || *г.* akrs, *ди.*

akr—при *да.* дат. ед. æcre;—*да.* *þīesterness* < **þīestrness* < **þeūstrinassī* *темнота* при *да.* *þīestre* *темный*;—*да.* *swefen* < *swefn* < **sweþnan* *сон* || *ду.* *suefn*;—(2) *да.* *fu-
zol* < *fuʒul* < **fugl* < **fūglaz* *птица* || *г.* *fugls*, *да.* *fugl*,
fogl—при *да.* дат. ед. *fuʒle*;—*да.* *wundor* < *wundur* <
**wundr* < **wūnðran* *чудо* || *да.* *undr*—при *да.* дат. ед.
wundre;—*да.* *māðum* < *māðm* < **maipmaz* *драгоцен-
ность* || *г.* *maipms*.

Примечание: Как видно из примеров, варианты без эпентетических гласных нередко сохранялись и в литературную эпоху. В известных случаях такие варианты были даже более обычными, чем варианты с эпентетическими гласными, а в сочетаниях *dl* и *tl* эпентетические гласные, повидимому, вовсе не развивались: в памятниках регулярно встречаются *nædl*, *nēdl* *изгла*, *botl* *строение* и т. п.

§ 125. Реже встречаются эпентетические гласные после *l*, *r*: ср. *да.* *wylif* < *wylf* (< **wūlfī*) *волчица*, *bu-
ruh*, *buruʒ* < *burh*, *burʒ* (§ 60) *город*, *укрепленный по-
селок*, *worohte*, *woruhte* < *worhte* *работал*, *вырабатывал*.

§ 126. В литературную эпоху в известных случаях появляются эпентетические гласные между согласными и последующим *w*: ср. *да.* *ʒearuwe* < *ʒearwe* *готовые*,
frætewa < *frætwa* *изделия*, *украшения* и т. п.

Гласные, исчезнувшие в древнеанглийском языке

а) Краткие *e* и *a* в исходе слова

§ 127. Краткие **e* и **a* в старом исходе слова отпали в древнейшую эпоху развития тех говоров, из которых сложился древнеанглийский язык,—еще до повышения **e* > *i* в безударных слогах (ср. § 117).

Ср. *да.* *wāt* < **waite* *знает*, **waita* *знаю*;—*wāst* < **waista* *знаешь* вместо **waissa* по аналогии таких форм как *да.* *meaht* < **mahta* *можешь*.

Отпадение **e* и **a* в старом исходе слова предшествует всем другим случаям исчезновения гласных в безударных слогах.

б) Краткие гласные в конечных слогах многосложных словоформ

§ 128. Старые краткие безударные гласные в конечных слогах многосложных словоформ (т. е. в конечном слоге после безударного слога) бесследно исчезли в древнейшую эпоху:

Ср. *да.* словоформы первоначально одного типа склонения: дат. ед. *hanan* < **ḥanani* *пелуху* — при *hnute* < **ḥnūti* *ореху*; вин. ед. *hanan* < **ḥanapūn* *пелуха* — при *hnutu* < **ḥnūtūn* *орех*; им. мн. *hanan* < **ḥanani(z)* < *-*nez* *пелухи* — при *hnute* < **ḥnūti(z)* < **ḥnūtez* *орехи*; ср. также *да.* дат. мн. *sunum* < **sūnūmi(z)* или *-*mī(z)* *сыновьям* — при *ṛæm* < **ṛāmi* < **ṛaimi(z)* *тем*, где палатальная перегласовка (*æ* < *ā*) указывает на сравнительно позднее отпадение *i* после ударного слога (ср. § 130).

Примечание 1: В результате этого раннего исчезновения безударных гласных в конечных слогах многие срединные безударные слоги, бывшие открытыми, превратились в конечные закрытые (ср. *да.* *hanan* < **ḥapa-ni* и т. п.), что имело большое значение для последующего развития гласных в этих слогах (ср. § 115).

Примечание 2: Краткие гласные в конечных слогах многосложных словоформ не исчезали (или восстанавливались по образцу однотипных двухсложных словоформ), если наряду с многосложными словоформами в том же самом формальном ряду встречалось значительное количество однотипных двухсложных словоформ. Так, например, в **ṛeūdānaz* *властелин* **a* в конечном слоге не исчезало (или было восстановлено после исчезновения) благодаря наличию большого количества таких двухсложных словоформ, как **stainaz* *камень*, **dagaz* *день* и т. п., того же падежа, числа и типа склонения (им. ед. основ на о м. р.). Исчезновение гласного в конечном слоге в **ṛeūdānaz* и других подобных словоформах относится уже к более поздней эпохе, когда безударные гласные стали исчезать в двухсложных словоформах типа **stainaz*, **dagaz* (*stān*, *dæg* и т. п.). Двухсложные словоформы типа **ḥnūti*, *-*ū(n)*, *-*i(z)* (< -*ez*) не могли содействовать сохранению гласных в конечных слогах таких словоформ, как **ḥanani*, *-*u(n)*, *-*i(z)* (< *-*ez*), так как

первые были сравнительно малочисленны, и, кроме того, однотипность склонения корневых основ, которым принадлежали двухсложные словоформы (**hūti* и т. д.), и п-основ, к которым относились трехсложные словоформы (**hapani* и т. д.), уже с древнейших времен не была полной.

в) Краткие гласные в прочих случаях
и сократившиеся долгие

Старое *а (или æ из *а)

§ 129. Значительно позже, чем краткое *а в старом исходе слова (§ 127), старое краткое *а (или æ, развившееся из этого *а, § 115) исчезло в древнеанглийском в конечных слогах, ставших открытыми в результате отпадения замыкавших их согласных (§ 62). В еще более позднее время (вероятно, в конце VI в.) древнеанглийское æ из *а исчезло также внутри слова в тех слогах, которые оставались открытыми до этой эпохи (ср. § 132).

Ср. (в конечных слогах) *да.* *dæʒ* < **ðaga(z)* *день* || *рун. дск.* *dagaR*; — *да.* *вин. ед.* *stān* < **staina(n)* *камень* || *рун. дск.* *staina*; — *да.* *hāten* < **haitana(z)* *названный, назначенный* (ср. *рун. дск.* *haitinaR*); — также *да.* *þeoden* < **þeūðana(z)* *властелин*; — (в срединных слогах) *да.* *sāwl* < **sāwlu* < **sāwælu* < **saiwalō* *душа* || *г.* *saiwala*; — *mānʒe* < **mānægæ* < **managai* *многие* || *г.* *managai*; — *да.* *dæʒlīc* < **dæʒælīc* < **ðagalīka(z)* < **-leikaz* *ежедневный* || *двн.* *tagalīh*.

Примечание: Закономерность выпадения æ (из *а) в открытом слоге внутри слова часто нарушалась влиянием тех форм, в которых æ сохранялось (позже в виде е, і), находясь в закрытом слоге. Так, например, при им. мн. *bundne* < **bundænæ* < (**būnðanai*) *связанные* им. ед. был *bunden* < *bundæn* (< **būnðanaz*), по образцу которого заново образовывался им. мн. *bundene* и т. п. Особенно часто æ (е, і из æ) восстанавливается таким образом после кратких слогов: ср. *māneʒe*, *māniʒe* *многие* вместо *mānʒe*.

(из старых кратких гласных и из долгих в исходе слова)

§ 130. Древнеанглийское краткое *i*, старое или из **e* (§ 115), и древнеанглийское краткое *u* из **ū* (§ 115) в конце долитературной эпохи (вероятно, в первой половине VII в.) исчезли после долгого ударного слога в тех безударных слогах, конечных или срединных, которые были открытыми в это время. Вместе с этими *i* и *u* из старых кратких гласных в конечном положении после долгого ударного слога отпали также *ī* и *ū*, происшедшие из старых долгих **ī* и *ū*, очень рано сократившихся в старом исходе слова (ср. § 118).

1. Исчезновение *i*: ср. (в конечных слогах) *ða. zīest, zest* < **gæsti* < **gastiz* *гость* || *рун. дск. gastīR*; — *ða. þæm* < **þāmi* < **þaimiz* *тем*; — *tēþ* < **tōþi* < **tanþi* *дат. ед. и *tanþez им. мн. к tōþ* < **tanþ* *зуб* — при *дат. ед. и им. мн. hnyte к hnutu орех* того же типа склонения (ср. § 190); — *ða. bend* < **bāndi* < **banðī* *перевязь, узы* || *г. bandi* (с *-i* из **-ī* в исходе слова); — (в срединных слогах) *ða. fylde* < **fullidæ* < **fūlliðōn*, **-ðeþ* *наполнял* || *г. fullida*; — *ða. dældon* < **dālidun* < **ðailiðūnþ* *делили* || *рун. дск. dālidun*.

2. Исчезновение *u*: ср. (в конечных слогах) *ða. flōd* < *flōdu* (на руническом ларце VII в.) < **flōðūz* *поток* || *г. flōdus*; — *ða. hānd* < **hanðūz* *рука* || *г. handus*; — *ða. ār* < **āru* < **airō* *весло* (ср. *финск. airo*, заимствованное из германского); — *ða. mīn* < **mīnu* < **mīnō* *ж. р. моя* || *рун. дск. mīnu*; — (в срединных слогах) *ða. hēaf-da* < **hæobudō* < **haūbūðōn* *голов род. мн. к hēafod, -ud голова*.

После краткого ударного слога *i* и *u* — в отличие от *æ* < **a*, — обычно сохраняются.

Примечание: В южных диалектах *i* (более позднее *e*) большей частью исчезает и в закрытом слоге перед *-s(-st)* и *-þ* в окончаниях 2-го и 3-го л. ед. ч. наст. вр., наиболее последовательно — после долгого ударного слога: ср. *уэсс. кентск. hilps(t), hilpp* < **hilpis(t)*, **-ip* *помогаешь, помогает*, — при *англск. hilpes, -eþ* < **-is, -ip* (< **hælpesi, *-eþi*).

§ 131. В сочетании долгого ударного слога с двумя последующими краткими безударными (е ъ ъ), содержащими *i* или *u*, обычно выпадал гласный среднего слога, непосредственно следовавшего за долгим ударным: ср. *да. mærdū* < *mæriþu (< *mēriþō) *слава, известность* || г. mēriþa; — *да. hēafdu* < *hæobudu (< *χaiþūðō) *им. вин. мн. к hēafod, -ud голова*. Особенно регулярно это наблюдается в сочетании с двухсложным безударным *-iu (из *-iō или *-ijō): ср. *да. rīcu* < *rīkiu (< *rīki(j)ō) *им. вн. мн. к rīce государство* (из *rīki(j)an).

В сочетании же краткого ударного слога с двумя последующими краткими безударными (ъ ъ ъ) большей частью отпадал последний гласный, если он находился в исходе слова, так как гласный (*i*, *u*) среднего слога в положении после краткого ударного сохранялся. Таким образом, сочетание «краткий ударный слог + краткий безударный слог» представляло собой как бы цельную единицу, равносильную долгому ударному слогу: ср. *да. им. вин. мн. reced* < *rækidu (< *ra-kīðō) *здания* так же, как *word* < *wordu (< *wūrdō) *слова*, — в отличие от *hēafdu* *головы*, *scīpu* *корабли*.

Примечание: За исключением случаев с безударным *-iu (*rīcu* < *rīkiu), закономерности исчезновения одного из гласных (*i*, *u*) в сочетаниях «ударный слог + два безударных, содержащих *i* или *u*», нередко нарушаются аналогическими образованиями: ср. *им. вин. мн. hēafodu, -udu* (по образцу ед. числа *hēafod, -ud*) наряду с *hēafdu*.

Краткие гласные из старых долгих внутри слова

§ 132. Старые долгие безударные гласные внутри слова сократились во многих случаях гораздо позже, чем те же гласные в старом исходе слова (ср. § 127). Поэтому древнеанглийские краткие безударные гласные, получившиеся из долгих, нередко сохраняются внутри слова в таких условиях, в которых старые краткие гласные обычно исчезали: ср. *да. hwearfæde* < *χwæ(o)r-þōdæ < *χwarþōðōn, *-ðēp *вращался, блуждал* || г. hwar-bōda, *двн. (h)warbōta*; — *мн. ч. да. hwearfodon* < *χwæ(o)r-

būdon < *χwarbōðūnþ || *двн.* 3. л. мн. (h)warbōtun; — но *да.* dæalde < *ðailiðōn, *—ðēp *делил*, мн. ч. dældon < *ðailiðūnþ || *рун.* *дск.* dālidun; — *да.* hēafdu < *χaũbuðō *головы*.

Выпадение сократившихся старых долгих гласных внутри слова наблюдается преимущественно по соседству с сонорными согласными. Так *i* из *ī (*ei) выпало в суффиксе -līc < -līc *подобный* (|| *г.* leīks) в тех словах, где этот суффикс полностью утратил свое значение: ср. *да.* swelc < *swælīk (< *swaleikaz) *такой* || *г.* swaleīks; — *да.* hwilc < *χwi-līk *какой* || *г.* hwileīks при *да.* frēondlīc *дружественный*, т. е. «*подобный или свойственный другу*» наряду с frēond-līc с сохранением второстепенного ударения на суффиксе и вместе с тем долготы ī, так как līc употреблялось и в качестве самостоятельного слова — *образ, форма, тело*; также в прилагательном ze-līc *подобный*. В открытых слогах *i* из *ī нередко отсутствует также в суффиксе -in < *-īn (позже -en): ср. *да.* им. мн. zylde < *gulþīn (< *gulþīnai) *золотые* наряду с zyldene — при им. ед. zylde || *г.* gulþeins, *двн.* guldīn. Старое *ō регулярно отсутствует в суффиксе сравнительной степени прилагательных, соответствующем *г.* -ōz- (*двн.* -ōr-): ср. *да.* swīðra < *swīrþōrō < *swenþōzō *сильнейший* || *г.* swinþōza.

Гласные предударных слогов

§ 133. В положении перед ударением безударные гласные могли встречаться в древнеанглийском только в проклитиках (предлогах, местоимениях и т. п.) и в приставках, которые по происхождению также были проклитиками. Нередко те же самые элементы, которые служили приставками или употреблялись проклитически, встречались в речи в качестве более или менее самостоятельных единиц — членов предложения — и имели при этом более или менее сильное ударение. Так, например, наряду с приставкой be- < bi- и предлогом-проклитикой be < bi существовало и наречие bī *возле, вокруг, мимо*, несшее на себе ударение. Кроме того, и приставки могли быть ударными: ср. *да.* bīword *поговорка, пословица*. Наконец, самое употребление тех или

других элементов как проклитик или безударных приставок в разных случаях имело совершенно различную древность. Конечно, и среди послеударных элементов были такие, которые лишь сравнительно поздно стали безударными (вторые части сложных слов, утратившие собственное значение, новые суффиксы, возникшие из самостоятельных слов), но в общем безударные слоги в послеударном положении представляли собой более однородную массу, чем слоги предударные. В связи со всеми этими обстоятельствами развитие гласных в предударных слогах представляется менее закономерным, чем их развитие в безударных слогах, следовавших за ударным. В общем, однако, и в предударных слогах наблюдаются явления, сходные с теми, которые характерны для истории безударных гласных в послеударном положении. Так, например, $i > e$, $u > o$ в начале литературной эпохи, как и в послеударных слогах: ср. *да. be < bi у, около, при* || *г. bi; = да. be- < bi-* в *bescipan достигать, behelan скрывать, прикрывать* и т. п. || *г. bi-*; — *да. oð < *uþ «прочь, от»* в *orðwan грести прочь, отплыть на веслах, orwindan избежать, увильнуть, «отправиться прочь»* — с сокращением гласного, как и в послеударных слогах, — из более старого $*uþ- < *unþ- < *ũþ-$ || *г. unþa* при ударном *да. uþ-* в *uþzenze ушедший, беглец* (с выпадением *n* перед фрикативным согласным, § 63).

§ 134. Наблюдается в предударных слогах и повышение старого $*e$ в i : ср. *да. mid < *meda с, вместе с* || *ди. med*; — *да. ic < *ek- я* || *ди. ek*. Если безударный (проклитический) звуковой вариант слова с i вытеснял старый вариант с $*e$, то i сохранялось и в дальнейшем (как в приведенных выше примерах). Если же вариант с i (из $*e$) продолжал употребляться преимущественно только без ударения, то i снова превращалось в e : ср. *да. ne < ni < *ne не* (проклитическое отрицание); например *ne can ic не умею я*.

§ 135. В отличие от безударных гласных в послеударном положении, долгие безударные гласные в п р и -

ставках сохраняли долготу, если приставка делалась открытым слогом вследствие отпадения ее конечного согласного: ср. *да.* ā- < *ō- < *ūz- «вы-, из-,» || *г.* us-, например, в *āfēpsan* *выдумать, подумать* — при ударном *og-* < *ūz- в *ógrāns* *вымысел, помысел* || *двн.* *úrdans* (в безударном положении гласный стал долгим в результате исчезновения *ĩ; в ударном же положении он сохранил свою первоначальную краткость, так как *ĩ не исчезло, но перешло в *г*).

§ 136. В некоторых случаях *i* или *e* (из *i*) выпало перед ударным гласным: ср. *būtan* < *be-ūtan* *вне, помимо, кроме*; *pāfre* *никогда* < **nī-ā-ḡuri* (< **ne* + **áiwa-* + **ḡuri*-) «не какое-либо время»; *pāh* < *ne āh*, **nī āh* (< **ne aīha*, *-e) *не имею, не имеет*.

То же произошло в тесных сочетаниях отрицания *ne* < *nī* (< **ne*) *не* с известными глагольными словоформами, утратившими начальное *h* или *w* (см. §§ 65 и 70).

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

Глава XV

§ 137. Ограничиваясь лишь самым общим обзором лексики английского языка древнего периода, можно разнообразные отдельные проблемы, возникающие при ее описании, свести к следующим основным проблемам:

1. Количественный состав древнеанглийской лексики.
2. Структура слов и словообразование в древнеанглийском языке.

3. Проблема словоупотребления (выделение в словарном составе древнеанглийского языка различных его сфер, как то: основного словарного фонда, слов, характеризующихся преимущественным употреблением в поэтических памятниках, «ученой» и профессиональной терминологии и т. д.).

4. Проблема происхождения словарного состава древнеанглийского языка. Эта проблема включает в себя два основных вопроса: а) отграничение исконных слов от заимствований и б) сравнительное сопоставление древнеанглийской исконной лексики и лексики других германских языков с целью выявления общих структурных черт и структурных различий, наблюдающихся в отдельных германских языках, в том числе в древнеанглийском.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 138. Необходимо иметь в виду, что лексический состав отдельных древнегерманских языков не известен нам в полном объеме. Даже те языки, фонетика и грамматика которых с достаточной полнотой извлекаются из

сохранившихся письменных памятников, в лексическом отношении могут быть изучены лишь в некоторой своей части, большей или меньшей, в зависимости от материала, заключенного в памятниках. Для выявления лексического состава языка необходим гораздо более обширный и разнообразный литературно-текстовой материал, чем для установления фонетической или даже грамматической системы.

Из всех древнегерманских литератур наиболее богатой является древнеисландская, и поэтому, естественно, наиболее хорошо мы знаем лексику древнеисландского языка. Можно полагать, что лексический состав этого языка, в основном, дошел до нас более или менее полностью; однако, к сожалению, главным образом в сравнительно поздних памятниках. Но уже древнеанглийская лексика, несомненно, известна нам далеко не во всем ее объеме. В частности развитие кораблестроения в период, к которому относится написание древнеанглийских письменных памятников, заставляет предположить, что словарный состав древнеанглийского языка включал в себя обширную профессиональную терминологию, охватывающую эту область. Однако об этой части словарного состава древнеанглийского языка нам почти ничего неизвестно. С той же степенью вероятности в словарном составе древнеанглийского языка можно предположить существование столь же обширной военной терминологии и поэтической терминологии, также, повидимому, в большей своей части навсегда утраченной.

Из всего сказанного следует, что в области словарного состава древнеанглийского языка невозможно провести сколько-нибудь исчерпывающего изучения с точки зрения его объема, а тем более с точки зрения его сопоставления со словарным составом других германских языков. Последнее оказывается абсолютно невозможным также и потому, что лексика других германских языков, за исключением древнеисландского, еще в меньшей мере сохранена письменностью. Это касается древнесаксонского и древневерхненемецкого и, особенно, готского. Тот контингент древнесаксонских и гот-

ских слов, который дошел до нас, явно представляет собой лишь некоторую, относительно небольшую часть всего лексического состава соответствующих языков. Если огромные пробелы в нашем знании древнесаксонской лексики косвенно (и не всегда надежно) могут быть хотя бы отчасти восполнены путем привлечения более позднего — средненижненемецкого — материала, то в отношении готской лексики мы не располагаем даже этой возможностью.

По сравнению с готским древнеанглийский язык находится в более выгодном положении, поскольку его слова, не сохранные письменностью, с большей или меньшей степенью вероятности могут быть реконструированы для древнеанглийского языка при помощи более поздних письменных памятников. Так, следующие среднеанглийские слова дают возможность предположить существование соответствующих древнеанглийских слов, не дошедших непосредственно до нас в письменных памятниках: *sa. cul* *взмах, удар*; *kille(n), kulle(n), kelle(n)* *попадать, ударять; убивать*; *dul, dil* *глупый, грубый*; *scateren, shatere(n)* *разбрасывать*; *slitte(n)* *рубить, расщеплять* и другие. Для древнеанглийского эти слова можно представить в виде **cul*, **cyllan* слб. 1, **dyll*, **scaterian* слб. 2, *slittan* слб. 1. Однако, как указывалось выше, подобное восполнение словарного состава древнеанглийского языка при помощи более поздних письменных памятников не всегда является надежным. В частности представляется лишь в большей или меньшей степени вероятным существование древнеанглийских слов, соответствующих следующим среднеанглийским: *sa. ayeu-bite* *угрызение совести*; *balled* *лысый, оголенный*; *besight* *обеспечение*; *bismotere(n)* *загрязнять, пачкать*; *blome* *цвет, цветение*; *budde(n)* *давать почки*; *clapse(n)* *застегивать, обхватывать*; *deye(n)* *умирать*; *draught(e)* *тяга, движение*; *forlond* *мыс, прибрежная полоса*; *frame* *преимущество, выгода*; *ho* (междометие); *lak(k)* *неудача, недостаток*; *lese(n)* *терять*; *melwe* *сочный, спелый*; *slombere(n)* *спать*; *todde* *куст, глыба* и многие другие. Немалое количество из перечисленных выше слов, возможно, представляют скандинавские заимство-

вания (deye(n), forlond, frame, lak(k), balled, blome); но даже если отвлечься от возможности заимствования, никогда не может быть уверенности в том, что реконструируемые таким образом слова действительно существовали в словарном составе древнеанглийского языка, а не являлись среднеанглийскими новообразованиями.

Нельзя также не оговорить и другую трудность, с которой неизбежно сталкивается языковед, поставивший перед собой задачу относительно точно установить объем древнеанглийской лексики. Как известно, лексическая единица, как и всякая другая языковая единица, может быть признана таковой, если она выступает не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. Между тем в дошедших до нас древнеанглийских (поэтических) текстах содержится немалое количество таких слов, которые оказываются не воспроизведенными, а созданными автором на данный случай из материала и по образцам, имеющимся в словарном составе языка. Подробно образования этого типа будут разобраны ниже (§ 149), сейчас же следует лишь обратить внимание на то, что указанные образования, представляющие собой речевые произведения, или *hæra* *legomena*, в словарный состав древнеанглийского языка включены быть не могут, а тем самым не могут служить показателем объема древнеанглийского словаря. Строго говоря, подобные слова, будучи не воспроизводимыми, а создаваемыми из отдельных единиц языка, являются новыми сочетаниями языковых единиц, произведениями, в которых используется язык, но которые сами, в своей целостности, не представляют единиц языка, подобно тому, как и свободные сочетания слов. Однако вместе с тем они выступают в дошедших до нас письменных памятниках на тех же правах, что и обычные, воспроизводимые, готовые единицы словарного состава. Если же учесть упоминавшуюся выше малочисленность древнеанглийских письменных памятников, вследствие чего сплошь и рядом не удастся установить, в какой степени воспроизводимым является то или иное образование, ста-

новится понятным, насколько трудно отграничить многочисленные *hara*х *legomena* от действительных единиц словарного состава древнеанглийского языка.

Из сказанного следует, что древнеанглийская лексика с точки зрения ее объема может быть охарактеризована лишь очень приблизительной общей цифрой. Можно думать, что словарный состав древнеанглийского языка составлял несколько десятков тысяч слов. Таким образом, по сравнению со словарным составом современного языка древнеанглийский словарный состав был приблизительно в десять раз меньше.

СТРУКТУРА СЛОВ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 139. Слова древнеанглийского языка с точки зрения их структуры могут быть подразделены — так же как и слова других германских языков — приблизительно следующим образом:

1. Слова простые: а) без словообразовательных аффиксов: *да.* *stān* (||г. *stains*, *ди.* *steinn*, *дс.* *stēn*, *двн.* *stein*) *камень*; *да.* *cunpan* *знать, уметь* (||г. *kunpan*, *ди.* *kunna*, *дс.* *двн.* *kunpan*), *hēah* *высокий* (||г. *hauhs*, *ди.* *hār*, *hōr*, *дс.* *двн.* *hōh*);— б) со словообразовательными аффиксами: *да.* *stānen* *каменный* (||г. *staineins*, *двн.* *steinīn*); *hēah* *высота* (||г. *hauhpa*, *ди.* *hæð*, *двн.* *hōhida*), *cūp* *известный, знакомый* (||г. *kunps*, *ди.* *kuðr*, *kunnr*, *дс.* *kūð*, *двн.* *kund*).

2. Слова сложные: а) без словообразовательных аффиксов: *да.* *middan-zeard* *земной мир, земля как целое*, *собств.* «*срединный двор, срединная усадьба*» (||г. *midjun-gards*, *ди.* *mið-garðr*, *двн.* *mittin-gart*);— б) со словообразовательными аффиксами: *да.* *ierfe-numa* *наследник*, *собств.* «*наследство берущий*» (||г. *arbi-numja*, *двн.* *erbi-poto*); *æl-mi(e)htiz* *всемогущий* (||двн. *ala-mahtig*).

§ 140. Нужно, однако, иметь в виду, что многие слова относящиеся в литературную эпоху развития древнеанглийского языка к числу простых, не имеющих словообразовательных аффиксов (1, а) некогда могли расчле-

няться. Так, например, в *да.* *stān* < **stainaz* элемент *-па- когда-то, повидимому, представлял собой словообразовательный суффикс, широко распространенный в индоевропейских языках в виде *-по-: ср. *да.* *swefn* < **sweġnan* сон, сновидение; *ди.* *svefn* < **sweġnaz* — при *ди.* *sofa* < **sūġanan* спать. Но тогда как -п < *-па- в *ди.* *svefn* еще выделялось как особый морфологический элемент (хоть уже не продуктивный) благодаря противопоставлению *ди.* *svef-n* — *ди.* *sofa*, прош. вр. *svaf*, этимологически то же самое -п- в *да.* *stān* уже срослось с корнем в одно нечленимое целое, так как это последнее слово в древнеанглийском (так же как и в других древнегерманских языках) не противопоставлялось никаким другим словам с тем же корнем, которые не имели бы -п- после корневого гласного: ср. *да.* *stānen* каменный, *stāniz* каменистый, *stānan* побивать камнями.

Также и древнеанглийское окончание инфинитива -п (*сēon* видеть, *tēon* тянуть) или -ап (*bindan* связывать, *helpan* помогать) представляет собой или содержит в себе старый германский суффикс *-па-. Этот суффикс использовался для образования существительных среднего рода, обозначавших действие, но поскольку такие существительные превратились в германских языках в инфинитивы, т. е. полностью вошли в систему глагола, постольку этот суффикс в данном случае утратил характер словообразовательного суффикса: он стал лишь окончанием одной из глагольных форм, и глагол как лексическая единица стал выделяться этим окончанием так же, как и другими окончаниями (личными). Так, например, *да.* *сугган* поворачивать, возвращаться противопоставляется существительному *суг(г)* поворот, случай не как особое слово с суффиксом -ап (= -а- + -п), но лишь как одна из форм единого слова-глагола *сугган*, *суггаѿ* (мн. наст. изъявит.), *сугде* (3 л. ед. прош.) и т. д., характерным признаком которого является вся система окончаний (-ап, -аѿ, -де и т. д.), противопоставляемых как целое иной системе окончаний слова-существительного *суг(г)* (им. и вин. ед. *сугг* с нулевым окончанием, дат. *сугг-е* и т. д., по склонению *i*-осн. м. р.). Таким образом, в древнеанглийском языке существительное

сугг (со всеми его формами) и глагол сугган (также со всеми его формами) относятся к числу простых слов без словообразовательных аффиксов (суффиксов), хотя некогда инфинитив и был существительным, образованным посредством суффикса *-па- (ие. *-по-), а в еще более раннюю эпоху и основообразующие гласные — тематический гласный в некоторых глагольных формах и гласный (дифтонг), образующий i-основы, — вероятно были словообразовательными элементами такого же типа, как явные суффиксы.

§ 141. Некоторые самостоятельные слова в древнеанглийском языке (как и в других древнегерманских языках) превратились или еще только превращались в словообразовательные суффиксы. Так, например, существительное *да. līc* (||г. *leik*, *ди. līk*, *дс. līk*, *двн. līh*) *тело*, — первоначально в более широком значении *тело, форма, облик, подобие* — генетически тождественно древнеанглийскому суффиксу *līc*, *-līc*, (||г. *-leiks*, *ди. -līgr* вместо *-līkr*, по аналогии с прилагательными на *-igr*, *дс. -līk*, *двн. -līh*), образующий прилагательные: *ср. да. lēof-līc* *любезный, достойный любви*, — первоначально собств. «*имеющий любезный, милый облик*». Прилагательные этого типа некогда образовывались как сложные слова „притяжательные“ (*composita possessiva*, в индийской терминологии *bahuvrīhi*): „притяжательное“ сложное слово характеризует предмет как имеющий то, что обозначено второй частью сложения, по отношению к которой его первая часть играет роль определения (ср. с приведенным выше примером *русс. седобородый* «*имеющий седую бороду*»). Уже в таких словах как *да. dæzlīc* *ежедневный* связь суффикса со старым значением существительного (*да. līc*) окончательно порвана. Нередкое сокращение гласного в *да. -līc* свидетельствует о том же. Еще ярче превращение основы *līk-* (< **līka-* < **leika-*) в суффикс внешне выражено в древнеисландском языке заменой *-līkr* через *-ligr* (ср. *ди. liufliqr* *любезный, достойный любви*, *dagliqr* *ежедневный* и т. п.), а в древнеанглийском редукцией *-līc* > *-līc* в отдельных словах, где значение этого элемента особенно потускнело:

ср. *да.* hwilc, hwelc *какой*; swilc, swelc *такой*; ælc < *ā-gi-līk- *всякий*.

Другим примером образования суффиксов из самостоятельного слова в результате словосложения может служить возникновение суффикса *да.* -scipe (<sciere*) (||*ди.* skarp, *дс.* -skerī, *двн.* -scaf), который в древнеанглийском языке встречается в существительных с абстрактным значением: ср. *да.* frēond-scipe (*да.* frēond *друг*), folc-scipe *народность* (*да.* folc *народ*) и др. Этот суффикс восходит к существительному, которое еще известно в древнеанглийском в виде scipe (<*skerī < *skapiz) м. р. *положение, состояние*; ср. близкое к нему *ди.* skarp с. р. *настроение, состояние духа*; оба этимологически связаны с глаголом *да.* scierpan, *ди.* skerian *создавать* (||*г.* skarpian, *дс.* skerpan, *двн.* scerfen).

Менее завершенным процесс образования суффиксов мы находим в случае существительного *да.* dōm, (*ди.* dōm, *дс.* dōm, *двн.* tuom) *положение, постановление, суждение, суд* (||*г.* dōms), которое сохраняется как самостоятельное слово, но вместе с тем имеет тенденцию превратиться в суффикс. Однако с формальной стороны такие слова (*да.* супе-dōm *королевство* — супе *род, племя*; *да.* wīs-dōm *мудрость, знание* — wīs *мудрый*) не отличаются от сложных слов: вторая часть каждого из приведенных слов несет на себе второстепенное ударение, свойственное вторым компонентам в словосложении, и не имеет никаких явных признаков редукции. Но семантика этих слов не позволяет рассматривать их как слова сложные: повидимому, они находятся в стадии превращения сложного слова в простое со словообразовательным аффиксом (суффиксом).

Подобный же промежуточный тип представляют собой существительные с *да.* -hād (||*дс.* hēd, *двн.* heit, *г.* haidus, *ди.* heidr) *состояние, положение, образ* в качестве второй части словосложения; ср. *да.* munuc-hād *монашество, «монашеское состояние»*; tæzden-hād *девственность, девство, «девственное состояние»*. Приведенные древнеанглийские слова с -hād еще явно носят характер сложных.

Подобных случаев перехода словосложения в словообразование посредством суффиксов — вследствие превращения второй части сложного слова в суффикс — в древнеанглийском языке имеется большое количество. Поэтому отнесение слова к числу простых со словообразовательными аффиксами (1, б) или к числу сложных (2) нередко является лишь условным и может зависеть от того, какая сторона явления и какой этап развития преимущественно имеются в виду в том или ином случае.

§ 142. Как было отмечено выше, многие сложные слова превращались в древнеанглийском языке в простые (со словообразовательными аффиксами) в результате того, что их вторые компоненты теряли полноту своего значения и низводились на положение суффиксов. Наряду с этим происходило и превращение некоторых сложных слов в простые, не имеющие аффиксов словообразовательного характера, так как в отдельных случаях изменения в значении и употреблении сложного слова могли приводить к тому, что его части сливались в одно нечленимое целое. При этом обычно исчезали и внешние признаки словосложения: наличие слабого ударения на второй части, особенности развития звуков на стыке частей сложного слова и т. п. Ср. *да.* *worold*, *weorold*, *weoruld* *мир, вселенная, человеческий род* (||*ди.* *verold*, *двн.* *weralt*, *worolt*) = *да.* *wer* *мужчина, муж* (||*ди.* *ver-r*, *дс.* *двн.* *wer*, *г.* *waír*) + *да.* **aldi-* (ср. *им.* *мн.* *да.* *ielde*, *дс.* *eldi* *люди, человеческие поколения*, ср. *ди.* *ǫld*, *г.* *alds*); — *да.* *hlāford* *господин* = *да.* *hlāf* *хлеб* (||*г.* *hlaifs*, *ди.* *hleifr*, *двн.* *leib*) + *weard* < **warð-* *сторож, хранитель* (||*г.* *wards*; *ди.* *vorðr* < **warðūz*; *двн.* *wart*); — *да.* *poætich. zāmel* *старый* (||*ди.* *gamall*) = *ga-* *приставка вместе, со-, совсем* (||*ди.* *ga-*, *г.* *ga-*) + *mæl* *отметка, определенное время* (||*ди.* *māl*, *г.* *mēl*, *двн.* *māl*).

Примечание. Среди сложных слов следует различать: 1) такие слова, которые образованы простым сложением основ без соединительного элемента (ср. *да.* *bōc-hūs* *библиотека*, *собств.* «*книжный дом*»; *heaðo-lind* *щит*, *собств.* «*боевая липа*»; *sūð-stær* *южный берег*; *wīd-sæ* *открытое*, *собств.* «*широкое*» *море* и многие др., ср. также *г.* *mati-balgs* *пищевой мешок*, где *mati-* основа

слова *mats* < **matī-z*); 2) такие слова, в которых сложение основ происходит при помощи специального соединительного элемента причем этот соединительный элемент обычно генетически тождествен падежной флексии (ср. *да.* *Sunn-an-dæȝ* *воскресенье*, собств. «*Солнца день*», где *-an-* восходит к флексии родительного падежа слова *sunn* *солнце*: разбираемое слово представляет собой кальку с *лат.* *Sōlis dies*, где первое слово словосочетания — *Sōlis* — стоит в форме родительного падежа). В целом сложные слова второй группы представляют собой более поздний тип. Они возникали из синтаксических сочетаний уже вполне оформленных слов — в результате слияния таких сочетаний в одно целое. Однако следует всячески подчеркнуть, что относительно более позднее возникновение второго типа сложения необходимо четко отграничивать от относительной хронологии возникновения конкретных слов, составляющих указанные типы: так, например, то или иное слово первого типа может быть сравнительно поздним образованием, возникшим по уже существующей в языке модели.

§ 143. Слова с приставками занимают в германских языках, а в частности и в древнеанглийском, особое положение. С внешней стороны такие слова большей частью сходны со словами сложными. Так, в фонетическом отношении граница между приставкой и последующей частью слова играет ту же роль, что и граница между частями сложного слова или между двумя отдельными словами: конечный звук приставки часто имеет такую же судьбу, как тот же самый звук в исходе слова, а первый звук последующей части слова развивается так, как если бы он находился в начальном положении: ср. *да.* *ā-weoȝpan* *выбросить, отбросить*; *ā-rīsan* *встать, подняться* — с отпадением конечного **ī* в приставке (|| *г.* *us-waīȝpan*, *ur-reisan* — с *ur-* < **ūz-*; вероятно и в *г.* *us-waīȝpan* *выбросить*; *us-fullȝan* *выполнять* и т. п. *s* в приставке восходит к более раннему *z*, которое подверглось оглушению, характерному для исхода слова); — ср. также *да.* *ā-secȝan* *произносить, объявлять*; *be-fealdan* *заворачивать, складывать*; *ȝe-ſipȝe* *совет, согласие* — с сохранением глухости начального звука корневой части; — ср. *да.* *be-helan* *покрывать, прятать*; *be-hindan* *позади, после*, где звук *h*,

находясь между двумя гласными, не выпадает, т. е. ведет себя так, как если бы он находился в начальном положении. Отступления от подобного развития звуков на стыке приставки и следующей за ней части слова очень редки (если не считать тех случаев, где приставка вообще перестала выделяться как особая морфема).

Однако с точки зрения их функции в речи и значения приставки в древнеанглийском языке нередко являются лишь аффиксами (см. примеры, приведенные выше). Некоторые же приставки в известных случаях настолько утрачивают свое вещественное значение, что в сущности перестают быть даже словообразовательными аффиксами и превращаются лишь в показатели грамматической формы: ср. *да.* *ā-* и особенно *ze-* в роли показателей совершенного вида глаголов: *да.* *writan* *писать* — *ā-writan* *написать*; *siȝlan* *плыть* — *ze-siȝlan* *проплыть*.

Но наряду с этими приставками, приставки, совпадающие с предлогами-наречиями, могут и по своему значению и функции, а не только формально, представлять собой составные части сложных слов: ср. *да.* *fore-zenza* *предшественник, предок*, собств. «*впереди-идущий*» (ср. аналогичное *г.* *fauga-gaggja* *начальник, предводитель*); *æfter-zenza* *преемник*, «*после-идущий*», *ur-heofon* *небо наверху*, собств. «*верхнее небо*» (ср. *ди.* *ur-himinn*, *дс.* *ur-himil*, *двн.* *uf-himil*); *tō-cume* *приход*, *tō-cuman* *приходить*; *fore-seszan* *сказать ранее, предварительно*, «*вперед сказать*».

Таким образом, если с этимологической точки зрения, а большей частью и по внешнему виду, слова с приставками относятся в древнеанглийском к числу сложных, то с точки зрения их семантической структуры они распределяются, в основном, между сложными словами и простыми со словообразующими аффиксами, а в отдельных случаях представляют собой скорее даже не особые лексические единицы, но лишь известные грамматические формы слов (формы совершенного вида глаголов).

§ 144. Что касается способов образования новых слов в древнеанглийском, то, как это уже было доста-

точно показано выше, в рассматриваемый период и словосложение и словопроизводство (аффиксальное) были основными и очень развитыми способами пополнения словарного состава английского языка. Наоборот, заимствования играли в английском языке небольшую роль (подробнее см. ниже, §§ 152—156), причем иногда язык прибегал даже не к прямым заимствованиям, а к калькированию, т. е. образованию новых слов по образцу иноязычных слов, но из материала древнеанглийского языка (подробнее см. ниже, §§ 150 и 153).

§ 145. Иную роль в системе древнеанглийского языка играла конверсия,* т. е. такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова: ср. *да. lufu любовь — lufian любить; брос обломок, несчастье — brocian раздавливать, причинять вред/боль; сари забота — сариан заботиться; сунд природа, род, происхождение — сунде естественный, рожденный, добрый; сурс проклятие, ругательство — cursian проклинять, ругаться; фари путешествие, путь, отряд — faran ехать, путешествовать*. Нужно при этом иметь в виду, что парадигма играла роль в древнеанглийском словообразовании не только в случае конверсии. Так, например, прилагательное *дæз-лѣс ежедневный* образовано от существительного *дæз день* не только посредством суффикса *-лѣс*, но и посредством адъективной парадигмы (нулевое окончание — им. м. ед. сильного склонения, *-пе* вн. м. слн., *-иш* — дт. м слн. и т. д.), отличной от парадигмы существительного *дæз* (им. и вн. ед. — нулевое окончание, дт. — *-е* и т. д.). Но здесь словообразовательная роль парадигмы менее заметна, чем при конверсии, так как имеется специально словообразовательный элемент — суффикс *-лѣс*. Таким образом, специфическим для конверсии является не вообще использование парадигмы как средства сло-

* Термин «конверсия» не представляется вполне удачным. Однако поскольку этот термин довольно прочно закрепился в лингвистической литературе, он используется также и в этой книге.

вообразования, а использование ее именно как единственного средства, без каких-либо иных, специально словообразовательных средств. Далее необходимо иметь в виду, что речь идет о древнеанглийском языке, т.е. о том, какие исторически сложившиеся соотношения между приведенными выше словами имелись в нем в период древнеанглийских письменных памятников, а не о том, что было раньше, из чего и как развились существовавшие соотношения. Конечно, рассмотрение этих соотношений с генетической точки зрения необходимо для подлинно глубокого понимания языка как исторически развивающегося общественного явления, как продукта целого ряда эпох. Но подменять определение существующего соотношения определением того, из чего оно получилось, означало бы смешение предыдущего периода с последующим, допущение анахронизма, следовательно, было бы антиисторическим подходом. Генетически *lufian* — глагол является производным от существительного *lufu*, так как древняя основа этого существительного (индоевропейское **lubh-ā-*) в некоторых формах глагола осложнялась суффиксом *-*jō-* (т.е. выступала уже в виде части более сложной, производной основы). Однако уже древнеанглийское *lufu* (в косвенных падежах *lufe*) из **luḟō*, из **lubhā* членилось на корень *luf-* и окончание *-u* (в косвенных падежах — *-e*), а древнеанглийский глагол *lufian* (в личных формах *lufie*, *lufas(t)*..., *lufade*...) на тот же корень *luf-* и различные грамматические (не словообразующие) морфемы: *-i-an*, *-i-e*, *-a-s(t)*, *-a-d-e* и пр. Иначе говоря, уже в древнеанглийском языке как существительное *lufu*, так и глагол *lufian* имели одну и ту же основу и различались только своими парадигмами, т.е. соотносились между собой по конверсии.

Семантические отношения между словами, соотносившимися по конверсии, могли быть самыми разнообразными: ср. *да. lufu* *любовь* — *lufian* *любить*, соотносящиеся как «явление» и «процесс его протекания», ср. также *да. heafre* *арфа* — *heafrian* *играть на арфе*, семантически находящиеся в отношении «предмета» и «процесса его применения по назначению». Эти семантические

различия, понятно, не разрушали единства конверсии как определенного вида словообразования, характеризующего тем, как оно осуществляется.

Из сказанного следует, что конверсия в древнеанглийском в принципе не отличалась от конверсии в современном английском языке. Так, между существительными *doctor доктор* или *paper бумага* и глаголами *doctor лечить* или *paper завертывать в бумагу, оклеивать обоями* по существу такое же различие по форме, как и между древнеанглийскими существительными *ende конец* или *lufu любовь* и глаголами *endian кончать(ся)* или *lufian любить*, соответственно. Поэтому никак нельзя последние пары противопоставлять первым как «разные» по форме «одинаковым» по форме: (грамматическая) форма совсем не то же, что звуковая оболочка.

Обращая, однако, внимание на единство системы конверсии по существу как в новоанглийском, так и в древнеанглийском, не следует упускать из виду и своеобразных особенностей конверсии в различных случаях.

Хотя древнеанглийские *lufu — lufian*, *hearpe — hearpian* и т. п. представляли собой случаи конверсии и в этом смысле были подобны развившимся из них парам *love — love*, *harp — harp*, а также и новообразованным *pencil — pencil*, *paper — paper* и пр., но они все же имели и общие отличия от случаев конверсии в новоанглийском языке. Самыми важными отличиями нужно признать следующие:

1) Для древнеанглийской конверсии было характерно отсутствие омонимии, тогда как для конверсии в новоанглийском как раз типично наличие омонимических форм, принадлежащих разным словам с общей основой (a *doctor — they doctor*; the *doctor's hat — he doctors*). Это различие, связанное с общим уменьшением числа, а главное — разнообразия грамматических суффиксов (окончаний) в новоанглийском, разумеется, придает конверсии иной, более специфический и ярко выраженный характер в новом языке, сравнительно с древним: отсутствие специальных слово-

образовательных средств как бы уже не маскируется сравнительно сложной системой грамматических суффиксов. Но, понятно, самый общий принцип словообразования — один и тот же и в современном *love* — *love* или *pencil* — *pencil* и в древнеанглийском *lufu* — *lufian* или *heargre* — *heargrian*. И это-то и важно подчеркнуть, выделяя конверсию в качестве особого вида словообразования (словопроизводства).

2) В древнеанглийском языке, очевидно, конверсия не была столь продуктивным способом словообразования, как в новоанглийском языке, что также должно быть отмечено: место этого вида словообразования в общей системе различно в различные эпохи, большей ограниченности и устойчивости противостоит бóльшая широта и подвижность, текучесть. Но и это различие не должно скрывать принципиальной однотипности самого способа образования, выделяемого термином «конверсия».

Помимо этих общих отличий между древнеанглийской и современной английской конверсией как способа словообразования могут также, естественно, наблюдаться различия (иногда очень существенные) между конкретными случаями проявления конверсии в древнеанглийском и новоанглийском. Так, например, в ходе истории английского языка некоторые пары слов, соотносившиеся в древнеанглийском по конверсии, могли в результате последующих изменений вставать в иные словообразовательные отношения. Сказанное можно проиллюстрировать на следующем (далеко не единичном) примере. Древнеанглийское существительное *sānꝥ* *песня* и древнеанглийский глагол *sinꝥan* — *sānꝥ* — *sunꝥon* — *sunꝥen* *петь*, без всякого сомнения, соотносились друг с другом по конверсии т. к. здесь при наличии общего гласного корня варьирование основы вследствие чередования звуков является характерным свойством одной парадигмы, а отсутствие такого варьирования принадлежит к числу характерных свойств другой парадигмы. В современном английском языке соответствующие слова *song* и *sing* — *sang* — *sung* в результате фонетических изменений в основе выпали из случаев конверсии: *song*

отличается от *sing — sang — sung* не только парадигмой, но и своим особым гласным, не встречающимся в глаголе, а соответствующие гласные глагола не встречаются в существительном, так что чередование гласных внутри глагола оказывается отделенным от чередования гласных между глаголом и существительным, хотя, конечно, в последнем чередовании участвуют те же гласные, какие чередуются между собой в парадигме глагола. Поэтому, если бы даже чередование гласных в глаголе исчезло и во всех глагольных формах стал бы употребляться лишь один из прежних гласных (безразлично какой), то все же чередование гласных между глаголом и существительным сохранилось бы. Другой пример: древнеанглийское существительное *gād* *верховая езда, путешествие, дорога* (лишь в сложных словах) и древнеанглийский глагол *gīdan — gād — gīdon — gīden* *ехать верхом* также по вышеизложенным причинам следует, безусловно, считать парой, соотносящейся по конверсии. Однако существительное *goad* в современном английском языке уже не связывается конверсией с глаголом *ride — rode — ridden*, но не потому, что этому препятствует его звуковая оболочка, а потому, что оно вообще слишком отделилось от глагола *ride* по своему значению — *дорога, путешествие, рейд*. Таким образом, изменения значения, равно как и изменение звуковой оболочки, происходящее в процессе исторического развития языка, могут разрывать ранее образовавшиеся связи по конверсии.

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ

§ 146. Лексический состав древнеанглийского языка неоднороден в отношении стилистической значимости слов и их употребления в речи. Прослеживая употребление слов в дошедших до нас древнеанглийских письменных памятниках, можно видеть, что наряду с обычными, повседневными словами — словами, главным образом, основного словарного фонда — имелись, с одной стороны, слова «торжественного» стиля и специально поэтические и, с другой стороны, — слова «ученые», не

имевшие широкого распространения. Так, *да. mǎn(n)* (|| *ди. maðr, дс. дзн. man, ср. г. manna*) *человек, мужчина* (во множественном числе — *люди*) и близкое по значению *да. leode* (|| *дс. liudi, дзн. liuti*) *люди* встречаются в различных, как прозаических, так и поэтических текстах; но *да. fīras* (мн. ч.) *люди, мужи* (|| *ди. fīraſ, дс. fīrihōs, дзн. fīrah(i)e*) характерно для лексики только поэтических произведений; с другой стороны, такие слова, как *да. declīnunȝ* *склонение (грамматическое)*, могут служить примерами слов «ученого» характера. Кроме того, в древнеанглийском, возможно, существовала обширная терминология, относящаяся к области различных ремесел, как-то: кораблестроению, выделке боевых доспехов и пр., но, к сожалению, об этой области словарного состава древнеанглийского языка нам почти ничего не известно (ср. также § 138).

Таким образом, с точки зрения употребления в древнеанглийской лексике возможно выделить три основных сферы, или области:

1) Слова обычные, нейтральные по своей стилистической характеристике.

2) Слова торжественного стиля и специально поэтические слова.

3) Слова «ученые», не употребительные в повседневной речи.

§ 147. 1) Примером первой группы могут служить следующие древнеанглийские слова: *dæȝ* *день*, *hūs* *дом*, *tūn* *огороженное место, усадьба*, *stān* *камень*, *spræc* *речь*, *mǎn(n)* *человек, мужчина*, *soȝ* *печаль, забота*, *rād* *верховая езда, путешествие*, *lānð* *земля, страна*, *lār* *учение, вера*, *mōnað* *месяц*, *sunne* *солнце*, *scort*, *sceort* *короткий*, *lānȝ* *длинный*, *yfel* *плохой, злой*, *ȝōd* *хороший*, *heard* *тяжелый*, *eald* *старый*, *hē* *он*, *mīn* *мой*, *ān* *один*, *ȝān* *идти*, *dōn* *делать*, *sēon* *видеть*, *writan* *писать*, *sinȝan* *петь*, *helpan* *помогать*, *sittan* *сидеть*, *stāndan* *стоять*, *sōna* *скоро*, *hēr* *здесь*, *æt* *у, при*, *tō* *к* и многие другие. Огромное большинство перечисленных слов и не менее высокий процент других слов нейтрального стиля, засвидетельствованных

в древнеанглийских письменных памятниках, без всякого сомнения, принадлежали к основному словарному фонду древнеанглийского языка и, таким образом, входили в ядро его словарного состава. Эти слова на протяжении многовековой истории обнаружили необычайную устойчивость: с одной стороны, перечисленные выше слова, за небольшим исключением, содержатся в словарном составе других древнегерманских языков, что говорит о факте их существования еще в языке-основе (подробнее об этом см. ниже, §§ 157—163), с другой стороны, они сохранились и в современном английском языке: ср. *совр. англ.* day, house, town, stone, speech, man, sorrow, road, land, lore, month, short, sun, long, evil, good, hard, old, he, my (mine), one, go, do, see, write, sing, help, sit, stand, soon, here, at, to. Для слов торжественного стиля, поэтических слов и «ученых» подобная устойчивость характерна не была. Это особенно наглядно видно при сопоставлении дальнейшей судьбы обычных слов с судьбой их поэтических синонимов: ср., с одной стороны, *mān(n)* *мужчина, человек* — обычное слово, сохранившееся в современном языке, и, с другой стороны, — *wer* *мужчина, муж*, *beorn* *человек, муж, воин, герой*, *secc* *воин, муж*, *lēode* (мн. ч. собирают.) *люди* — поэтические слова, — равно вышедшие из употребления в ходе дальнейшей истории английского языка (слово *зита* *мужчина, муж*, также характерное для древнеанглийских поэтических произведений, сохранилось лишь как второй компонент сложного слова *bride-groom*).

§ 148. 2) Слова торжественно-поэтические представляют собой в большом числе случаев архаизмы, вышедшие из употребления в повседневной речи (*ди.* *fornōfn*, т. е. «древние имена»). Преимущественно это существительные. Сюда относится *да.* *fīras* *люди, мужи*; *зита* *мужчина, муж-воин*; далее *eoh* *конь*; *mere* в значении *море* (в прозе — в значении *озеро, пруд*), (*англск.*) *mēse* *меч*, *hild* *бой, борьба* и много других подобных слов. Ср. также такие глаголы, как *да.* *brēotan* *ломать, разрушать*; *mædelian*, *mædlan* *молвить*.

Многие слова в поэтической речи употребляются в переносном смысле: ср. *да.* æsc *ясень* (также *корабль особого типа*), в поэзии — *копьё*; — нередко субстантивизированные прилагательные (большей частью в слабой форме) вместо или в значении существительных: ср. *да.* blānca *белый* и blānca *копьё (белый)*.

В очень большой степени своеобразие и богатство древнеанглийской поэтической лексики создаются сложными словами: ср. *да.* sige-rēod *победоносный народ, победоносная дружина*; *да.* meodu-ærn «*медовый дом*», т. е. *пиршественная палата*; — *да.* sǣ-līðend(e) *мореход*», *мореплаватель*; — *да.* heoru-drēorig *«окровавленным мечом»*. К подобным сложным словам примыкают и фразеологические единицы: ср. *да.* zāstes hūs *тело, собств. «духа (души) дом»*.

§ 149. Особое место среди сложных слов и равносильных им фразеологических единиц занимают так называемые кеннинги (*ди.* kenningar, ед. ч. kenning ж. р. *обозначение, указание*), т. е. описательно-метафорические обозначения предметов, подобные приведенным выше *да.* meodu-ærn, zāstes hūs. Ср. также *да.* sǣ-mearh *корабль, собств. «мореконь»*, beadu-leoma «*битволуч*» — *меч*; zīeo-bēam «*весельедрево*» — *арфа*. Кеннинги особенно характерны для поэзии скальдов, которые состязались друг с другом и изощрялись в изобретении все новых и новых обозначений для моря, корабля, битвы, воина, коня, меча, золота и других предметов действительности, преимущественно привлекавших их внимание и наиболее часто упоминаемых в их стихотворениях. Постепенно кеннинги в скальдической поэзии нередко приобретали в высшей степени вычурный и замысловатый характер и во многих случаях их первоначальная живая образность и непосредственность совершенно утрачивалась: ср. *ди.* hleupr-meidr hlunn-viggia «*заставляющее-бежать-древо на катках-коней*» = *повелитель кораблей* = *король, князь, конунг*, («*копьё на катках*» = *корабль*, повидимому, потому, что корабли передвигались на суше с помощью катков, подкладываемых под них).

Очень многие сложные слова и фразеологические единицы, как кеннинги, так и неметафорические выражения, встречаются лишь по одному разу, т. е. представляют собой так называемые *hарах legотепа* (греческий термин; ед. ч. *hарах legотепон* «однажды сказанное»). Таким образом, далеко не все те многочисленные сложные образования, которые нам известны из древних поэтических памятников, входили в традиционный, постоянный лексический состав языка. Бóльшая часть таких образований создавалась отдельными авторами лишь на данный случай и характеризует тот или другой язык скорее не в отношении объема его лексики, но в отношении гибкости его лексической системы и возможностей ее свободного роста (см. §§ 148, 149).

Наличие нескольких специально поэтических простых наименований (*heiti* в древнеисландской поэтической терминологии — к глаголу *heita* *называть, называться* — да. *hātan*) и несколько традиционных сложных обозначений для одних и тех же предметов наряду с обычными словами, которые свободно употреблялись в поэзии в расширенном и переносном значении, вместе с почти неисчерпаемой возможностью создавать новые кеннинги и другие сложные выражения по образцу уже существующих, — все это находило отражение в той чрезвычайно богатой синонимике, которая характерна для древнеанглийской поэзии. Так, например, муж-воин обозначается в древнеанглийском следующим образом: *mān(n)*, *зита*, *сесз*, *гис*, *hæleþ*, *þезп* (*дружинник*), *wer*, *сепра*, *тесз*, *freca* (|| *ди. freki* *волк*, собств. «хищный»), *beorn* (|| *ди. biorn* *медведь*), *wīза*; лишь во множественном числе *fīras*, *lēode*, *nīþras* (|| *ди. niðiar* *родичи*); сложные слова *hilde-ginc* («*боевоин*»), *heaðo-ginc* то же, *zār-wīза* («*копьевоин*», т. е. *копьеносный воин*), *helm-bereþ* («*шлемоносите́ль*») — наряду со многими другими сложными словами, однако, в большинстве своем не такими вычурными, как в древнеисландском. Конечно, все эти выражения различались оттенками значения, но все они могли без нарушения смысла заменять одно другое.

§ 150. 3) Слова, которые могут быть названы «учеными», образуют очень неоднородную группу слов, неупотребительных в обычной повседневной речи и в то же самое время не имеющих поэтического характера.

Большое число этих слов относится к сфере тех понятий и представлений, которые распространялись вслед за введением христианства вместе с элементами греко-латинской культуры. Так как языком церкви и средневековой образованности в западной Европе была латынь, то естественно, что в словах, в которых эти понятия и представления получили свое выражение в древнеанглийском языке, большей частью проявляется то или иное влияние латинского языка, а через него — и греческого.

Нередко «ученые» слова являются прямыми заимствованиями из латинского, включая сюда и греческий элемент в латинском. Ср. *да. fers* из *лат. ver-sus стих*; — *да. circul* из *лат. circulus круг*; — *да. mæzister, mæz(e)ster* из *лат. magister наставник, начальник*; — *да. declīnian* из *лат. dēclīnāre склонять*; — *да. (e)pistol* из *лат. epistola письмо, послание* (из *греч. epistolē*); ср. *ди. pistill* — не непосредственно из латыни, но через *да. (e)pistol*; вообще ряд латинских (греческих) слов проникли в древнеисландский через древнеанглийский.

Наряду с заимствованиями (из латинского и греческого) среди слов «ученого» характера имеются многочисленные кальки (с тех же языков), т. е. слова, заново образованные из материала собственного языка или переосмысленные соответственно тем или другим иноязычным (латинским, греческим) словам. Так, например, древнеанглийское *nemniendlīc именительный, «назывательный»* (к *nemnan называть*) представляет собой кальку *лат. pōmīnātīvus* (к *pōmīnāre называть*; — ср. соответствующий русский термин); — ср. также *да. bōcere книжник, грамотей, писец* (к *да. bōc книга*) — *греч. grammeteús* (к *grámmata*, ед. ч. *grámma буква, письмо, писание*; ср. *русск. 'грамота', 'грамотей'* — из греческого), *лат. librārius* (к *liber книга*); — *да. word слово*, но у Эльфрика и как грамматический термин —

глагол — лат. *verbum* *слово*, *глагол* (ср. архаичное значение слова 'глагол' в русском). — О более ранних кальках, не «ученого» характера см. § 153, примечание 2.

Для древнескандинавского языка в числе «ученых» слов также обычно выделяют терминологию поэтики, свободную от греко-латинского влияния (ср., например, приводившиеся выше древнеисландские поэтические термины). Большая часть подобных терминов, очевидно, имела в известном смысле слова ученый характер и была в ходу лишь в среде самих скальдов. Возможно, аналогичная терминология в том или ином объеме имела и в древнеанглийском, но она не сохранена письменностью, и выделять ее в числе «ученых» слов у нас нет никаких оснований. Если же в древнеанглийском, в отличие от древнескандинавского, не существовало развитой поэтической терминологии, то древнеанглийские «ученые» слова можно охарактеризовать как находящиеся под полным (прямым или косвенным) влиянием иноязычной (латино-греческой) лексики. Этим «ученые» слова коренным образом отличаются от разобранных выше других сфер древнеанглийского словарного состава: ведь пополнение древнеанглийского словарного состава путем заимствований было в тот период для английского языка не характерным (подробнее см. ниже, §§ 152—156).

В заключение необходимо заметить, что резкой и неподвижной грани между «ученой» лексикой и остальной областью словарного состава провести нельзя: отдельные слова, появлявшиеся в качестве «ученых», постепенно получали широкое распространение и делались всеобщим достоянием; и, наоборот, некоторым обычным, общеупотребительным словам в определенном контексте присваивалось особое, специализированное значение, в котором они уже становились словами «ученого» характера (ср. у Эльфрика *да. word* и также *да. nāma* в значении грамматического имени, *tīd* в значении грамматического времени — и много других примеров у того же автора).

Глава XVI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

§ 151. В словарном составе древнеанглийского языка могут быть более или менее четко отделены друг от друга различные исторические слои, неодинаковые по происхождению, характеру и объему. При этом в основном намечается такая группировка слов:

1) Слова, несомненно заимствованные: а) из латинского языка и, через посредничество латинского, из греческого (а также единичные слова из восточных языков, проникшие через латынь и греческий); б) из славянских и балтийских языков; в) из кельтских языков; г) из неизвестных языков.

2) Старый лексический фонд древнеанглийского языка, т. е. совокупность слов древнеанглийского языка, за вычетом указанных выше заимствований. Состав этого фонда, очевидно, также неоднородный, но различить в нем отдельные слои трудно ввиду его большой древности. Важно, однако, заметить, что относящиеся сюда слова могут быть разделены на две группы: а) слова, для которых можно найти те или иные достаточно несомненные этимологические параллели во всех германских языках, и б) слова, заключающие в себе корни, известные лишь в пределах западногерманской подгруппы языков. Слова, встречающиеся лишь в древнеанглийском, если они не являются новообразованиями или заимствованиями, единичны и (ввиду нашего относительно менее полного знания словарного состава других западногерманских языков древнего периода) не могут служить надежной основой для характеристики древнеанглийской лексики. В обеих выделенных выше группах

старого лексического фонда следует четко различать такие слова, которые находят в других древнегерманских языках точные соответствия, и такие слова, которые отличаются от соответствующих этимологических параллелей структурно или семантически, хотя эти структурные и семантические различия и не нарушают историческое тождество слова как цельной единицы. Выделение этих структурных и других вариантов, свойственных древнеанглийскому языку, может служить более надежной основой для характеристики древнеанглийского старого лексического фонда, поскольку для установления таковых знание всего словарного состава древнеанглийского и других германских языков не является обязательным.

Особую категорию составляют:

3) Слова не заимствованные и не старые, но образованные в сравнительно более позднее время из заимствованного или старого материала. Особенность этой категории состоит в том, что она выделяется лишь постольку, поскольку имеются в виду целые, готовые слова; но если иметь в виду только самые корни, то слова этой категории могут быть отнесены к различным перечисленным выше группам (не считая тех случаев, которые вообще неясны). Так, например, *да. fiscere рыба́к* образовано от *да. fisc рыба́* посредством *да.* суффикса *-ere* из *лат. -ārius* и, следовательно, как целое не может быть старым словом; но по своему корню *fisc-* оно принадлежит к старому лексическому фонду (ср. *г. fisk*, *ди. fiskr*, *двн. fisc*). Такие слова могут рассматриваться как примыкающие к отдельным упомянутым ранее группам, и при изучении не словообразования, но происхождения основных лексических элементов, они, вообще говоря, могут оставляться без внимания, хотя в известных случаях и приходится привлекать их в качестве вспомогательного материала (например, если более старое слово с тем же корнем не сохранилось в древнеанглийском).

П р и м е ч а н и е: Рассматривая не совокупность древнегерманских языков, а один из них, как это имеет место в данном

случае, следует также иметь в виду заимствования в одних германских языках из других языков германской группы. Так, в позднем древнеанглийском появляется ряд заимствований из древнедатского и древненорвежского (например, *да.* *snīf* > *на.* *knife* *нож*; *да.* *tacan* > *на.* *take* *брать*: ср. *днорв.*, *ди.* *knīfr*, *taka*). Вместе с тем, древнеанглийские слова проникают в скандинавские языки: ср. *ди.* *bātr* из *да.* *bāt* *ладья* — при старом *ди.* *beit*. Кроме того, многие латинские, греческие и другие заимствования сначала входили лишь в один какой-нибудь древнегерманский язык, а затем уже из него заимствовались другими древнегерманскими языками, в частности древнеанглийским (ср. § 153).

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

§ 152. Строго говоря, к заимствованным словам древнеанглийского языка следует относить лишь такие слова, которые проникли в него после V века, т. е. после того, как английский язык выделился как таковой. Конечно, уже на материке диалекты племен, впоследствии переселившихся в Британию, имели определенные особенности, отличавшие эти диалекты от других континентальных западногерманских диалектов. Однако об отдельном древнеанглийском языке можно говорить лишь тогда, когда произошло территориальное обособление носителей англо-саксонских диалектов и нарушение регулярного и общественно необходимого взаимодействия этой группы диалектов с соседними диалектами. Поэтому собственно английскими заимствованиями (заимствованиями, проникшими непосредственно в английский язык) следует считать лишь заимствования эпохи христианизации и те немногие слова, которые были усвоены англо-саксами на Британских островах от кельтов (в том числе и латинские заимствования этого периода, проникшие также из кельтских диалектов). И все же изучение заимствований в древнеанглийском языке следует начинать с более раннего времени, имея в виду специфичность проблемы заимствования, включающей в себя не только вопросы пополнения словарного состава языка за счет лексики других языков в данный

конкретный период, но и вопросы, связанные с уже имеющимися в языке иноязычными напластованиями за предыдущие периоды. Таким образом, в нижеследующем изложении будут учтены как заимствования V—XI вв., так и те заимствования, которые были сделаны англо-саксами еще на континенте в период, непосредственно предшествующий переселению. Вместе с тем обе категории заимствований будут четко отграничиваться от древнейших германских заимствований начала первого тысячелетия до нашей эры (из кельтских и других языков), выделявшихся в качестве заимствований лишь в германском языке-основе, но впоследствии полностью ассимилировавшихся и переданных отдельным древнегерманским языкам наравне со словами исконными.

А. Заимствования из латинского и греческого

§ 153. К наиболее позднему слою лексики древнеанглийского языка (не считая новообразований) принадлежат, главным образом, «ученые» слова, заимствованные из латыни и греческого, причем слова из греческого в большинстве случаев прошли через латынь и, следовательно, были усвоены древнеанглийским уже в качестве слов латинских (ср. § 150; там же см. и примеры).

Заимствование этих слов в древнеанглийский язык преимущественно относится к VII—XI векам.

Однако и за вычетом «ученых» слов латинского (и греческого) происхождения в древнеанглийском языке остается очень значительный слой латинских (и греко-латинских) заимствований: это так называемые народные заимствования, т. е. слова, проникшие преимущественно устным путем и рано вошедшие в общее употребление. Некоторые из этих заимствований относятся, вероятно, еще к временам Цезаря (I в. до нашей эры), основная же масса их приходится на первую половину I тысячелетия нашей эры, когда между германскими племенами и Римской империей завязались разнообразные и оживленные отношения, и затем на самой территории распавшейся империи произошло тесное мас-

совое соприкосновение германцев с местным романским населением варварских королевств. Что касается англосаксов, то большая часть латинских слов этого раннего слоя была усвоена ими еще в бытность на материке, хотя некоторое количество слов проникло в их язык также через посредство романизованного городского населения Британии. Последняя группа латинских заимствований довольно малочисленна и, кроме того, лишь с большим трудом может быть отделена от более ранних заимствований. По своему характеру эти слова в основной своей массе являются названиями сооружений и построек, оставленных римлянами в Британии.

Принадлежность латинских (греко-латинских) заимствований к числу народных очень часто выявляется в их фонетических особенностях: с одной стороны, в них нередко проявляются характерные черты, отличающие народную латынь от классической; с другой стороны, во многих случаях они имеют следы различных сравнительно ранних фонетических изменений, которым они подвергались еще в диалектах англов и саксов на континенте. Но, кроме того, они большей частью резко отличаются от позднейших «ученых» слов и по своей семантике. Тогда как сквозь слой «ученых» заимствований обычно проглядывает средневековая монастырская школа с ее грамотейством, сквозь слой народных заимствований постоянно просвечивает живая практическая деятельность и борьба.

1. В словах этого, в целом более раннего, слоя, практически в равной мере присущего всем древним германским языкам (за исключением разве древнескандинавских, где их число несколько ниже), ярко отражается огромное и разностороннее влияние римской цивилизации на материальную культуру, общественную жизнь и хозяйство древних германцев. Ср. *да.* *pund* (г. *ди.* *дс.* *pund*, *двн.* *pfunt*) *фунт* из *лат.* *pondō* *фунт*, первоначально «весом» (тв. пад. в таких выражениях, как *libram pondō фунт весом; на.* *round*); — *да.* *ynse дюйм* (г. *upkja мера земли*) из *лат.* *uncia* $\frac{1}{12}$ меры, дюйм, унция (*на.* *inch*); — *да.* *munet* (*двн.* *muniz, -izza*) *монета* из *лат.* *monēta* чеканенные деньги, монетный

двор (на. *mint* монетный двор); — да. *toll, tolŋ* (двн. *zol*) и да. *tolnere* из вульгарнолат. *tolōnēum* пошлина (вместо классич. лат. *telōnium* из греч. *telōnion* таможня) и *tolonārius* сборщик пошлины (на. *toll, tollor*); — да. *seārian* (г. *kaupōn*, ди. *каупа*, дс. *kōron*, двн. *koufōn*) торговать, покупать-продавать из лат. *caupōnāri* от *caupo* мелкий торговец, особенно продавец вина (сюда относится на. *shear* дешевый); — да. *wīn* (г. *wein*, ди. *vīn*, дс. двн. *wīn*) из лат. *vīnum* вино (на. *wine*); — да. *cyrse* < *cierse* (двн. *kirsa*) из лат. *ceresia* вишня, откуда и нфранц. литературное *cerise*); — да. *pipor* (ди. *piparr*, двн. *pfeffar*) из лат. *piper* перец (на. *pepper*); — да. *seper* (г. *sinap*, двн. *senaf*) из лат. *sinapi*, греч. *sināpi* горчица; — да. *cýse* < *cīese**, (англск.) *cēse* (двн. *kāsi*) из лат. *cāseus* сыр (на. *cheese*); — да. *cāwl* (на. *cole*) капуста, собств. кочан, стебель является, повидимому, более поздним заимствованием из лат. *caulis*, чем двн. *kōl*, и скорее «ученого» характера, так как лат. *au* передано через *āw*, а не через старое **aū*, которое дало *ēa* в древнеанглийском; — да. *cōs* (двн. *koh*) из лат. *cocus, coquus* повар (на. *cook*); сюда же да. *cysene* (двн. *kuhhīna*) из лат. *coquina* кухня (на. *kitchen*); — да. *cytel* < *cietel* (г. *katil(u)s*, ди. *ketill*, двн. *kezzil*) котел, котелок из лат. *catillus* блюдец, *catīnus* блюдо (на. *kettle* чайник); — да. *disc* (двн. *tisc*) стол, блюдо, миска из лат. *discus* блюдо, диск (из греч. *diskos*; на. *dish* блюдо, нвн. *Tisch* стол); — да. *curre* (двн. *kupf*, *korf*) из лат. *cypa* бокал, чаша (на. *cup* чашка, нвн. *Korff* голова, «черепок», «чашка»: ср. фр. *tête* голова; лат. *testa* черепок, глиняный горшок); — да. *āmbor, -er* (двн. *ambar*) ведро из лат. *amp(h)ora* (из греч. *amphoreús*); — да. *sac(c)*, *sæc(c)*, (двн. *sak*) из лат. *saccus* мешок, кошель (из древнееврейского/финикийского *sac*, вероятно заимствованного из Египта; на. *sack* мешок); — да. *cist(e)*, *cest* (двн. *kista*) из лат. *cista* сундук, шкатулка (из греч. *kístē*; на. *chest*); — да. *zīm(m)* (двн. *gīmma*) из лат. *gemma* драгоценный камень (также древесная почка; на. *gem* — новое заимствование из франц. *gemme* < лат. *gemma*); — да. *mūr* (двн. *mūra*) из лат. *mūrus* каменная стена; — да. *cealc*

(двн. kalch, kalk) из лат. calx — вн. calcem — *известь* (на. chalk мел); — да. tīzle (двн. ziagal) из лат. tēgula черепица (на. tile); — да. pāl (двн. pfāl) из лат. pālus свая, столб (на. pole шест); — да. weal(l) стена, вал из лат. vallum вал (на. wall стена); — да. ceaster город, укрепление, повидимому, заимствованное уже на Британских островах, из лат. castra военный лагерь (на. Chester и -chester, -caster в Manchester, Lancaster и других географических названиях); — да. searcern (г. karkara, двн. karkāri) темница из лат. carcer темница, ограда, решетка; — да. pyt(t) яма (ди. pyttr водоем со стоячей водой, двн. pfuzzi яма) из лат. puteus яма, колодец, водоем (на. pīt яма, шахта); — да. myl(e)n (двн. mulīna) из лат. molīna мельница от классич. лат. mola (на. mill); — да. eozol с -ol вместо более раннего -il (г. asilus, двн. esil) из лат. asinus, asellus осел; — да. flizel < *flezel (> са. fleil) цеп из лат. flagellum цеп, в классич. латыни — плеть, кнут (на. flail); — из лат. vannus веялка было заимствовано и да. fān(n) — на. fan веер, — но только несколько позднее, чем двн. wappa, на что показывает передача лат. v через f, а не через w; — вероятно также да. sicol (двн. sihhila) из лат. secula серп (к secāre резать, рассекать; на. sickle); — да. soror (двн. kupfar) из лат. cuprum медь, собств. aes cupr(i)um «кипрская бронза» (лат. Cyprus, греч. Κύπρος остров Кипр; на. copper); — да. āncor (двн. ankar) из лат. ancora якорь (из греч. áγκυρα [aŋk-]; на. anchor); — да. stræt (двн. strāzza) из лат. strāta (via) мощенная (дорога), специально военная дорога (на. street улица: впоследствии дороги застроились по обе стороны, превратившись в улицы); — да. draca дракон (ди. dreki дракон, военный корабль, двн. trahho дракон) из лат. draco дракон, также в значении военного значка (из греч. drákōn дракон; на. drake-(fly) летающее насекомое вроде мухи-поденки; но на. drake селезень, — вероятно, совершенно иное слово); — да. pīl (двн. pfīl) стрела из лат. pīlum дротик; — да. cāmp (двн. kampf) борьба, сражение из лат. campus поле сражения, поле; — да. sicor (двн. sihhuri) из лат. sēcūrus надежный, безопасный, собств. беззаботный (шотландское

sicker; — *на. secure* — новое заимствование из латыни). — Может быть еще ко времени войн Цезаря восходит заимствование *да. cāsere* (г. *kaisar*, *двн. keisur*) *император* из *лат. Caesar* *Цезарь* (позже — как титул; на очень раннее заимствование указывает передача латинского *ae* еще в виде дифтонга: *да. ā* < **ai* (г. *ai*, *двн. ei* < **ai*), ср. § 90.

К этому слою принадлежит очень большое число заимствований в различных древнегерманских языках, в общем несколько сотен слов (около 400), из которых наиболее значительная часть известна и в древнеанглийском и древневерхненемецком. В диалекты англо-саксонских племен часть этих слов (заимствованных на континенте) проникала, вероятно, главным образом, через диалекты прирейнских германцев.

2. Некоторые слова, относящиеся к христианской религии и церкви, по своим фонетическим признакам примыкают к заимствованиям народного характера, и, возможно, что отдельные такие слова проникли в западногерманские языки еще до христианизации соответствующих западногерманских народностей. Обычно предполагается, что эти слова первоначально (в IV в.) были заимствованы готами, от которых затем (в V в., отчасти может быть в VI) они распространились к западным германцам, и в том числе к англо-саксам. Сюда относятся такие слова, как *да. dēofol* (*двн. tiufal*) из *лат. diabolus* или, скорее, из *греч. diábolos*, — вероятно, через г. *diabaúlus*, — *дьявол* (*на. devil*); — *да. enzel* (*двн. ds. engil*) из *лат. angelus* *ангел*, — *греч. aggelos* *ангел*, *собств. вестник*, вероятно через г. *aggilus* (*на. angel* перестроено по образцу старофранцузского *angel* < *лат. angelus*); — *да. rāra papa* (*римский*) восходит непосредственно к *лат. rāra* (из *греч. rára* зв. пад. к *parās*; ср. *на. pore*), но *двн. pfaffo* *поп*, повидимому, заимствовано через г. *пара* из *греч. parās* (откуда и *стсл. 'поп'*); — *да. bisc(e)op* (*двн. biscof* и *ди. biskup* из древнеанглийского или древненижненемецкого; *на. bishop*) в конечном счете представляет собой *греч. epískopos* *епископ* (*собств. надсмотрщик*), но, вероятно, это слово проникло через латинский язык (с вульгарнолатинским

озвончением интервокального согласного, ср. *фр.* *evêque*), а не через г. *airiskaírpus*, которое в точности передает греческую словоформу; — несомненно, греческое происхождение имеет и самое название церкви в древнеанглийском (равно как и в других западногерманских, а отсюда и в скандинавских языках): *да.* *cyrice*, *cirice* (*дс.* *kirika*, *двн.* *kirihha*, *ди.* *kirkia*) из *греч.* *kuriakón* собственно «*господний*», т. е. «*господский (дом)*» (*на.* *church*); тем не менее предполагать готское посредничество здесь трудно, поскольку в готском вместо этого слова известно только *aíkklēsjō* из *греч.* *ekklēsía* (хотя, повидимому, это заимствование носит «*ученый*» характер, и, может быть, наряду с ним существовало в разговорном языке и иное слово); с другой стороны, так как в латинском также известно только *ecclesia* (из греческого), то представляется совершенно невозможным допустить латинское посредничество.

Примечание 1: К числу ранних заимствований относится также суффикс *да.* *-ere* (г. *-āgeis*, *ди.* *-agi*, *дс.* *-agi*, *двн.* *-āri*) из *лат.* *-ārius*. Конечно, суффикс не был заимствован как отдельный элемент, но он был извлечен из ряда заимствованных слов (ср. приведенное выше *да.* *tolpere* из *лат.* *tolpārius* при *да.* *toln* из *лат.* *tolpōneum*). На раннее выделение этого суффикса указывают такие слова с исконными корнями, как *да.* *bōc-ere* *книжник* (ср. также г. *bōkāreis* с тем же значением, *laisāreis* *учитель*) и т. п. В дальнейшем этот суффикс стал одним из самых продуктивных в английском языке (*на.* *-er*).

Примечание 2: Латинское влияние рано выразилось также в калькировании латинских слов и словосочетаний. Ср. *да.* *Mōnan-dæȝ* (*ди.* *Māna-dagr*, *двн.* *Māna-tag*) «*Луны день*» — *лат.* *Lunae dies* *понедельник* (> *франц.* *lundi*; *на.* *Monday*); — *да.* *Tīwes-dæȝ* (*ди.* *Tūs-dagr*, *двн.* *Zies-tag*) «*Тиу день*» — *лат.* *Martis dies* «*Марса день*», *вторник* (> *франц.* *mardi*; *на.* *Tuesday*): германский бог Тиу приравнивался к римскому Марсу; — *да.* *Wōdnes-dæȝ* (*ди.* *ōðins-dagr*) «*Одина/Вотана день*» — *лат.* *Mercuri dies* «*Меркурия день*», *среда* (> *франц.* *mercredi*; *на.* *Wednesday*): Один/Вотан приравнивался первоначально к Меркурию; — *да.* *ƿunres-dæȝ* (*ди.* *ƿōrs-dagr*, *двн.* *Donnerstag*)

«Тора / Тунера день» — лат. Iovis dies «Юпитера день», четверг (> франц. jeudi; на. Thursday): Тор/Тунер приведен в соответствие с римским Юпитером; — да. Frīȝe-dæȝ (дн. Frīa-dagr, дн. Frīa-tag) «Фрии день» — лат. Veneris dies «Венеры день», пятница (> франц. vendredi; на. Friday): германская богиня Фрия — римская Венера; — да. Sunnan-dæȝ (дн. Sunnuntag) — лат. Sōlis dies «Солнца день», воскресенье (на. Sunday; в древнеисландском — Dróttins-dagr калька с более позднего христианского dies dominicus «день господний»; ср. франц. dimanche < лат. dominica). Для субботы, — лат. Saturni dies «Сатурна день», — повидимому, не было найдено удовлетворительного перевода: в древнеанглийском находим заимствованное Sæter(n) в сложении со словом dæȝ — (Sæter(n)-dæȝ > на. Saturday), в других языках — различные названия, не связанные с латинским. Возникновение западногерманских названий дней недели относится, вероятно, еще к III—IV векам.

Б. Заимствования из славянских языков

§ 154. В древнегерманских языках имеется ряд слов, заимствованных в различное время из славянских языков. Основная масса заимствований из славянских языков падает на скандинавские языки и на готский, носители которых непосредственно соприкасались со славянами. Что же касается древнеанглийского языка, то количество славянских заимствований в нем минимальное, даже меньше, чем в других западногерманских языках, усвоивших ряд славянских слов уже после того, как произошло выделение англо-саксонских диалектов в древнеанглийский язык. Имея в виду малочисленность славянских заимствований в древнеанглийском и, вместе с тем, учитывая особую важность и сложность проблемы славяно-германских отношений, представляется целесообразным рассмотреть эту проблему в целом.

Древнейшие славяно-германские отношения настолько неясны (в виду отсутствия прямых исторических свидетельств), что интерпретация соответствующего лексического материала нередко оказывается крайне спорной: во многих случаях очень трудно или даже невоз-

можно отделить старые общие славяно-германские лексические элементы от заимствований и установить направление последних, то-есть отличить славянские заимствования в древнегерманских языках от германских слов, заимствованных древнеславянскими языками (число таких слов довольно значительно, но их изучение как заимствований относится к истории славянских языков). Вопрос осложняется еще тем, что вследствие большой близости балтийских языков к славянским, иногда нельзя с несомненностью определить отношение тех или иных слов в этих языках к соответствующим словам в языках славянских и германских.

1. Некоторые слова были заимствованы отдельными древнегерманскими языками из славянских языков, по-видимому, в относительно позднее время. Ср. *дшв.* *torgh* (*рыночная*) *площадь* из *друсск.* 'торгъ' (|| *стсл.* 'тръгъ') *торговая площадь, торг* (*ншв.* *torg* *площадь*; *исл.* *норв.* *torg*, *датск.* *torv*, — по-видимому, через шведский); — *дшв.* *tolker*, *дисл.* *tulkr* *толмач, переводчик* из *друсск.* 'толкъ' (|| *стсл.* 'тлъкъ') *толк, толкование, объяснение* (*ншв.* *датск.* *talk*; возможно, что это слово проникло в скандинавские языки через нижненемецкий: ср. *свн.* *talk*; но это представляется менее вероятным; ср. также *дшв.* *ншв.* *tolka* *толковать, объяснять*, — *дшв.* *переводить*; — *снн.* *tolken*; в каком отношении к данным словам находится *лит.* *tulkas* *толмач* — неясно; возможно, что оно заимствовано из средненижненемецкого); — *дшв.* *sabel* (ср. средневековое *лат.* *sabellum*), *двн.* *zobel* (XI в.) из *друсск.* 'соболь' (*ншв.* *sobel*, *нвн.* *Zobel*). Эти слова отражают раннесредневековые торговые связи между отдельными германскими народностями (шведами, немцами) и русскими славянами.

2. К числу сравнительно поздних славянских заимствований в древнегерманских языках относится, вероятно, и *двн.* *turniz(a)*: ср. *руссск.* 'горница' (но передача *слав.* *g* через *t(d)* необычна и вызывает сомнения); — может быть, также немецкое *Zille/Zülle*, *Quark* и некоторые другие слова, засвидетельствованные лишь в средневерхненемецком; ср. *свн.* *zülle*, *zulle* (уже в ран-

нем средневерхненемецком), *quarc* < *twarc*, *twarg*, *русск.* 'челн', 'творог'; — очень возможно, что заимствование этих слов произошло еще в исходе древневерхненемецкого периода.

3. К гораздо более раннему времени относится г. *plat-* (вин. ед. *plat*, им. ед. *plat** с. р. или *plats** м. р.) «кусок материи», *заплата* из древнеюжнославянского **plāt-*; ср. *стсл.* 'платъ'; — *дшв.* *palta* вн. мн. *куски*; — *ншв.* *palta* *лохмот*; *нн.* *pal(t)e* *лоскут*, *заплата* отражают, повидимому, еще более раннюю звуковую форму того же корня, *стсл.* **polt-*: ср. *русск.* 'полот-но' < **poltno* (*дсл.* **polt-* || *дгерм.* **fal-*: г. *falpan*, *ди.* *falda*; *да.* *fealdan*, *на.* *fold*; *двн.* *faldan*, *faltan* > *нвн.* *falten* *складывать*, *сгибать*, *делать складку на материи*). — Очень старым должно быть также *ди.* *serkr* < **sarkir*, *да.* *syrce* (< *sierce*), *serc* < **sarki* и *syrce* (< *sierce*), *serce* < **sarki-* + **-ōn* (суффикс п-основ) *рубаха*, (в Беовульфе) *панцырь* из *стсл.* **sorki-*: ср. *русск.* 'сорочка' (собств. уменьшительное; *русск.* ч из к в результате смягчения; *на.* *sark*, *ншв.* *särk*). К этим заимствованиям из славянских языков, связанным с ткацким искусством, примыкает и *дшв.* (и *ншв.*) *silke*, *ди.* *silki*, *да.* *siol(u)c*, *seol(u)c* (> *на.* *silk*): ср. *друсск.* 'шелкъ' (в конечном счете — из языков Восточной Азии: ср. монгольское *sirkek*; отсюда другими путями *лат.* *sericum*, из которого *двн.* *serih*).

Ранним заимствованием из славянских языков является также г. *plinsjan* *плясать*, *танцовать*: ср. *стсл.* 'пласати', *русск.* 'плясать' (*стсл.* л, *русск.* я из **en*).

4. Резко отличается от перечисленных выше заимствований заимствование, отраженное в виде г. *pirjis*, *ди.* *pidr* *родич*; *да.* *pirfas* мн. ч. *мужи* (только в поэзии; первоначально — *родичи*, *вместе выступавшие в сражении*): ср. *стсл.* 'нетии' — *родич*, *племянник*. Это заимствование относится, несомненно, уже не к заимствованиям в отдельных германских языках, а к заимствованию в германский язык-основу. Передача *слав.* т (t) через германское *þ* показывает, что в ту эпоху, когда это слово проникло в германские языки, их консонан-

тизм еще не оформился в известном нам виде (в результате дальнейшего развития передвижения согласных). Сами по себе г. *piŕjis* и т. д. и *стсл.* 'нетии' находятся друг к другу в таком отношении, что можно было бы предположить старое соответствие между ними, но этому препятствует очевидная связь их по корню с *да. дѣн. piŕt внучка, племянница, (молодая) родственница* || *динд. parti*: как видно из этого слова, *f* в германских языках (|| *p* других индоевропейских языков) не исчезало перед *t*, и его отсутствие в г. *piŕjis* и т. д. непонятно; в славянских же языках *p* (|| *герм. f*) закономерно выпадало. Таким образом, очень вероятно, что г. *piŕjis* и т. д. представляет собой исключительно древнее заимствование из славянского, заимствование не в отдельные германские языки, а в германский язык-основу.

В. Заимствования из кельтских языков

§ 155. Кельто-германские лексические отношения во многих случаях так же неясны, как и славяно-германские (ср. § 154). Поздний слой кельтских заимствований составляют отдельные слова в древнескандинавских (преимущественно западноскандинавских) языках, проникшие в эти языки в результате возникновения скандинавских поселений в VIII—IX веках на Британских островах (в Ирландии, Британии, на островах Оркнейских, Шетландских и других), где скандинавы вскоре подверглись значительному влиянию кельтской культуры. К числу таких слов, вероятно, относится, между прочим, и *ди. skald скальд* (ср. ирское *scél рассказ*). В более раннее время некоторое количество кельтских (бриттских) слов вошло в древнеанглийский язык в связи с англосаксонским завоеванием и заселением Британии в V—VI вв. (например, *да. drū друид, колдун; bratt плащ, cumb долина* и некоторые другие); вероятно также *да. dun холм* > *на. down*. Возможно, что к кельтским заимствованиям относится также г. *ŕipōneis ученик, последователь*: в кельтских языках это слово может быть объяснено как производное от корня *seq-* (< *sek¹¹ -) || *лат.*

sequ- в sequī *следовать*, так как в галльском и бриттском старое *k^ч закономерно превращалось в p (в германских же языках этот корень должен быть представлен как *sehw-; вполне вероятно, что он содержится в г. saíhuan, да. seon и т. д. *видеть* < *следить глазами* < *следить* < *следовать*). Однако эта этимология г. sirōneis не является вполне основательной.

Впрочем наиболее интересны древнейшие заимствования из кельтских языков, т. е. заимствования в германский язык-основу, ставшие общегерманскими словами. В отношении этих заимствований существует наибольшее количество неясностей; наряду со словами, явно заимствованными из кельтских языков, в древнегерманских языках имеется довольно много таких слов, которые с известным основанием могут рассматриваться как кельтские заимствования, но могут быть и старыми германскими словами.

К числу таких слов принадлежат: г. andbahts, да. āmbeht, -iht, дс. ambahteo; двн. ambaht *слуга*; ди. ambātt ж. р. *служанка*; ср. кельтское в латинской передаче ambactus *слуга* (нвн. Amt *служба, должность* < двн. ambahti, производное от ambaht); — г. reiks *правитель*, прилагательное г. reiks (или reikeis), ди. rīkr, да. rīce, дс. rīki, двн. rīhhi *могущественный*, производное существительное с. р. г. reiki, ди. rīki, да. rīce, дс. rīki, двн. rīhhi *власть, государство*: ср. галльско-кельтское в латинской передаче -rīx, рд. ед. -rīgīs в многосложных собственных именах (например Vercingeto-rīx), дирск. rī, рд. ед. rīg *правитель* (на. rīch, нвн. reich *богатый*, нвн. Reich *государство*). Очевидно, в ту эпоху, когда были заимствованы эти слова, у кельтов существовали более сложные социальные отношения, чем у германцев. Приблизительно к этому же времени относится, вероятно, и заимствование ди. valir, да. wēalas (< wealhas*, ед. ч. wealh), двн. wal(a)hā *чужестранцы* (южные или западные, не германцы), *романские народы, кельты* (последнее значение сохранилось в древнеанглийском: ср. на. Wales *Уэльс* < да. Wealas). Первоначально это слово было заимствовано как название кельтского племени вольков (в латинской передаче Volcae), затем оно

стало применяться к кельтам вообще и затем к римлянам и романизированным народностям. Так как кельтское [k] (с в латинской передаче) отражено в этом слове в виде германского [χ] (h, которое затем в определенных случаях исчезло), то необходимо полагать, что во время заимствования этого слова древнегерманский консонантизм еще не вполне оформился: повидимому, в ту эпоху на месте [χ] еще произносился звук, довольно близкий к [k] (вероятно kh), тогда как на месте позднейшего [k] был звук, более близкий к [g] (вероятно, глухое или полуглухое [g]; ср. передачу *кельтск.* rīg- через *герм.* rīk-. Также и замена кельтского o через германское a (откуда *да.* ea) показывает на глубокую древность данного заимствования: очевидно, в германских языках в то время еще не было o из *ū и ближайшим к o звуком был тот, который в дальнейшем известен нам в виде древнегерманского a.

К числу несомненных заимствований в германском языке-основе относится название железа — г. *eisarn*, *ди.* *īsarn*, *iārn*, *да.* *īsern*, *īren*, *дс.* *двн.* *īsarn*, *īsan*: ср. *кельтск.* *īsarpo-* (в латинской передаче), *дирск.* *iaraþn*, *iarn* (*на.* *iron*, *нвн.* *Eisen*). По данным археологии, германцы вступили в железный век около середины первого тысячелетия до нашей эры, причем они научились обрабатывать железо, повидимому, у кельтов. Таким образом, очень вероятно, что название железа было заимствовано германцами у кельтов около этого времени (скорее — несколько раньше): естественно предположить, что и другие ранние кельтские заимствования появлялись в древнегерманских языках приблизительно в ту же эпоху. Следовательно, есть основания полагать, что около середины первого тысячелетия до нашей эры общегерманское передвижение согласных еще не выразилось в той системе консонантизма, которая характерна для древнегерманских языков в относительно более позднее время.

Если бы корень rīk- имел в германских языках не типичное кельтское ī в соответствии с лат. *ē* в *rēg-* (ср. *лат.* *tex* — *rēg-is*), но *ē* (в готском) и *ā* < **ē*₁ (в других германских языках, в древнеанглийском же — *ē*,

æ < *ā < *ē₁), то можно было бы думать, что этот корень не заимствован из кельтского, но является старым германским. Очевидно, однако, могут быть и такие заимствования, которые не имеют никаких фонетических признаков заимствования. В древнегерманских языках имеется ряд слов, которые по внешнему виду и значению стоят особенно близко к кельтским, и так как сильное кельтское влияние на древнейшую культуру германских племен несомненно, то очень возможно, что эти слова являются не старыми общими лексическими элементами германских и кельтских языков, но очень ранними кельтскими заимствованиями в языках германской группы, хотя при отсутствии фонетических признаков факт заимствования и не может быть вполне установлен. К таким словам, например, относятся: г. *aīps*, ди. *eīðr*, да. *ār*, дс. *ēð*, двн. *eid* *клятва* (на. *oath*, нвн. *Eid*; — ср. *дирск.* *oeth* < **oitho-*); — г. *arbi*, ди. *arfr*, да. *ierfe*, дс. *erbi*, двн. *erbi* *наследство* (нвн. *Erbe*; — ср. *дирск.* *orbe*); — ди. *tūn* *ограда, усадьба*, да. *tūn* *огороженный поселок, город*, дс. *tūn*, двн. *zūn* *ограда, забор* (на. *town*, *город*; нвн. *Zaun* *забор*; — ср. *дирск.* *dūn* *укрепление, город*, латинизированное кельтское *dūnum* в географических названиях, как *Ver-dūnum* *Верден* и т. п.).

Примечание: Ряд древнегерманских имен собственных также представляют собой, вероятно, или прямые заимствования из кельтского, или кальки кельтских образцов: ср. *герм.* *Segi-mērus*, *кельтск.* *Sego-māros* собственно «Победослов» (оба — в латинской передаче; нвн. *Siegmar*); — латинизированное г. *Teude-rīcus* *Теодорих*, ди. *piōð-rekr*, двн. *Diot-rīh* — латинизированное кельтское *Teuto-rīx* собственно «Народоправитель» (нвн. *Dietrich*). Однако многие подобные имена были образованы в более позднее время и лишь по общему своему типу и отдельным составным частям примыкают к группе старых кельто-германских имен (ср. такие имена на *-rīk-*, как латинизированное г. *Ermana-rīcus* *Германарих*, правильное *Эрманырик*, ди. *Eirekr* *Э(й)рик*, да. *Ælf-rīc* *Эльфрик*, двн. *Fridu-rīh* *Фридрих* и другие).

Г. Заимствования из неизвестных языков

§ 156. Ранние заимствования в древнегерманских языках, среди которых имеется некоторое количество заимствований в германский язык-основу, включают и такие, источники которых не могут быть указаны с достаточной определенностью. Но большей частью все же имеются те или иные данные относительно происхождения этих заимствований из Восточной Европы или Передней Азии.

Сюда относятся, например, *ди.* hampr, *да.* hæper, *двн.* hanaf *конопля* (*на.* hemp, *нвн.* Hanf): ср. *русск.* 'конопля,' *греч.* kánnabis, *лат.* cannabis, которые также являются заимствованными (так, грекам конопля стала известна лишь во времена Геродота, V в. до нашей эры); — *г.* paida, *да.* pād, *дс.* pēda, *двн.* pfeit *одежда* (*нвн.* *баварск.* Pfaid *рубашка*): ср. диалектальное *греч.* baîtē *пастушеская одежда из (козьей) шкуры* (возможно — фракийского происхождения). По своей семантике эти слова, вошедшие в германские языки с востока, естественно сближаются с несколько более поздними заимствованиями из славянских языков, также относящимися к одежде (см. § 154).

Дс. arut, *двн.* aruz, aruzzi (> Erz) *руда* и производное от того же корня *дшв.* örtugh, artogh, *днорв.* ørtog *монета* ($\frac{1}{24}$ марки), возможно, в конечном счете происходят из шумерского urud *медь*. Вероятно так же, как и название серебра *г.* silbur, *ди.* silfr, *да.* sioluf, seolfor, *дс.* silubar, *двн.* sil(a)bar (*на.* silver, *нвн.* Silber) является древним заимствованием из неизвестного восточного источника (ср. *русск.* 'серебро', *стсл.* 'сьребро', *литовск.* sidabras; в других индоевропейских языках — иные обозначения этого металла). Старые торговые связи с Востоком, повидимому, отражаются в *да.* pæf, *двн.* pfad *путь, дорога* (*на.* path, *нвн.* Pfad; если это слово действительно заимствовано из скифского или вообще какого-либо иранского языка: ср. *авестийское* paf *путь*).

Как видно из приведенных примеров, некоторые из упомянутых слов, хотя и не вполне ясного происхожде-

ния, следуют закономерностям общегерманского передвижения согласных и, таким образом, должны быть отнесены к числу древнейших заимствований; другие же, возможно, сохраняют консонантизм тех языков, откуда они были заимствованы, в неизменном виде (*да.* *ræf*; *г.* *silbur* и т. д.) и поэтому они могут быть названы сравнительно более поздними, хотя вполне вероятно, что и они значительно старше всех греко-латинских заимствований.

К числу заимствований из неизвестного источника относится также *ди.* *plōgt*, *да.* *plōh*, *plōz*, *днн.* *plōg*, *двн.* *pfluog* *плуг* (в древнеанглийском известно лишь в значении *участок пахотной земли*; *на.* *plough*, *нвн.* *Pflug*; с этим словом этимологически связано и *русск.* 'плуг'). В данном случае вероятно южное происхождение, а именно — из языка ретийцев, т. е. туземного неиндоевропейского населения Ретии (Реции, римской провинции, расположенной в Альпах непосредственно к северу от Италии): ср. ретийское *plōvit* *колесный плуг*, известное нам в латинской передаче (Плиний). Это заимствование во всяком случае относительно позднее. Раньше всего оно появляется в древневерхненемецком (еще в долитературную эпоху, на что указывает отражение в нем верхненемецкого передвижения согласных); в Англии же *plōz*, *plōh* засвидетельствовано лишь с XI века.

СТАРЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

§ 157. В любом древнегерманском языке имеется большое количество таких слов, которым находятс я те или иные этимологические параллели в древнеанглийском языке. Это непосредственно связано с тем, что все они составляют одну языковую группу. Однако отношения между сопоставляемыми словами древнеанглийского языка, с одной стороны, и других германских языков, с другой стороны, далеко не всегда одинаковы. Важно обратить внимание на следующие слу-

чай, временно оставляя в стороне собственно семантические отношения.

§ 158. 1. Нередко между соответствующими словами древнеанглийского и других германских языков не наблюдается никаких различий, которые выходили бы за пределы закономерных фонетических и морфологических особенностей каждого данного языка. В таком случае между соответствующими словами имеется отношение полного этимологического тождества: такие слова с этимологической точки зрения совершенно одинаковы и представляют собой одну и ту же лексическую единицу в составе древнеанглийского и остальных древнегерманских языков.

Ср. *да.* *dæz* || *г.* *dags*, *рун.* *дск.* *dagaR*, *ди.* *dagr*, *дс.* *dag*, *двн.* *tag* о-основы м. р. *день*; — *да.* *mid(d)* || *г.* *midjis*, *ди.* *miðr*, *дс.* *middi*, *двн.* *mitti* *прил.* *jo*-основы *средний*; — *да.* *eahta* || *г.* *ahtau*, *ди.* *ātta*, *дс.* *двн.* *ahto* *несклоняем. числ.* *восемь*; — *да.* *beran* || *г.* *baíran*, *ди.* *bera*, *дс.* *двн.* *beran* *сильн. гл. IV кл.* *нести*; — *да.* *leszan* || *г.* *lagjan*, *ди.* *leggia*, *дс.* *leggian*, *двн.* *leggen* *слаб. гл. I кл.* *класть*; — *да.* *hēr* || *г.* *ди.* *дс.* *hēr*, *двн.* *hiar* *нареч.* *здесь*.

Различия между древнеанглийским и другими германскими языками в этих примерах сводятся к различиям в истории тех или иных звуков в отдельных языках. Так, например, *г.* *dags*, *рун.* *дск.* *dagaR*, *ди.* *dagr*, *дс.* *dag*, *двн.* *tag* имеют старое *a*, но и *æ* в *да.* *dæz* произошло из **a* (ср. § 88); в *рун.* *дск.* *dagaR* руна *d* повидимому обозначает [ð], но и *г.* *ди.* *да.* и *дс.* *d* отражают старое **ð*, а в древневерхненемецком из старого **ð* обычно получалось *t*, чем и объясняется одна из основных особенностей древневерхненемецкой словоформы *tag*. Подобным же образом объясняются и прочие особенности каждой из приведенных словоформ (ср. соответствующие разделы древнеанглийской фонетики). Если, однако, взять то же самое слово по различным древнегерманским языкам в различных падежных формах, то обнаружатся и некоторые морфологические различия между языками (рд. ед. *г.* *dagis*,

рун. дск. dagas и т. п.). Но поскольку эти различия касаются не только данного индивидуального слова, но всего грамматического типа, к которому это слово относится (о-основы м. р.), и при этом данный грамматический тип в общем остается одним и тем же в разных языках, постольку такие различия не разрушают тождественности слова (как лексической единицы) в составе разных языков.

§ 159. 2. Во многих случаях сопоставляемые слова древнеанглийского и остальных германских языков обладают в отдельных языках (или во всех из них) фонетическими или морфологическими особенностями, которые не могут быть сведены к общим различиям между соответствующими языками в фонетике и морфологии, но отличают именно данные слова как таковые. Отношение между сопоставляемыми словами в таких случаях может быть определено как отношение между структурными фонетико-морфологическими вариантами одного и того же слова, если имеющиеся различия не отражают каких-либо существенных различий в семантике.

Это общее отношение выступает во множестве разновидностей соответственно тому, в каком структурном моменте слова проявляется его особенность в сопоставляемых языках.

а) Особенности по отношению к системе лексико-грамматических категорий. Преимущественно такие особенности наблюдаются в грамматическом роде слова.

Ср. *да. nāma* имя п-основы мужского р. (также и *дс. двн. namō*), но *г. namō* п-основы среднего р.; — *да. bāt* о-основы мужского р. *ладья*, но *ди. beit* о-основы среднего р.; — *да. beorh* гора о-основы мужского р. (также *двн. berg*), но *ди. biarg, berg* о-основы среднего р.; — *да. ende* конец jо-основы мужского р. (также *г. andeīs, ди. endir, дс. endi*), но *двн. enti* jо-основы среднего р. (но также и мужского).

б) Особенности, состоящие в различии основообразующих элементов.

Ср. *да.* *feoh* **о**-основы с. р. *деньги, имущество, скот*, но *г.* *faihu*, *ди.* *fē* — *рд.* ед. *fiar*, *дс.* *feu*, *двн.* *fihu* **и**-основы с. р.; — *да.* *fōt* корневые основы *нога*, но *г.* *fōtus* **и**-основы, *дс.* *fōt*, *двн.* *fuoz* **и**-основы (лишь редко встречаются формы с корневыми основами); — *да.* *eorðe* *земля* **п**-основы ж. р., но *г.* *aírþa*, *дс.* *erda*, *двн.* *erda*, **ā**-основы ж. р., *ди.* *iorð* смешанные **ā**/**i**-основы ж. р.; — *да.* *trīewe*, *дс.* *trīuwi*, *двн.* *trīuwi*, прил. **ю**-основы *верный, надежный*, но *г.* *triggwa* (**w**)**о**-основы; — *да.* *heard* **о**-основы *твердый, крепкий* (также *ди.* *harðr*, *дс.* *hard*, *двн.* *hart*), но *г.* *hardus* прил. **и**-основы; — *да.* *sittan*, *liczan* **ю**-основы в настоящем вр. *сидеть, лежать* (*ди.* *sitia*, *liggia*, *дс.* *sittian*, *liggan*, *двн.* *sizzen*, *liggen*), но *г.* *sitan*, *ligan* **о**-основы в настоящем времени.

в) Особенности, определяемые наличием разных словообразовательных суффиксов, одинаковых по значению.

Ср. *да.* *steorra* **п**-основы м. р. с **г**-суффиксом, но *двн.* *sterno* **п**-основы м. р. с **п**-суффиксом — оба в значении *звезда*.

Случай этого типа не всегда могут быть четко отделены от случаев, приведенных в пункте (б), так как суффикс может представлять собой или включать в себя и основообразующий элемент. Так, например, **-п** в *да.* *eorðe* < **erþōn* (в косвенных падежах *eorðan* < **erþōn*- или **erþan*-) является основообразующим элементом и вместе с тем суффиксом ***-en/an/n/ēn/ōn**. Но в таких случаях, как *да.* *steorra* — *двн.* *sterno*, отличные друг от друга суффиксальные элементы (**-г**- и **-п**-) находятся внутри основы и не имеют отношения к образованию грамматического типа основы, в данном примере — основ на **-п**.

г) Особенности в звуковом строении основы, обусловленные старым чередованием гласных, чередованием согласных по закону Вернера и другими явлениями, выходящими за пределы истории фонетической и морфологической системы данных языков как таковых.

Ср. *да.* *ceorl* с **eo** < **e** в корне *мужчина (незнатного рода)*, но *ди.* *karl*, *двн.* *karal* с **a** в корне; — *да.*

tōþ с $\bar{o} < *an$, *дс.* tand, *двн.* zan(d) со старым **а** в корне **зуб**, но *г.* tunþus с $*\bar{u}$; кроме того, с различием в типе основы по отдельным языкам, ср. выше (б);— *да.* bit(t)or с **i** *горький* (также *ди.* bitr, *дс.* *двн.* bittar), но *г.* baitrs с **ai**;— *да.* hwær с $\bar{æ} < *ā < *ē$ (также *дс.* *двн.* hwār, с $\bar{a} < *ē$) *где*, но *г.* hvar, *ди.* huar с **а**;— *да.* būzan со старым \bar{u} в корне *сгибаться, склоняться*, но *г.* biugan, *двн.* biogan, со старым $*eu$;— *да.* hīeran с **г** $< *z$ *слышать* (также *ди.* heyra, *дс.* hōrian, *двн.* hōren), но *г.* hausjan с **s**;— *да.* findan с **nd** $< *n\bar{a}$ (также *дс.* findan наряду с fīðan), но *г.* finþan, *ди.* finna с **nn** $< *n\bar{p}$, *дс.* fīðan с $\bar{i}\bar{a} < *in\bar{p}$ ($< *en\bar{p}$), *двн.* findan с **nd** $< *n\bar{p}$;— в некоторых случаях с неясным соотношением: ср. *г.* mīzđō — *дс.* mēda, *двн.* miata с **ia** $< \bar{e}_2$ *мзда*; в древнеанглийском оба варианта корня: *да.* meord || *г.* mīzđ- и *да.* mēd || *дс.* mēda, *двн.* miata.

Особенно часто наблюдаются различия в суффиксах, основанные на чередовании гласных, которое в этих случаях иногда значительно отличается от обычного старого чередования.

Ср. *да.* ēðel ($< *ō\bar{p}il-$) *наследственная, родовая земля* (также *дс.* ōðil), но *ди.* ōðal, *двн.* uodal;— *да.* cunīnz (также *дс.* *двн.* kunīng) *король, князь, представитель рода*, но *ди.* konungr;— *да.* hēafod, -ud *голова* (также *ди.* haufu, -u), но *г.* haubīþ ($-\bar{p} < [-\bar{d}]$).

Само собой разумеется, что различные особенности могут сочетаться в том же самом слове: ср. выше (п. „г.“) *г.* tunþus — *да.* tōþ (корневая основа), *дс.* tand, *двн.* zan(d) (склонение по образцу i-основ), где различие в огласовке корня сочетается с различным грамматическим оформлением, а если привлечь сюда же *ди.* tōnn $< *tan\bar{p}ūn$ (первоначально *вн. пад.*) женского рода, то и с различием в роде, так как в остальных древнегерманских языках это слово выступает как слово мужского рода.

В некоторых случаях подобные различия могли возникнуть сравнительно поздно в процессе формирования соответствующих древнегерманских языков. Так, например, очень вероятно, что слово, обозначающее **зуб** (*да.* tōþ), первоначально во всех германских языках было

словом с корневой основой (как в древнеанглийском и отчасти в древнеисландском), так как вообще склонение корневых основ перестраивалось по образцу других, более распространенных типов, и пути этой перестройки, в основном, довольно ясны. Кроме того, это слово широко известно с корневой основой и в других индоевропейских языках: ср. *лат.* dens < *dents, рд. ед. dentis; *греч.* odoús < *odónts, рд. ед. odóntos; *дунд.* dan < *dant, вн. ед. dántam, рд. ед. datás. Но во многих случаях различия между отдельными древнегерманскими языками в строении того или иного слова несомненно существовали уже в древнейшую эпоху. Так, например, различия в огласовке между г. *tunþus* и тем же словом в древнеанглийском *tōþ* и других древнегерманских языках очевидно является старым: ср. различие в огласовке латинской основы dent- и греческой odont-.

§ 160. 3. Довольно часто древнеанглийские слова могут быть сопоставлены со словами других германских языков столь несхожими и столь отдаленными друг от друга, что их никоим образом нельзя считать только вариантами одних и тех же слов, но необходимо признать совершенно отдельными, различными лексическими единицами, сближаемыми лишь постольку, поскольку в них содержатся общие корни. Они могут представлять собой разные части речи, относиться к различным семантическим категориям, а при близости значения — существенно расходиться по своему внешнему виду, по своей звуковой оболочке. Отношение между сопоставляемыми словами разных языков в подобных случаях может быть определено как отношение между самостоятельными словами, составляющими одну этимологическую семью. Очевидно, что случаи этого типа иногда не могут быть резко отграничены от рассмотренных выше в разделе 2, но большей частью все же различие между теми и другими выступает вполне четко.

Ср. *да.* beorh *гора* (также и *ди.* biarg, *дс.* двн. berg), но г. baírgahei *гористая местность* (со сложным суффиксом -ahein-); — *да.* sele *жилье, палата* (также *ди.*

salr, *дс. двн. seli, двн. sal*), но *г. saljan* *находить убежище, пребывать*;—*да. ēse < ēsi вечный*, но *г. ajukd. ups вечность*;—*да. beran нести* (также *дс. двн. beran*), также *родить*, но *г. bērusjōs родители*.

Особо следует заметить такие случаи, когда могут быть сопоставлены только отдельные составные части сложных слов или простое слово в одном языке и одна из частей сложного слова в другом.

Ср. *да. on-ḡinpan начать, начинать*, но *г. du-ginpan, дс. двн. bi-ginpan*, где основные части совпадают, приставки же совершенно различны;—*да. sǣd (ди. sād, дс. sād, двн. sāt) посев*, но *г. maṇa-sēps человечество, собственно «человекопосев»*; с другой стороны, *двн. maṇa-heit человечество, собственно «человекосостояние»* полностью совпадает с *г. maṇa-sēps* лишь в первой части, которая представляет собой основу *maṇa- человек*, отличную от более распространенной основы *maṇn-*—с тем же значением.

§ 161. 4. Наконец, в древнегерманских языках нередко встречаются и такие слова, которые известны только в одном языке (иногда в древнеанглийском) и не имеют даже отдаленной этимологической связи с какими-либо словами других языков германской группы. В ряде же случаев отношение между сходными словами, принадлежащими к разным языкам, настолько неясно, что наличие этимологической связи между ними представляется лишь более или менее вероятным или даже сомнительным: ср. *да. bēam* (также *дс. bōm, двн. boum*), *дерево*—*г. bagms, ди. baḡmr*;—*да. lýtēl маленький* (также *дс. luttīl, двн. luzzil и liuzil*), но *г. leitils, ди. lītill*.

Наряду с различием между древнеанглийскими словами и словами в других германских языках во внешней структуре слова, нередко наблюдаются различия между ними в значении, а также и в употреблении. Если различие в значении совпадает с различием в звуковой оболочке, то сопоставляемые слова разных языков уже не могут рассматриваться как только варианты той же самой лексической единицы: поскольку

семантическое различие внешне выражено или, иначе говоря, поскольку различие в звуковой оболочке соответствует различию в значении, постольку сопоставляемые слова двух или нескольких языков представляют собой разные лексические единицы, между которыми имеется лишь та или иная этимологическая связь. Таким образом, о различии в значении одного и того же слова можно говорить обычно только тогда, когда сопоставляемые слова или совершенно тождественны между собой с этимологической точки зрения (§ 158, 1), или различаются лишь такими чертами, которые в одном из двух сравниваемых языков вообще не используются для семантической дифференциации слов (ср. ниже, примечание к § 163).

§ 162. Встречаются самые разнообразные случаи семантических различий между одними и теми же словами в древнеанглийском и в других германских языках.

Ср. *да.* swēp *жена*, но также *королева* (*на.* queen *королева*): последнее значение — из сочетания *да.* synþes swēp *короля жена*, но *г.* qēns, *ди.* kuæn, kuān, *дс.* quān в значении *жена* (в других языках иные слова для королевы: *ди.* drōtting к *ди.* drōttinn *предводитель дружины* || *да.* dryhten *господин*; *двн.* kunigin к *kuning* *король* || *да.* syninþ); — *да.* tæzl, *хвост* (с тем же значением в *двн.* — zageł), но *г.* tagl *волос*; *ди.* tagl *лошадина хвост* (со значением *волос*, *волосы* также используется: *ди.* *дс.* hār, *да.* hær, *двн.* hār); — *да.* sār (также *г.* sair, *дс.* *двн.* sēr) *боль*, но *ди.* sār *рана* (в других языках *рана*: *г.* wundufni — *да.* wund, *дс.* wund *двн.* wunta *ди.* und — синоним к *ди.* sār); — *да.* scuwa (также *ди.* skuggi, *двн.* scuwo) *тень*, но *г.* skuggwa *зеркало* (ср. *ди.* skugg-sia и *двн.* scū-char *зеркало*; в готском *тень*: skadus и-основы м. р. ср. *да.* sceadu wā-основы ж. р., *двн.* scato wo-основы с. р. с тем же значением); — *да.* scaða, sceaða (также *дс.* skado) *наносащий ущерб*, *разрушитель*, отсюда в древнеанглийской поэзии также *воин*, *враг*, но *ди.* skaði *ущерб*; *двн.* scado *ущерб* и *наносащий ущерб*, *враг*; — *да.* eofor (также *дс.* ebur, evur, *двн.* ebur) *вепрь*, *кабан*, но *ди.* iofurr

князь, витязь — один из многочисленных синонимов для этого понятия в поэтическом языке; — *да.* ierre, iorre *гневный*, но *дс.* irri *гневный, раздосадованный*; *г.* aigzeis и *двн.* irri *сблизившийся с толку, введенный в заблуждение, ошибочный* и т. п.; — *да.* ēadiȝ (также *двн.* ōtag) *богатый, счастливый*, но *ди.* audigr, -igr *богатый, состоятельный*; — *да.* drīfan (также *г.* dreiban, *дс.* drīban, *двн.* trīban) *гнать, приводить в движение*, но *ди.* drīfa *нестись, мчаться, стремиться, влечься*; — *да.* draȝan *тащить, тянуть*, но *г.* *дс.* dragan и *двн.* tragan *нести, носить, выдерживать (двн.), привлекать*; *ди.* draga также *тащить, тянуть*.

§ 163. Кроме того, как было сказано выше, те же самые слова могут иметь неодинаковое употребление в различных языках. Так, например, обычное для древнеанглийского языка слово может быть в другом языке специально поэтическим: ср. *да.* wīf (также *дс.* wīf, *двн.* wīb) *женщина, жена*, но *ди.* vīf с тем же значением, но лишь в поэтической речи; — наоборот *да.* wine (также *дс.* *двн.* wīni) *друг* характерно для поэзии, а *ди.* vīnr является обычным словом (в обыденном же употреблении — *да.* frēond || *г.* frījōnds, *дс.* frīund, *двн.* frīunt *друг, собственно «любящий»*); — поэтическое *да.* zāmel, -ol *старый, престарелый* (наряду с обычным *да.* eald *старый*), но *ди.* gamall *старый* — обычное слово.

Примечание. В отдельных древнегерманских языках в словах, соответствующих древнеанглийским, суффиксы могут иметь различную огласовку: ср. *ди.* -ag-, -ig-, -ug- — один из суффиксов, образующих прилагательные. Если в данном языке варианты суффиксов с различной огласовкой совершенно равнозначны, — как в приведенном выше примере, — то при сопоставлении слова, содержащего такой суффикс, с соответствующим словом другого языка с точки зрения семантики огласовка суффикса может не приниматься во внимание. Поэтому, например, *ди.* audigr, audīgr может быть сопоставлено с *да.* ēadiȝ, как если бы в этом слове огласовка суффиксов в древнеисландском языке вполне совпадала с его огласовкой в древнеанглийском.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПО ЯЗЫКАМ ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЫ

§ 164. Различные слова, сохраненные древнеанглийскими памятниками, имеют различное распространение в других языках германской группы. Многие слова распространены во всех других достаточно известных нам древнегерманских языках и в этом смысле условно могут быть названы общегерманскими. Но имеется значительное количество и таких слов, которые встречаются только в языках западногерманской подгруппы языков или в двух подгруппах: ср. *да.* *mōder*, *-or* (*дс.* *mōdar*, *двн.* *muoter*, *-ar*) *мать*, *ди.* *mōðir*, в готском отсутствует; — *да.* *wīf* (*дс.* *wīf*, *двн.* *wīb*) *женщина, жена*, *ди.* *vīf* (только в поэзии) также отсутствует в готском; — *да.* *bāt*, *ди.* *beit* *ладья*, отсутствует в готском и даже в других языках западногерманской подгруппы; — *да.* *sæz*, *sæze* *ключ* — нет в остальных языках, кроме фризского (*фризск.* *kai*, *kei*).

Во многих случаях отсутствие какого-либо слова в том или другом древнегерманском языке (собственно, в памятниках данного языка) является случайностью, т. е. зависит только от скудости материала, которым мы располагаем. Из важнейших древнегерманских языков это в особенности касается готского и древнесаксонского и, в наименьшей степени, — древнеисландского (ср. § 138). Однако, несомненно, многие слова отсутствуют в письменных памятниках потому, что их действительно не было и в самом языке, которому принадлежат эти памятники. Сферу распространения некоторых слов можно определить с достаточной уверенностью, и таким образом могут быть установлены известные характерные различия между отдельными языками в отношении лексического состава.

§ 165. К числу древнеанглийских слов, имеющих наибольшее количество этимологических параллелей в других древнегерманских языках и условно обозначаемых как общегерманские, относится много таких, которые по всем языкам представляют собой вполне

тождественные лексические единицы, но немало таких, которые в разных языках представлены различными структурными вариантами (см. выше, §§ 157 — 163).

Ср. следующие слова:

1. (тождественные)

да.	другие западногерманские языки		ди.	з.
	дс.	двн.		
dæʒ	dag	tag	dagr	dags <i>день</i>
stān	stēn	stein	steinn	stains <i>камень</i>
fisc	fisk	fisc	fiskr	fisks <i>рыба</i>
ʒiest	gast	gast	gestr	gasts <i>гость</i>
sunu	sunu	sunu	sunr	sunus <i>сын</i>
word	word	wort	orð	waúrd <i>слово</i>
scip	skip	scif	skip	skip <i>корабль</i>
wīn	wīn	wīn	vīn	wein <i>вино</i>
ʒōd	gōd	guot	gōðr	gōps <i>добрый</i>
rēad	rōd	rōt	rauðr	rauþs <i>красный</i>
ʒeonʒ	jung	jung	ungr	juggs <i>юный</i>
lānʒ	lang	lang	langr	laggs <i>долгий</i>
mid(d)	middi	mitti	miðr	midjis <i>средний</i>
eal(l)	al	al	allr	alls <i>весь</i>
ōðer	āðar	andar	annarr	anþar <i>другой</i>
ic	ik	ih	ek	ik <i>я</i>
þū	thū	dū	þū	þu <i>ты</i>
hwæt	hwat	(h)waz	huat	hva <i>что</i>
ān	ēn	ein	einn	ains <i>один</i>
eahta	ahto	ahto	ātta	ahtau <i>восемь</i>
niman	niman	neman	nema	niman <i>брат</i>
beran	beran	beran	bera	baíran <i>нести</i>
helpan	helpan	helfan	hialpa	hilpan <i>помогать</i>
stāndan	standan	stantan	standa	standan <i>стоять</i>
lecʒan	leggian	leggen	leggia	lagjan <i>класть</i>
witan	witan	wiʒʒan	vita	witan <i>знать</i>
nū	nū	nū	nū	nu <i>ныне</i>
hēr	hēr	hiar	hēr	hēr <i>здесь</i>

2. (в различных вариантах)

eorðe	erda	erda	iorð	aírþa	земля
heofon	{heban himil	himil	himminn	himins	небо
cwene	quena	quena	kona	qinō	женщина
hēafod	hōbid	houbit	haufuð	haubiþ	голова
ēare	ōra	ōra	eyra	ausō	ухо
wæter	watar	waƶzar	vatn	watō	вода
trīewe	triuwi	triuwi	tryggr	triggws	надежный
enƷe	engi	engi	Ʒngr	aggwus	узкий
fiern*	fern	firni	forn	{fairneis fairns	прежний
cwicu } cucu }	quick	quēc(k)	{kui kr kykr	qius	живой
Ʒē	gi	ir	ēr	jūs	вы
fēowor	fi(uw)ar	fior	fiōrir	fidwōr	четыре
twelf	twelif	zwelif	tolf	twalif	двенадцать
cuman	cuman	{queiman cuman coman	koma	quiman	приходить
tredan	tredan	tretan	troða	trudan	ступать
licƷan	liggian	liggen	liggia	ligan	лежать
maƷan	mugan*	{magan mugan*	mega	magan	мочь

§ 166. Среди древнеанглийских слов, имеющих этимологические параллели лишь в некоторых известных нам древнегерманских языках, особое внимание привлекают к себе те слова, границы распространения которых совпадают с пределами западногерманской подгруппы, но интересны также и те, которые, кроме западногерманской подгруппы, распространены лишь в одной другой подгруппе (скандинавской или восточногерманской).

Ср. следующие слова:

да.	другие западно- германские языки дрвн.	ди.	г.
nerian	nerian	—	nasjan <i>спасать</i>
bī, be	bi	—	bi <i>у, при</i>
wine	wini	vinr	— <i>друг</i>
seczan	sagēn	segia	— <i>сказать</i>
fox	fuhs	—	— <i>лис</i>
bīo(m)	bim	—	— <i>есть</i>
macian	mahhon	—	— <i>делать</i>
sprecan	sprehhan	—	— <i>говорить</i>
tō	zuo, zi	—	— <i>к, до</i>

Как видно из этих примеров, некоторые слова, кроме западногерманской подгруппы, известны еще лишь в одной, а некоторые только в западногерманской подгруппе. Если в ряде случаев наше представление о пределах распространения того или иного слова в различных древнегерманских языках и является ошибочным вследствие недостаточности известного нам лексического материала, — то все же вряд ли можно сомневаться в том, что распределение некоторых слов по отдельным языкам в общем было действительно таким, как оно отражено в памятниках. Так, например, трудно допустить, чтобы глаголы, соответствующие да. bīo(m), dōn, не вошли бы в лексику готских текстов, если бы они в действительности употреблялись в готском языке. Это же еще в большей мере относится и к скандинавским языкам, которые известны нам значительно лучше, чем готский. Следовательно, с большой долей уверенности можно полагать, что данные глаголы в самом деле были только западногерманскими словами. Для такого же утверждения имеются более или менее достаточные основания и в целом ряде других случаев. Таким образом, и в области лексики западногерманская подгруппа, а в том числе и древнеанглийский язык, отличается от других германских подгрупп своими особенностями, как и в области грамматики и фонетики.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава XVII

МОРФОЛОГИЯ

§167. При описании морфологической системы конкретного языка вся сумма многообразных вопросов, связанных с данной системой, может быть сведена к следующим двум основным проблемам: 1) каков состав (число и номенклатура) морфологических категорий в системе данного конкретного языка и 2) каковы структурные особенности образования форм, в которых эти категории проявляются: сравни, с одной стороны, наличие в английском глаголе категории последовательности (временной отнесенности: *wrote — had written*) и отсутствие подобной категории в русском глаголе (по крайней мере, в составе личных форм); сравни, с другой стороны — различие в структуре форм множественного числа, в равной мере присущих обоим языкам (*русск.* ‘женщин-ы’, ‘женщин-()’ и т. д., где множественное число выражается окончанием совместно с падежом, и *англ.* *women-’s*, где множественное число выражено различием основы раздельно от падежа).

Что касается древнеанглийского языка, то особенности его морфологической системы по сравнению с морфологической системой современного английского языка могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Состав категорий:*

§ 168. а) Больше число категорий в системе имени и меньше в системе глагола: ср., например, наличие

* Под (формальной) категорией языка автор понимает ту или иную единицу, имеющую только в высшей степени общее

категории определенности-неопределенности у древнеанглийского прилагательного (§ 172) и отсутствие подобной категории у современного английского прилагательного; с другой стороны, сравни отсутствие в древнеанглийском глаголе морфологической категории утверждения-отрицания (форм с *do*, противопоставленных формам без *do*).

б) Большее число категориальных форм**, входящих в именные морфологические категории, и меньшее число категориальных форм, входящих в глагольные морфологические категории: сравни, с одной стороны, четырех-пятипадежную древнеанглийскую систему склонения (§172) и двухпадежную современную; с другой стороны, сравни выделение древнеанглийской категории времени на основе противопоставления двух времен — настоящего и прошедшего — и выделение соответствующей современной английской категории на основе противопоставления трех времен — настоящего, прошедшего и будущего (§ 201).

в) Большой охват морфологическими категориями системы имени и меньший охват морфологическими категориями системы глагола: сравни древнеанглийскую категорию числа, характерную для всех частей речи системы имени, и соответствующую современную английскую категорию, присущую лишь существительным и некоторой части местоимений (§ 172); с другой стороны, сравни древнеанглийскую категорию залога, имевшуюся

значение, представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем (т. е. относительно более частными) видовыми значениями, и выражающую это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм. — *Ред.*

** Те формы, которые вообще относятся к данной категории, но не противопоставляются в ней, так как содержат одно и то же элементарное значение, являющееся видовым по отношению к общему значению этой категории, представляют собой нечто единое с точки зрения этой категории, одну форму этой категории или одну категориальную форму. Так, например, с точки зрения категории числа русские словоформы 'стола', 'стола', 'столам', 'столами', 'столах', 'столов' будут представлять одну и ту же категориальную форму — категориальную форму множественного числа. — *Ред.*

только в причастии (§ 201), и современную категорию залога, пронизывающую всю систему глагола.

Другими словами, с точки зрения первой проблемы древнеанглийский язык, в отличие от современного, характеризовался более развитой системой именных категорий и относительно менее развитой системой глагольных категорий.

2. Структурные особенности образования форм

§ 169. а) Более развитая система суффиксов формообразования и особенно окончаний (флексий) при полном отсутствии составных (аналитических) форм (соответствующие древнеанглийские сочетания глаголов в качестве форм еще выделять нельзя, ср. § 330).

б) Разнообразие окончаний (типоформ) для одной и той же формы: сравни древнеанглийскую форму множественного числа именительного и винительного падежей — *stān-as* *камни*, *scīp-u* *корабли*, *dēor-()* *олени*, *sun-a* *сыновья*, *pām-an* *имена*, *cild-gu* *дети* и др. — и современную английскую форму множественного числа с **-(e)s**. Следует, однако, иметь в виду, что указанное разнообразие окончаний было характерно, главным образом, для системы имени, точнее — для существительного, хотя в некоторой степени оно могло иметь место в системе глагола и в других частях речи системы имени.

в) Большее количество случаев синтетического (совместного) выражения грамматических значений, т. е. такого выражения, при котором два или несколько грамматических значений были сосредоточены в одной и той же морфеме словоформы: ср. *да. fisc-as* *рыбы* (мн. ч. им. и вн. п.), где окончание **-as** в равной мере выражало и число и падеж (именительный и винительный).

г) Малое количество случаев омонимии форм: ср. *да. dæʒ-es* *дня* и *daʒ-as* *дни* и *совр. англ. day-'s* [deɪz] *дня* и *day-s* [deɪz] *дни*. Следует заметить, однако, что указанный меньший процент омонимии форм был харак-

терен, главным образом, для системы глагола: ср. *да. help-e помогаю* — (*wē*) *help-að помогаем* и *совр. англ. (I) help-() помогаю* — (*we*) *help-() помогаем*. В системе имени процент омонимии был все же довольно высок, хотя и был ниже, чем в современном языке: ср. *да. sup-a сыну, sup-a сына, sup-a сыновья* (им. мн.), *sup-a сыновей* (вн. мн.) и *sup-a сыновей* (рд. мн.).

§ 170. Другими словами, с точки зрения второй проблемы, древнеанглийский язык, в отличие от современного языка, характеризуется более развитой системой окончаний (флексий), совместно (синтетически) выражающих грамматические значения, и отсутствием составных (так наз. «аналитических») форм. В связи с этим в трудах по английской филологии грамматический строй английского языка, в отличие от современного, часто характеризуется как особый строй и именуется «синтетическим» или «флексивным», причем иногда эти два понятия неправомерно смешиваются и, будучи оба противопоставляемы понятию «аналитический», рассматриваются в качестве синонимов. Следует отметить, что характеристика древнеанглийской системы как особого строя («флексивного» или «синтетического») является ошибочной.

В доказательство изменения строя английского языка от «флексивного» к какому-то иному «нефлексивному» строю в ряде трудов по английской филологии часто всячески подчеркивается будто бы имевшее место почти полное исчезновение флексии в ходе развития английского языка. Однако современная английская система окончаний не так уж бедна, как это кажется на первый взгляд. Дело не столько в скудости системы окончаний современного английского языка, сколько в меньшем разнообразии окончаний и в большем проценте их омонимии: ср. (*I saw him*) *gип-()*, (*I*) *gип-()*, *we gип-()*, *gип-()!* и т. д., где имеет место не отсутствие окончаний, а их омонимия, подобно *русск. 'стол-()'* — им. ед. и *'стол-()'* — вн. ед. (то же самое и в случаях типа *day-s* и *day-'s* и др.). Если учесть это, тогда различие древнеанглийского и современного

английского языка с точки зрения степени «флексивности» обоих не окажется столь значительным и уж, во всяком случае, не даст никакого основания говорить об ином, отличном строе указанных фаз развития языка: ср. *да.* (ic) sinɜ-e, (pũ) sinɜ-st, (hē, hē, hit) sinɜ-ɸ, (wě, ɜě, hīe) sinɜ-aɔ и *совр. англ.* (I) sing-(), (thou) sing-st, (he, she, it) sing-s, (we, you, they) sing-(), где количество окончаний (флексий) одно и то же, но несколько выше процент их омонимии. С другой стороны, в качестве доказательства изменения строя английского языка от «флексивного» к какому-то иному строю часто приводится факт возникновения особых, характерных для английского языка современного периода, составных (так называемых «аналитических») форм типа *is taken, is taking, has taken* и т. д., представляющих собой сочетание слов, функционально выступающее как форма (см. § 230). Действительно, подобные образования являются новшеством в английском языке и тем самым показателем происшедших в нем изменений. Однако и они не дают никакого основания говорить о разрушении «флексивности» английского языка и о возникновении нового строя. Прежде всего следует отметить, что эти формы обычно появлялись в английском языке не на месте старых флексивных форм, а наряду с ними — для выражения вновь возникших категорий и категориальных форм. Во-вторых, они не занимают господствующего положения в грамматической системе языка. В-третьих, являясь словосочетаниями, составные формы сами содержат флексивно оформленные компоненты. В-четвертых, само существование этих форм покоится на их противопоставлении простым, флексивным формам.

Еще в большей степени неправильно говорить о коренном изменении строя английского языка от «синтетического» к «аналитическому».

Слова «анализ, аналитический», а также и противоположные им по значению «синтез, синтетический», широко употребляются в лингвистической литературе. Однако нельзя сказать, чтобы они всегда понимались достаточно четко и определенно.

Вообще говоря под аналитическим языковым образованием нередко понимается такое, значение которого выражено не одним словом (а под синтетическим, соответственно,— однословное образование). Поэтому, например, *на.* old man, *да.* eald mǎn, могут быть названы аналитическими, а *русск.* 'старик' или *лат.* senex — синтетическими образованиями.

Если понимать существо дела так, то следует просто сказать, что аналитические образования являются словосочетаниями (тогда как синтетические — словами). В таком случае вообще всякий язык, состоящий из слов, сочетаемых друг с другом в речи, должен быть признан, в основном, аналитическим, так как в речи на этом языке бóльшая часть значений будет выражаться словосочетаниями: как бы ни был обширен словарный состав такого языка и как бы легко ни образовывались в нем новые слова, все же число не только возможных но и реально употребляемых в речи сочетаний слов будет больше, чем число самих слов.

Аналитичность языка, в этом смысле, есть вообще один из существенных признаков языка, важных для его функционирования и развития. Благодаря такой аналитичности с помощью некоторого ограниченного числа единиц — слов, охватываемых определенными правилами грамматического строя, оказывается возможным выразить бесчисленное количество мыслей, свободно создавать совершенно новые мысли и передавать их другим.

Иногда понятие аналитичности расширяется еще больше: под аналитическим образованием понимается тогда вообще такое, которое членится легко и четко (под синтетическим же — более слитное). При таком понимании аналитичность оказывается количественно изменяющимся и относительным признаком: могут быть более и менее аналитические образования; и образование, являющееся аналитическим по отношению к другому, может быть определено как синтетическое сравнительно с некоторым третьим, являющимся еще более аналитически построенным (соответственно этому, разумеется, понимается в таком случае и синтетичность).

Вместе с этим различие между словосочетанием и одним словом при таком понимании аналитичности (и синтетичности) делается уже не принципиальным.

СИСТЕМА ИМЕНИ

§ 171. В древнеанглийской системе имени выделялись следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимения и числительные.

§ 172. С морфологической точки зрения указанные части речи характеризовались следующими категориями:

1. Категория рода была присуща древнеанглийскому существительному, прилагательному, местоимениям (за исключением местоимений 1 и 2 лица; см. § 195) и трем количественным числительным. Роль этой категории у различных частей речи системы имени была различной. У прилагательных, местоимений и числительных род выступал как категория словоизменения (грамматическая категория): ср. *да.* им. ед. слн. *zlaed радостный, яркий, zladu радостная, яркая, zlaed радостное, яркое*; — *sē тот, sēo та, þæt то* и т. д. У существительных же род был не категорией словоизменения (грамматической категорией), а классифицирующей (лексико-грамматической) категорией; существительное не изменялось по родам, а было закреплено за определенным родом: ср. *да.* *fisc рыба* — всегда мужского рода, *scip корабль* — всегда среднего рода и *eorðe земля* — всегда женского рода. В связи с этим и другое отличие: у существительных род, являясь лексико-грамматической категорией, характеризовал слово как таковое, в то время как в прилагательном определенный род не служил признаком слова, а категория рода в целом выполняла лишь роль средства соединения слов в предложении: ср. *да.* вн. ед. слн. *zōd-ne frēond хорошего друга, zōd-e swēn хорошую женщину* и *zōd-() scip хороший корабль*.

Если вообще можно говорить о роде в современном

английском языке (на основании соотнесения с личными местоимениями 3-го лица), то необходимо иметь в виду коренное отличие рода в современном английском языке от древнеанглийской категории рода. Во-первых, древнеанглийский род, в отличие от современного, был закреплен за определенными существительными: ср., с одной стороны, древнеанглийское *cild* *ребенок* — всегда среднего рода, а, с другой стороны, — современное английское *child* с тем же значением, соотносящееся с местоимениями трех родов (*he, she, it*). Во-вторых, древнеанглийский род, в отличие от современного, был осмыслен только частично: ср., с одной стороны, древнеанглийское *mān(n)* *человек, мужчина* — всегда мужского рода и *swēn* *женщина* — женского рода, но, с другой стороны, *ða. wīf* *женщина, жена* — среднего рода и *wīf-mān(n)* *женщина* — мужского рода.

2. Категория падежа. В древнеанглийском имелось четыре падежа — именительный, винительный, дательный, родительный и остатки творительного падежа (только у прилагательных и у местоимений мужского и среднего рода): ср. *ða.* прилагательное ед. м. р. слн. *ʒlæd* *радостный, яркий* — им. п., *ʒlæd-ne* — вн. п., *ʒlad-um* — дт. п., *ʒlad-e* — тв. п., *ʒlad-es* — рд. п.; местоимение м. р. ед. *sē* *тот*, *ʒone* — вн. п., *ʒæm* — дт. п., *ʒū, ʒon* — тв. п., *ʒæs* — рд. п.; — ср. также *ða.* существительное ед. *fisc-()* *рыба* — им. п., *fisc-()* — вн. п., *fisc-e* — дт. (тв.) п., *fisc-es* — рд. п.; в последнем случае (у существительных) можно было бы предположить, ввиду совпадения окончаний в им. и вн. падежах, не четыре, а три падежа (именительный-винительный, дательный-творительный и родительный), но этому препятствует регулярное различие именительного и винительного у других существительных: ср. *ða. pām-a* *имя* — им. п., *pām-an* — вн. п., *pām-an* — дт. п., *pām-an* — рд. п. ед.; ср. также *car-u* *забота* — им. п., *car-e* — вн. п., *car-e* — дт. п., *car-e* — рд. п. (подобным же образом совпадение последних трех падежей у приведенных существительных не дает основания говорить о двухпадежной их системе ввиду регулярного различия винительного, дательного и родительного у дру-

гих существительных, ср. приведенное выше *fisc рыба*).

Следует отметить также различие роли категории падежа у существительных и прилагательных: в то время как у существительных падежная форма отражает реальные различия в отношении обозначаемого предмета к другим предметам объективной действительности, у прилагательных падежная форма оправдана лишь формой существительного, т. е. является лишь средством соединения слов: ср. *да. 3ōd-() dæз хороший день, 3ōd-не dæз хороший день (вн. п.), 3ōd-um dæз-е хорошему дню, 3ōd-е dæз-е хорошим днем, 3ōd-es dæз-es хорошего дня.*

3. Категория числа. В древнеанглийском языке имелось два числа: единственное и множественное, а также остатки двойственного числа у личных местоимений 1 и 2 лица: ср. *да. им. fisc-() рыба — fisc-as рыбы, scīp-() корабль — scīp-и корабли, sun-и сын — sun-а сыновья; 3ōd-() хороший — 3ōd-е хорошие, blind-() слепой — blind-е слепые; — но ic я — единственное число, wē мы — множественное число и wīt «мы двое» — двойственное число.* Наличие остатков двойственного числа у личных местоимений 1 и 2 лица было, повидимому, связано с более резким различием между единичностью и множественностью в этой категории слов: ведь *wē мы* не являлось, как это обычно было у существительных, простой суммой *ic + ic + ic . . .*; *wē* представляло собой или *ic + 3ē вы*, или *ic + ƿū ты*, или *ic + hīе они* и т. п., но никогда не было суммой *ic я*. Другими словами, помимо грамматического различия в формах местоимений 1 и 2 лица были и лексические различия, различия в значении, что, вероятно, и обуславливало сохранение в этой категории слов особой системы числовых различий.

Кроме того, следует указать на различия в роли категории числа у существительных и у прилагательных, аналогичные тем, которые уже были отмечены для категории падежа: у существительных — выражение реального отношения предмета к числу, а у прилагательных — средство соединения слов.

4. Категория определенности и неопределенности имела только у прилагательных: ср. *да.* им. $\mathfrak{z}\ddot{o}d\text{-}(\)\text{ fr}\ddot{e}ond$ — a good friend *хороший товарищ* и $\mathfrak{z}\ddot{o}d\text{-}a\text{ fr}\ddot{e}ond$ — the good friend *хороший товарищ*. Существенное отличие этой категории от других категорий древнеанглийского прилагательного состояло в том, что она выполняла роль не только средства соединения слов, но также выражала реальные различия в объективной действительности (определенность и неопределенность), хотя и относящиеся к предмету, обозначенному существительным, но в существительном не выраженные (ср. приведенный выше пример: $\mathfrak{z}\ddot{o}d\text{-}(\)\text{ fr}\ddot{e}ond\text{-}(\)$ — $\mathfrak{z}\ddot{o}d\text{-}a\text{ fr}\ddot{e}ond\text{-}(\)$ — с одной и той же формой существительного).

Кроме того, следует отметить, что определенность, в отличие от неопределенности, выражалась не только системой форм прилагательного, но, в известной мере, определенным артиклем (см. § 193): ср. *да.* им. ед. $s\ddot{e}\ \mathfrak{z}\ddot{o}da\text{ fr}\ddot{e}ond$ — the good friend *хороший товарищ*.

5. Категория степеней сравнения. В древнеанглийском имелось три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная: ср. *да.* $\mathfrak{z}l\ddot{a}d\text{-}(\)$ *радостный, яркий* — положительная степень, $\mathfrak{z}l\ddot{a}d\text{-}r\text{-}a$ *радостнее, ярче* — сравнительная степень, $\mathfrak{z}lad\text{-}ost\text{-}(\)$ *самый радостный, самый яркий* — превосходная степень. Эта грамматическая категория была присуща также только прилагательным (включая и образования на -e; см. § 200).

6. Относительно образований на -e (так называемых качественных наречий) см. § 200.

§ 173. Перечисленные выше категории в древнеанглийском языке выражались с помощью окончаний, т. е. флективно. Исключение составляла категория степеней сравнения прилагательного, которая выражалась при помощи суффиксов (см. § 200). Кроме того, у прилагательных и местоимений имелись супплетивные образования (см. §§ 193 и 200) и дополнительные вставные суффиксы (между основой и окончанием, см. § 197), кото-

рые в древнеанглийском выделялись лишь отчасти (см. § 197).

Склонение существительных отличалось от склонения прилагательных и местоимений бóльшим разнообразием окончаний для одной и той же формы: ср. рд. ед. *fisc-es* *рыбы*, *car-e* *заботы*, *sun-a* *сына*, *pām-an* *имени* и т. д., но рд. ед. м. р. слн. прилагательного *zōd-es* *хорошего* — всегда с одним и тем же окончанием *-es* (*blind-es* *слепого*, *heard-es* *тяжелого*, *dēor-es* *глубокого* и т. д.). Различные типы склонения существительного принято называть основами на *-o*, *-ā*, *-i* и т. д., поскольку особенности склонения существительных в древнеанглийском языке были обусловлены когда-то имевшимися у существительных суффиксами основ *-o*, *-ā*, *-i* и т. д., впоследствии утраченными или слившимися с окончаниями (подробнее см. § 225). Обычно в древнеанглийском различаются следующие основы: основы на *-o*, *-ā*, *-i*, *-u*, *-n*, *-r*, *-s*, *-nt* и корневые основы; первые четыре основы иногда объединяются в группу гласных основ (или основ на гласный), в отличие от которых основы на *-n*, *-r*, *-s* и *-nt* называются согласными основами (или основами на согласный). Основы на *-o* и *-ā* имеют разновидности, обусловленные тем, что суффикс основы в них был когда-то осложнен дополнительным суффиксом *-j-* или *-w-*, также впоследствии утраченным или слившимся с гласным основы и окончанием (см. § 225). Соответственно, различают еще основы на *-jo*, *-wo*, *-jā* и *-wā*.

Примечание. В некоторых трудах по английской филологии даются несколько иные названия (приметы) основ, не общиндоевропейские, а германские. При этом основы на *-o*, *-ā*, *-nt* выделяются соответственно, как основы на *-a*, *-ō*, *-nd*. В этой книге, однако, даются общиндоевропейские приметы основ, во-первых, потому что сама система различных основ восходит к индоевропейскому языку-основе (в германском же она уже в значительной мере перестраивается) и, во-вторых, потому, что этим облегчается сопоставление с образованиями в других языках индоевропейской семьи.

§ 174. Кроме различия основ, разнообразие окончаний у существительных было обусловлено также а) грамматическим родом и б) длительностью корневого слога.

Существительные среднего рода, в целом изменяющиеся по падежам подобно существительным мужского рода, отличались от последних, однако, тем, что именительный и винительный падежи у них регулярно совпадали; кроме того, существительные мужского и среднего рода в указанных падежах обоих чисел нередко различались и самими окончаниями: ср. м. р. им. ед.— *pān-a*, вн. *pān-an* *имя*; с. р. им. и вин. ед. *ēaze* *глаз*;— м. р. мн. им. вн.— *fisc-as* *рыбы, рыб*; с. р. мн. им. вн.— *scīp-u* *корабли*. Определенные несущественные различия имелись и между существительными мужского и женского рода, в случае, если они относились к одному и тому же типу основ (ср. например основы на -i, -n, §§ 184 и 186). В отдельных случаях склонение существительных женского рода, по сравнению со склонением существительных мужского рода, не обнаруживало вообще никаких особенностей (ср., например, основы на -u, § 185). Естественно, что различие по родам проявлялось не только в склонении существительных, но также и в склонении прилагательных и местоимений, но там оно не создавало разнообразия окончаний, поскольку род у прилагательных и местоимений был категорией словоизменения, а, следовательно, указанные особенности обнаруживались не в одной и той же форме разных слов, а в разных формах одного и того же слова: ср. им. вн. мн. *fisc-as* *рыбы, рыб* и *scīp-u* *корабли*, где различные окончания характеризуют одну и ту же форму, и *blas-e* *черные* (м. р.) и *blas-u* *черные* (с. р.), где различие в окончаниях соответствует различию форм.

Длительность корневого слога, в отличие от грамматического рода, могла обуславливать появление разнообразия окончаний не только у существительных, но также и у прилагательных. Влияние длительности корневого слога сказывалось в том, что после долгого гласного или краткого гласного + согласный в корневом

слоге наблюдалось отсутствие **-и**, а нередко и **-i** или **-e** (<**-i**) в последующем открытом слоге (см. § 130): ср. им. вн. ед. сущ. основ на **-и**: *sun-и сын*, *su-и сына* и *feld поле*; ср. также им. вн. мн. с. р. прил. *blas-и* [blá-ku] *черные*, *zōd-() хорошие*.

§ 175. В общем виде древнеанглийскую систему склонения можно представить схематически следующим образом:

СКЛОНЕНИЕ					
Именное				Местоименное	
Гласные основы	Согласные основы		Корневые	Указательные, вопросительные, неопределенные, личные 3 лица	Местоимения 1 и 2 лица
о ā i u	п	Прочие			

Как видно из приведенной таблицы, наиболее резкое различие существовало между склонением существительных (именным склонением), с одной стороны, и склонением местоимений (местоименным склонением) — с другой. Особо выделялись местоимения 1 и 2 лица, имевшие целый ряд особенностей, отличавших их от прочих местоимений (подробнее см. § 195).

§ 176. Склонение прилагательных представляло собой смешение различных склонений. Определенное (слабое) склонение в целом совпадает со склонением существительных основ на **-п** (см. § 199). В неопределенном (сильном) склонении имеет место соединение склонений основ на **-о** и **-ā** со склонением указательных, вопросительных и других местоимений. При этом основы на **-о** используются для мужского и среднего рода, основы на **-ā** — для женского рода (подробнее см. § 197).

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Склонение основ на -о

§ 177. К основам на -о относились существительные мужского и среднего рода.

1. Чистые основы на -о

а) Мужской род:

Ед. ч.

<i>Им. вн.</i>	<i>dæȝ</i> <i>день</i>	<i>fisc</i> <i>рыба</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>dæȝe</i>	<i>fisce</i>
<i>Рд.</i>	<i>dæȝes</i>	<i>fisces</i>

Мн. ч.

<i>Им. вн.</i>	<i>daȝas</i>	<i>fiscas</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>daȝum</i>	<i>fiscum</i>
<i>Рд.</i>	<i>daȝa</i>	<i>fisca</i>

Примечание 1: У двухсложных существительных, основа которых оканчивается на безударные: -el, -ol, -en, -er, -or и т. д., в формах, где -el, -ol, -en, -er, -or и т. д. не являются конечными, происходит выпадение безударного гласного: *fuȝol* *птица* — дт. ед. *fuȝle*, рд. *fuȝles* и т. д.

Примечание 2: У существительных, основы которых оканчиваются на -h, происходит выпадение -h и удлинение гласного корня в формах, где -h не является конечным: *seolh* *тюлень* — дт. ед. *sēole*, рд. *sēoles* и т. д.

б) Средний род:

Краткосложный вариант

Долгосложный вариант

Ед. ч.

<i>Им. вн.</i>	<i>scip</i> <i>корабль</i>	<i>scēap</i> <i>овца</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>scipe</i>	<i>scēape</i>
<i>Рд.</i>	<i>scipes</i>	<i>scēapes</i>

Мн. ч.

<i>Им. вн.</i>	<i>scipu, o</i>	<i>scēap</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>scipum</i>	<i>scēapum</i>
<i>Рд.</i>	<i>scipa</i>	<i>scēapa</i>

Примечание: Существительные типа **hēafod** *голова* (долгий ударный + краткий безударный слог) склоняются подобно существительному **scīp**: им. вн. мн. **hēafodu**; но такие, как **wæter** *вода* (краткий ударный + краткий безударный слог), не принимают никакого окончания в именительном и винительном множественного: **wæter** (подобно **scēap**).

В отношении приведенной парадигмы необходимо сделать следующие краткие замечания:

1. Окончания дательного падежа множественного числа на **-um** и родительного падежа множественного числа на **-a** не являлись особенностью данных основ. Они имелись в указанных формах у всех древнеанглийских существительных.

2. Характерным для всех древнеанглийских существительных являлось также совпадение окончаний именительного и винительного падежей множественного числа.

3. Само окончание им. вн. мн. на **-as** являлось характерной особенностью основ на **-o** мужского рода. Современное английское окончание **-(e)s** множественного числа восходит именно к этому окончанию, которое уже в древнеанглийском начало распространяться по аналогии на другие основы (ср., например, основы на **-i**), хотя в этот период еще не вышло за пределы мужского рода.

4. Окончание родительного падежа единственного числа на **-es**, давшее впоследствии современное английское окончание притяжательного падежа **-'s**, было характерно для основ на **-o** в целом (для мужского и среднего рода). Следует заметить, что, хотя это окончание столь же интенсивно, как и окончание **-as**, распространялось на другие типы основ, оно не перешло границ мужского и среднего рода, а, главное, единственного числа.

К основам на **-o** в древнеанглийский период относилось очень большое количество существительных. Кроме того, в указанный тип склонения переходили все новые и новые существительные, принадлежавшие ранее к другим типам или заимствованные из других языков.

2. Основы на -jo

§ 178. В основах на -jo краткосложный вариант практически отсутствует: сюда относится лишь небольшое количество существительных с корнем, оканчивающимся на звук **г**. Зато в основах на -jo существовало две разновидности долгосложного варианта. Как первая, так и вторая особенности указанных основ связаны с западногерманским удвоением согласных (см. § 51), в результате которого краткий согласный корня, за исключением **г**, был удлинен, и тем самым краткие основы превратились в долгие. Таким образом, в основах на -jo различается три варианта: а) первоначально краткие основы, удлинненные в результате западногерманского удвоения согласных, б) первоначально долгие основы и в) краткие основы, оканчивающиеся на -**ri**. По варианту (б) склоняются также имена действующих лиц (nomina agentis) с суффиксом -**ere**. Первые два варианта представлены существительными обоих родов (мужского и среднего); в третьем варианте существительные среднего рода отсутствуют.

А. Мужской род:

а)

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. вн.	brid(d) птенец	Им. вн.	briddas
Дт. (тв.)	bridde	Дт. (тв.)	briddum
Рд.	briddes	Рд.	bridda

б)

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. вн.	ende конец	Им. вн.	endas
Дт. (тв.)	ende	Дт. (тв.)	endum
Рд.	endes	Рд.	enda

в) Им. вн. **here** (< **heri**); дт. **herie**; рд. **heries** и т. д.; или с **з**, **iз**; перед гласным заднего ряда также **ize**, вместо **i**: дт. ед. **herze**, **herize**; им. вн. мн. **herias**, **herzas**, **herizas**, **herizeas** и т. д. Иногда **i** может отсутствовать (как рд. **heres**).

Б. Средний род:

а)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	bed(d) <i>ложе</i>	Им. вн.	bed(d)
Дт. (мв.)	bedde	Дт. (мв.)	beddum
Рд.	beddes	Рд.	bedda

б)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	ǣrende <i>поручение</i>	Им. вн.	ǣrendu
Дт. (мв.)	ǣrende	Дт. (мв.)	ǣrendum
Рд.	ǣrendes	Рд.	ǣrenda

3. Основы на -wo

§ 179. В основах на -wo различалось два варианта:
а) с предшествующим суффиксу основы гласным (þēow-) и б) с предшествующим суффиксу основы согласным (bearw-):

А. Мужской род:

а)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	þēo(w) <i>слуга</i>	Им. вн.	þēowas
Дт. (мв.)	þēowe	Дт. (мв.)	þēowum
Рд.	þēowes	Рд.	þēowa

б)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	bearu, <i>о роца</i>	Им. вн.	bearwas
Дт. (мв.)	bearwe	Дт. (мв.)	bearwum
Рд.	bearwes	Рд.	bearwa

Б. Средний род:

а)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	trēo(w) <i>дерево</i>	Им. вн.	trēo(w)
Дт. (мв.)	trēowe	Дт. (мв.)	trēowum
Рд.	trēowes	Рд.	trēowa

б)

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им. вн.	searu, о приспособ-	Им. вн.	searu, о
Дт. (тв.)	searwe ление	Дт. (тв.)	searwum
Рд.	searwes	Рд.	searwa

Склонение основ на -ā

§ 180. К основам на -ā относились только существительные женского рода. В этом отношении они как бы дополняли основы на -o, к которым относились существительные мужского и среднего рода. В древнеанглийском языке основы на -ā были представлены большим количеством существительных, но в дальнейшем этот тип был полностью подчинен другим типам склонения. В основах на -ā различаются, как и в основах на -o, долгосложный и краткосложный варианты, имеющие особенности в окончаниях лишь в именительном падеже единственного числа.

1. Чистые основы на -ā

а) Краткосложный вариант:

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им.	caru за-	Им. вн.	cara, е (англск.)
Вн.	бота		
Дт. (тв.)	care	Дт. (тв.)	carum
Рд.		Рд.	cara, ена (поздн. да.)

б) Долгосложный вариант:

	Ед. ч.		Мн. ч.
Им.	heord стадо	Им. вн.	heorda, е (англск.)
Вн.			
Дт. (тв.)	heorde	Дт. (тв.)	heordum
Рд.		Рд.	heorda, ена (поздн. да.)

Примечание: Позднее древнеанглийское окончание -ена в родительном падеже множественного числа объясняется аналогией с основами на -n (см. § 186).

2. Основы на -jā

§ 181. Существительные основ на -jā склонялись подобно чистым основам на -ā, за исключением того, что окончание -ена в родительном падеже множественного числа у них обычно отсутствовало:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	} brycз мост	Им. вн.	brycза, е (англск.)
Вн.		Дт. (мв.)	brycзum
Дт. (мв.)		Рд.	brycза
Рд.			

3. Основы на -wā

§ 182. В основах на -wā окончание -ена в родительном падеже множественного числа также отсутствует (как и в основах на -jā), но в отличие от основ на -jā, основы на -wā различают долгосложный и краткосложный варианты:

а) Краткосложный вариант:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	} sceadu, о тень	Им. вн.	sceadwa, е (англск.)
Вн.		Дт. (мв.)	sceadwum
Дт. (мв.)		Рд.	sceadwa
Рд.			

б) Долгосложный вариант:

Ед. ч.					
Им.	}	mǣd	луг	stōw	место
Вн.					
Дт. (мв.)		mǣdwe		stōwe	
Рд.					
Мн. ч.					
Им. вн.		mǣdwa,	e	stōwa,	e
Дт. (мв.)		mǣdwum		stōwum	
Рд.		mǣdwa		stōwa	

§ 183. Кроме того, имелась еще одна разновидность основ на **-ā** — основы на **-īn/ā**. К ним принадлежали абстрактные существительные, образованные от прилагательных: **strenzu** *сила* и др. (ср. прил. **strānз** *сильный*).

Ед. ч.

Им.	}	strenzu, о <i>сила</i>
Вн.		
Дт. (тв.)		strenze; у, о
Рд.		

Мн. ч.

Им. вн.	strenza, е (англск); у, о
Дт. (тв.)	strenzum
Рд.	strenza

Как видно из приводимой таблицы, в основах на **-īn/ā** окончание именительного падежа по аналогии распространялось на другие падежи (кроме дательного и родительного множественного числа), в результате чего существительные этого типа уже в древнеанглийском превращались в несклоняемые.

Склонение основ на **-ī**

§ 184. К основам на **-ī** относятся существительные всех трех родов. Склонение их мало отличается от склонения основ на **-о** (для существительных мужского и среднего рода) и основ на **-ā** (для существительных женского рода) в результате большого аналогического воздействия этих основ. Только несколько существительных, главным образом названия племен, народностей и т. д., сохраняют прежние окончания основ на **-ī** в именительном и винительном падежах множественного числа: **Enzle** *англы, англо-саксы*, **Seaxe** *саксы* и т. д.; однако некоторые из них подвергаются аналогическому воздействию основ на **-n**: ср. родительный падеж множественного числа **Seaxna**. Этот тип склонения, как и склонение существительных с основой на **-ā**, в дальнейшем был полностью подчинен другим типам склонения.

А. Мужской род:

а) Краткосложный вариант:

Ед. ч.

<i>Им. вн.</i>	wine друг
<i>Дт. (тв.)</i>	wine
<i>Рд.</i>	wines

Мн. ч.

<i>Им. вн.</i>	wine; winas (по аналогии с основами на -o)
<i>Дт. (тв.)</i>	winum
<i>Рд.</i>	winia, izea; wina (по аналогии с основами на -o)

б) Долгосложный вариант:

Ед. ч.

Мн. ч.

<i>Им. вн.</i>	dǣl часть		<i>Им. вн.</i>	dǣlas
<i>Дт. (тв.)</i>	dǣle		<i>Дт. (тв.)</i>	dǣlum
<i>Рд.</i>	dǣles		<i>Рд.</i>	dǣla

Старые окончания основ на -i в долгосложном варианте имели только указанные выше названия племен, народностей и т. д.

Б. Женский род:

а) Краткосложный вариант — отсутствует

б) Долгосложный вариант:

Ед. ч.

<i>Им.</i>	dǣd деяние, подвиг
<i>Вн.</i>	dǣd, e (из основ на -ā)
<i>Дт. (тв.)</i>	dǣde
<i>Рд.</i>	dǣde

Мн. ч.

<i>Им. вн.</i>	dǣde, a (из основ на -ā)
<i>Дт. (тв.)</i>	dǣdum
<i>Рд.</i>	dǣda

В. Средний род:

Существительные с краткой основой сохраняют окончание **-е (< -і)** в именительном и винительном падежах единственного числа и склоняются так же, как существительные основ на **-jo** среднего рода первоначально долгосложного варианта:

<i>Ед. ч.</i>			<i>Мн. ч.</i>	
<i>Им. вн.</i>	spere	<i>копье</i>	<i>Им. вн.</i>	speru
<i>Дт. (тв.)</i>	spere		<i>Дт. (тв.)</i>	sperum
<i>Рд.</i>	speres		<i>Рд.</i>	spera

Подобным же образом склоняются и существительные среднего рода с долгой основой, но у них отсутствует **-е** в именительном и винительном падежах единственного числа:

<i>Ед. ч.</i>			<i>Мн. ч.</i>	
<i>Им. вн.</i>	flāesc	<i>плоть, мясо</i>	<i>Им. вн.</i>	flāescu
<i>Дт. (тв.)</i>	flāesce		<i>Дт. (тв.)</i>	flāescum
<i>Рд.</i>	flāescs		<i>Рд.</i>	flāesca

Склонение основ на -и

§ 185. К этому типу склонения относятся существительные мужского и женского рода. В основах на **-и** имеются два варианта — краткосложный и долгосложный, однако существительные мужского и женского рода никаких различий в склонении не имеют. Уже в древнеанглийском этот тип склонения был подвержен аналогическому воздействию основ на **-о**; в дальнейшем он полностью перестал существовать.

а) Краткосложный вариант:

<i>Ед. ч.</i>				
<i>Мужской род</i>			<i>Женский род</i>	
<i>Им. вн.</i>	sunu; о; а сын		<i>Им. вн.</i>	duru, о; а дверь
<i>Дт. (тв.)</i>	} suna		<i>Дт. (тв.)</i>	dura
<i>Рд.</i>			<i>Рд.</i>	

Мн. ч.

Им. вн.	<i>sunā; у, о</i>	<i>dura; у, о</i>
Дт. (тв.)	<i>sunum</i>	<i>durum</i>
Рд.	<i>sunā</i>	<i>dura</i>

б) Долгосложный вариант:

Ед. ч.

Им. вн.	<i>feld поле</i>	<i>hānd рука</i>
Дт. (тв.)	} <i>felda</i>	<i>hānda</i>
Рд.		

Мн. ч.

Им. вн.	<i>felda</i>	<i>hānda</i>
Дт. (тв.)	<i>feldum</i>	<i>hāndum</i>
Рд.	<i>felda</i>	<i>hānda</i>

Склонение основ на -п

§ 186. К этому типу склонения относятся существительные мужского, женского и среднего рода (к среднему роду относилось всего несколько существительных). В целом этот тип насчитывал большое количество слов. В дальнейшем тип склонения основ на -п проявил большую устойчивость. В среднеанглийском он даже конкурировал с основами на -о. В современном английском языке имеются пережитки склонения по основам на -п: мн. число *oxen волю* (из *да. oхан*) и *children дети* (из *да. cildru* с последующим добавлением второго окончания множественного числа -п, когда прежнее окончание перестало выделяться в языке как окончание множественного числа).

Различие в склонении существительных мужского, женского и среднего рода, относившихся к основам на -п, было очень несущественным: оно ограничивалось лишь именительным и винительным падежами единственного числа. Кроме того, если учесть, что существительные среднего рода здесь были единичны, то все различие между изменением существительных сведется к именительному падежу единственного числа.

а) Мужской род:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	nāma имя	Им. вн.	nāman
Вн.	} nāman	Дт. (тв.)	nāmum
Дт. (тв.)		Рд.	nāmena
Рд.			

б) Женский род:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	tunze язык	Им. вн.	tunzan
Вн.	} tunzan	Дт. (тв.)	tunzum
Дт. (тв.)		Рд.	tunzena
Рд.			

в) Средний род:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	ēaze глаз	Им. вн.	ēazan
Вн.	ēaze	Дт. (тв.)	ēazum
Дт. (тв.)	ēazan	Рд.	ēazena
Рд.	ēazan		

Существительные мужского и женского рода основ на **-n** часто обозначают действующих лиц, т. е. являются *nomina agentis*: ср. да. **dēma** судья при **dēman** судить и **hunta** охотник при **huntian** охотиться. В дальнейшем суффикс основ на **-n** был вытеснен суффиксом **-ere** (подробнее об этом суффиксе см. § 153). Таким образом, например, совр. англ. **hunter** охотник восходит к да. **hunta** охотник только в своей корневой части.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ТИПЫ С ОСНОВОЙ НА СОГЛАСНЫЙ

Склонение основ на -г

§ 187. К основам на **-г** относится небольшое количество существительных, обозначающих родство. У каждого слова, входившего в эту группу, были свои осо-

бенности, а в целом для них была характерна большая неустойчивость парадигмы:

Ед. ч.

Им. вн.	fæder отец	brōðor брат	sweostor сестра
Дт. (тв.)	fæder	brēðer	sweostor
Рд.	fæder, res	brōðor	sweostor

Мн. ч.

Им. вн.	fæderas	brōðor, ðru	sweostor
Дт. (тв.)	fæderum	brōðrum	sweostrum
Рд.	fædera	brōðra	sweostra

Существительные **mōdor** *мать* и **dohtor** *дочь*, также относящиеся к этому типу, склоняются подобно **brōðor**, но в именительном и винительном падежах множественного числа у них может быть также окончание **-a**: **mōdra**, **dohtra**.

Склонение основ на -nt

§ 188. Основы на **-nt** представлены некоторым количеством существительных мужского рода, получившихся в результате субстантивации причастия I: ср. **да. frēond** *друг*, собственно «любящий» и слабый глагол **frēon** *любить*; **scyppend** *творец, создатель* и слн. гл. 6 **scyppan** *создавать, делать*.

В основах на **-nt** в древнеанглийском имелось две разновидности — древнеанглийские основы на **-ōnd** и древнеанглийские основы на **-end**, обнаруживавшие некоторые особенности в парадигме. Склонение основ на **-ōnd** было в общем аналогично склонению корневых основ (см. § 190) с некоторыми особенностями основ на **-o**. Существительные основ на **-end** в единственном числе склонялись по типу основ на **-o**, а во множественном числе — следующим образом: им. вн. нулевое окончание или **-e**, **-as**, дт. **-um**, рд. **-ra**.

Склонение основ на -s

§ 189. К этому склонению относились несколько существительных среднего рода, выделявшихся, в основном, тем, что во множественном числе у них регулярно сохранялся прежний суффикс основы -r- (<*-z- < *-s-, см. §§ 47—49). В современном английском языке к этому типу основы восходит слово **child — children** *ребенок* (относительно -n см. § 186).

<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
<i>Им. вн.</i>	lāmb ягненок	<i>Им. вн.</i>	lāmb<u>ru</u>
<i>Дт. (тв.)</i>	lāmb<u>e</u>	<i>Дт. (тв.)</i>	lāmb<u>rum</u>
<i>Рд.</i>	lāmb<u>es</u>	<i>Рд.</i>	lāmb<u>ra</u>

Склонение корневых основ

§ 190. К корневым основам относилось сравнительно небольшое количество существительных мужского и женского рода. Корневые основы отличались от других типов склонения тем, что у существительных, принадлежавших к этому типу склонения, происходило чередование корневого гласного. Тем самым, падежно-числовые отношения в этом типе склонения выражались не только окончаниями, но также и различием основ существительных. О происхождении чередования в корне см. § 225.

А. Мужской род:

<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
<i>Им. вн.</i>	mān(n) человек, мужчина	<i>Им. вн.</i>	men(n)
<i>Дт. (тв.)</i>	men(n)	<i>Дт. (тв.)</i>	mānn<u>um</u>
<i>Рд.</i>	mānn<u>es</u>	<i>Рд.</i>	mānn<u>a</u>

Б. Женский род:

а) Краткосложный вариант:

<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
<i>Им. вн.</i>	hn<u>u</u>tu орех	<i>Им. вн.</i>	hn<u>y</u>te
<i>Дт. (тв.)</i>	hn<u>y</u>te	<i>Дт. (тв.)</i>	hn<u>u</u>tum
<i>Рд.</i>	hn<u>u</u>te (<* y)	<i>Рд.</i>	hn<u>u</u>ta

б) Долгосложный вариант:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. вн.	bōc книга	Им. вн.	bēc
Дт. (тв.)	bēc	Дт. (тв.)	bōcum
Рд.	bēc; bōce	Рд.	bōca

§ 191. Этот тип изменения, несмотря на то, что он был представлен очень небольшим количеством существительных, довольно хорошо сохранился в современном языке: ср. *совр. англ.* **man** — **men** человек, *мужчина*, **foot** — **feet** нога, **goose** — **geese** гусь, **tooth** — **teeth** зуб, **mouse** — **mice** мышь и др. (При этом, естественно, не следует забывать и об изменениях, происшедших в парадигме этого типа существительных, в результате которых различие в основе стало связываться только с числовыми различиями: ср. § 170.)

Встает вопрос, в чем причина подобной устойчивости особенностей этой сравнительно небольшой группы существительных? Повидимому, некоторую роль сыграла их употребительность, вследствие которой было затруднено действие аналогии: слово внедрялось в сознание говорящего, прежде чем он овладевал всей системой (ср. также наибольшее число отступлений от общего правила в особо употребительных современных английских глаголах). Относительно большая употребительность этих слов была связана с характером их значений: они служили обозначением человека, частей и органов его тела, названиями распространенных животных и т. д. Однако дело не только в употребительности. Основную роль, пожалуй, сыграло то, что формы числа этих слов имели не только различие в грамматическом значении (отношении к числу), но также и дополнительный (большой или меньший) оттенок вещественного, лексического порядка. Так, древнеанглийская словоформа **mān(n)** человек отличалась от словоформы **men(n)** — им. вн. мн. — оттенком собирательности в последней (ср. супплетивное образование в русском языке: *человек* — *люди*); словоформы **Ʒēs** гуси и **mūs** мыши, в отличие от соответствующих словоформ множественного

числа, характеризовались оттенком «такая-то порода» и т. д. (ср. *русск.*— «*В доме завелись мыши*», где имеется в виду скорее не обозначение множественности, а название определенного явления); в словоформах *tēþ* *зубы* и *fēt* *ноги* обнаруживался оттенок комплексности: называлось не неопределенное количество единичных зубов или ног, а вполне определенный их комплекс, комплект — служащий органом для пережевывания пищи, органом ходьбы и т. д. (ср. *русск.*— «*У меня болят зубы*»; ср. курьезность такого словосочетания, как «*двадцать одна нога*»). Повидимому, таким же образом обусловлено сохранение особых числовых форм и у слов *ox* — *oxen* *вол*, *sheep* — *sheep* *овца*, *deer* — *deer* *олень*, *child* — *children* *ребенок*. В отношении слов *sheep* и *deer* необходимо дополнительно учитывать их особую частотность употребления, связанную с тем, что олень в Англии был самым распространенным диким животным, а овца — самым распространенным домашним животным. (Следует также учитывать ту особую роль, которую играло в жизни Англии овцеводство.)

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 192. Под местоименным склонением обычно понимается склонение указательных, вопросительных, неопределенных местоимений и местоимений 3-го лица. Местоименное склонение отличается от именного следующими двумя основными особенностями: а) специфическими окончаниями: ср. им. вн. ед. с. р. *-t* (*þæt*, *hit*) и б) вставными морфологическими элементами между корнем и окончанием: ср. *да.* рд. мн. *hi-r-a* при корне *hi-* и окончании родительного падежа множественного числа существительных на *-a* (*fisc-a*, *mānn-a* и т. д.). При этом необходимо учитывать, что с точки зрения происхождения некоторые древнеанглийские местоименные окончания (а) могут представлять собой вставные местоименные суффиксы (б). В частности это относится к древнеанглийскому местоименному окончанию мужского и среднего рода дательного падежа единственного числа *-m*,

которое восходит к местоименному вставному суффиксу ***-mm-** (< ***-zm-**): ср. г. **hi-mm-a** *сему*; ср. также русск. 'это-м-у', 'то-м-у'.

У древнеанглийских местоимений выделяются следующие специфические для местоименного склонения окончания:

1. Им. вн. ед. с. р. **-t**: **ƿæ-t**, *то*, **hi-t** *оно* при рд. ед. **ƿæ-s**, **hi-s**. В ходе дальнейшего развития английского языка **-t** вообще перестало выделяться как окончание: ср. *совр. англ.* **it**, которое больше не членится на **i-** и **-t**, а **-t** больше не связывается со значением падежа (ср. **its**, где **-s** восходит к окончанию притяжательного падежа существительных; окончание **-s** не могло бы быть добавленным к **it**, если бы **-t** воспринималось еще как падежное окончание).

2. Дт. ед. м. и с. р. **-m**, восходящее к вставному местоименному суффиксу (ср. сказанное об этом окончании выше). В современном английском языке это окончание попрежнему выделяется (**him**, **whom**), но больше не связывается со средним родом. Ср. *да.* **hi-m** при **hi-t** и **hi-s**.

3. Вн. ед. м. р. **-ne**: ср. **hi-ne** при *да.* **hi-m**, **hi-s**. В современном английском языке это окончание вообще отсутствует.

4. Им. вн. мн. трех родов — окончание на гласный: ср. **hīe** *они*, **ƿā** *те* и т. д.

К числу вставных местоименных суффиксов в древнеанглийском языке относились следующие:

1. Дт. ед. ж. р. — **-r-**: ср. *да.* **hi-r-e** *ей*.
2. Рд. ед. ж. р. — **-r-**: ср. *да.* **hi-r-e** *ее*.
3. Рд. мн. трех родов — **-r-**: ср. *да.* **hi-r-a** *их*.

§ 193. Ниже приводятся парадигмы указательных местоимений **sē**, **sēo**, **ƿæt** *тот*, *та*, *то* и **ƿēs**, **ƿēos**, **ƿis** *этот*, *эта*, *это*, личных местоимений 3-го лица и просительного и неопределенного местоимения **hwā**, **hwæt** *кто*, *что*.

Указательное местоимение *sē, sēo, þæt тот, та, то*
Ед. ч.

Мужской род	Женский род	Средний род
Им. <i>sē</i>	Им. <i>sēo (< sīo)</i>	Им. вн. <i>þæt</i>
Вн. <i>þone</i>	Вн. <i>þā</i>	Дт. { <i>þæm,</i> <i>þām</i>
Дт. <i>þæm, þām</i>	Дт. (тв.) <i>þære</i>	Тв. <i>þū, þon</i>
Тв. <i>þū, þon</i>	Рд. <i>þære</i>	Рд. <i>þæs</i>
Рд. <i>þæs</i>		

Мн. ч. трех родов
Им. вн. *þā*
Дт. (тв.) *þæm, þām*
Рд. *þāra, þæra*

Примечание: Часто значение местоимения *sē, sēo, þæt* было ослаблено, и это местоимение употреблялось в функции артикля: ср. да. *þæt lānd земля = the land*. Эти два употребления указательного местоимения *sē, sēo, þæt* в древнеанглийский период, по крайней мере в эпоху ранних уэссекских памятников, никак не отражались в каком-либо различии в системе его форм.

Указательное местоимение *þēs, þēos, þis*
этот, эта, это

Ед. ч.

Мужской род	Женский род	Средний род
Им. <i>þēs</i>	Им. <i>þēos</i>	Им. вн. <i>þis</i>
Вн. <i>þisne</i>	Вн. <i>þās</i>	Дт. { <i>þisum,</i> <i>þissum</i>
Дт. <i>þisum, þissum</i>	Дт. (тв.) <i>þisse</i>	Тв. <i>þisse</i>
Тв. <i>þisse</i>	Рд. <i>þisse</i>	Рд. { <i>þises,</i> <i>þisses</i>
Рд. <i>þises, þisses</i>		

Мн. ч. трех родов
Им. вн. *þās*
Дт. (тв.) *þisum, þissum*
Рд. *þissa*

Личное местоимение 3-го лица

Ед. ч.

Мужской род		Женский род	Средний род	
Им.	hē	Им. hēo, hīo	Им. вн.	hit
Вн.	hine	Вн. hū, hī, hīe		
Дт. (тв.)	him	Дт. (тв.)	Дт. (тв.)	him
		hire, hyre, hierē		
Рд.	his	Рд. hire, hyre, hierē	Рд.	his

Мн. ч. трех родов

Им. вн. hū, hī, hīe, hēo
 Дт. (тв.) him, heom
 Рд. hyra, hira, hiera, heora

Вопросительное местоимение hwā, hwæt кто, что

§ 194. Вопросительное местоимение **hwā, hwæt** *кто, что* употребляются только в единственном числе мужского и среднего рода:

Ед. ч.

Мужской род	Средний род
Им. hwā	hwæt
Вн. hwone	hwæt
Дт. hwæm, hwām	hwæm, hwām
Тв. —	hwū, hwī, hwon
Рд. hwæs	hwæs

О склонении притяжательных и других адъективных местоимений см. ниже в разделе прилагательных, § 198.

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица

§ 195. Личные местоимения 1-го и 2-го лица отличаются от прочих местоимений, в том числе от местоимений 3-го лица, целым рядом важных особенностей

как по линии образования форм, так и по линии состава категорий. Эти особенности, в основном, следующие:

1. Полное отсутствие категории рода: ср. *ic* я, которое могло соотноситься с любым родом, не изменяя своей формы.

2. Сохранение пережитков двойственного числа: ср. *да. ic* я — единственное число, *wē* мы — множественное число и *wit* «мы двое» — двойственное число (см. § 172).

3. Большое количество супплетивных образований: ср. *ic* я — *mē* меня, мне — *wē* мы — *ūs* нас и др.

4. Особые, не встречающиеся у других слов системы имени окончания: ср. окончание вн. падежа -с в *те-с* меня и т. д.

5. Начавшееся смешение винительного и дательного падежей, причем форма винительного падежа вытесняется формой дательного: ср. в поэтических памятниках для дательного падежа *mē* мне, а для винительного — более архаичное *мес* меня, но в прозе всегда *mē* с обоими значениями.

Ниже приводится таблица склонения местоимений 1-го и 2-го лица:

1-ое лицо

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Им.	<i>ic</i>	<i>wit</i>	<i>wē</i>
Вн.	<i>мес, mē</i>	<i>unc</i>	<i>ūsic, ūs</i>
Дт. (тв.)	<i>mē</i>	<i>unc</i>	<i>ūs</i>
Рд.	<i>mīn</i>	<i>uncer</i>	<i>ūser, ūre</i>

2-ое лицо

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Им.	<i>þū</i>	<i>ʒit</i>	<i>ʒē</i>
Вн.	<i>þес, þē</i>	<i>incit, inc</i>	<i>ēowic, ēow</i>
Дт. (тв.)	<i>þē</i>	<i>inc</i>	<i>ēow</i>
Рд.	<i>þīn</i>	<i>incer</i>	<i>ēower</i>

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 196. Как уже указывалось выше, у древнеанглийских прилагательных различалось два типа склонения: 1) сильное (неопределенное) и 2) слабое (определенное). Окончаниями обоих склонений совместно (синтетически) выражались четыре категории прилагательных — род, падеж, число и категория определенности-неопределенности: ср. *да. blind-a слепой*, где *-a* выражает именительный падеж, единственное число, мужской род и категориальную форму определенности. Категория степеней сравнения, однако, выражалась отдельно от других категорий специальными суффиксами, часто сочетающимися с различием в корневом гласном, а иногда супплетивными образованиями: ср. *да. 3læd-r-a веселее, радостнее*, где сравнительная степень выражается суффиксом *-r-*; *len3-r-a длиннее*, где со значением сравнительной степени также связано различие основ (положительная степень — *lan3-()*); ср. также супплетивное образование *да. 3ōd хороший — bet-e-r-a лучший*.

Сильное склонение прилагательных

§ 197. Подавляющее большинство древнеанглийских прилагательных в сильном (неопределенном) склонении изменялись по типу основ на *-o* (в мужском и среднем роде) и по типу основ на *-ā* (в женском роде), но при этом у прилагательных во всех трех родах имелись определенные особенности местоименного склонения:

1. Вн. ед. м. р. — окончание *-ne* (см. § 192).
2. Дт. ед. м. и с. р. — окончание *-um* (см. § 192).
3. Дт. и рд. ед. ж. р. — вставной суффикс *-r-* (см. § 192).
4. Им. вн. мн. м. р. — окончание на гласный (см. § 192). Эту особенность следует выделить, т. к. отсутствие именного окончания на *-s*, повидимому, в большой степени обусловило исчезновение категории числа у прилагательных. Как известно, категория числа является в английском языке довольно устойчивой: ср. сохранение категории числа у адъективных местоимений *this — these этом, that — those том*.

5. Рд. мн. трех родов — вставной суффикс *-r-* (см. § 192).

Ниже приводится таблица сильного склонения прилагательных:

а) Краткосложный вариант:

<i>Ед. ч.</i>			
	<i>Мужской род</i>	<i>Женский род</i>	<i>Средний род</i>
<i>Им.</i>	ǝlæd радостный, яркий	ǝladu, o	ǝlæd
<i>Вн.</i>	ǝlædne	ǝlade	ǝlæd
<i>Дт.</i>	ǝladum	ǝlædre	ǝladum
<i>Тв.</i>	ǝlade	—	ǝlade
<i>Рд.</i>	ǝlades	ǝlædre	ǝlades

<i>Мн. ч.</i>			
<i>Им. вн.</i>	ǝlade	ǝlada, e	ǝladu, o
<i>Дт. (тв.)</i>	ǝladum		
<i>Рд.</i>	ǝlædra		

б) Долгосложный вариант отличался от краткосложного лишь отсутствием *-u*, *-o* в формах им. ед. ж. р. и им. вн. с. р. мн.:

<i>Ед. ч.</i>			
	<i>Мужской род</i>	<i>Женский род</i>	<i>Средний род</i>
<i>Им.</i>	ǝōd хороший	ǝōd	ǝōd
<i>Вн.</i>	ǝōdne	ǝōde	ǝōd
<i>Дт.</i>	ǝōdum	ǝōdre	ǝōdum
<i>Тв.</i>	ǝōde	—	ǝōde
<i>Рд.</i>	ǝōdes	ǝōdre	ǝōdes

<i>Мн. ч.</i>			
<i>Им. вн.</i>	ǝōde	ǝōda, e	ǝōd
<i>Дт. (тв.)</i>	ǝōdum		
<i>Рд.</i>	ǝōdra		

§ 198. Прилагательные с долгим корневым слогом основ на *-jo*, *-jā*, оканчивающиеся на *-e* в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода, как, например, **wilde** *дикий*, в именительном падеже единственного числа женского рода и в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода принимают окончание *-u*, *-o*, не отличаясь, таким образом, ничем от прилагательных с кратким корневым слогом:

<i>Ед. ч.</i>			
	<i>Мужской род</i>	<i>Женский род</i>	<i>Средний род</i>
<i>Им.</i>	wilde <i>дикий</i>	wildu , o	wilde
<i>Вн.</i>	wildne	wilde	wilde
<i>Дт.</i>	wildum	wildre	wildum
<i>Тв.</i>	wilde	—	wilde
<i>Рд.</i>	wildes	wildre	wildes

<i>Мн. ч.</i>			
<i>Им. вн.</i>	wilde	wilda , e	wildu , o
<i>Дт. (тв.)</i>	wildum		
<i>Рд.</i>	wildra		

Примечание: Склонение прилагательных, которые раньше относились к основам на *-i* (*bruce хрупкий*, *swice обманчивый*), полностью совпало со склонением основ на *-jo*, *-jā*. Прилагательные, прежде относившиеся к основам на *-u*, в древнеанглийском представлены только формами именительного падежа единственного числа слов **wlacu** *теплый* и **swucu** *живой*.

По этому типу изменялись также притяжательные местоимения и другие адъективные местоимения, за исключением указательных местоимений.

Слабое склонение прилагательных

§ 199. Слабое склонение прилагательных в общем аналогично склонению существительных с основами на *-n*, за исключением формы родительного падежа мно-

жественного числа, где прилагательные имеют окончание **-га** (из сильного склонения), вместо **-ена, -па**. Прилагательные склоняются по слабому склонению в тех случаях, когда прилагательному предшествует определенный артикль, указательное или другое адъективное местоимение. Прилагательные в сравнительной степени, а часто и в превосходной, также имеют формы слабого склонения:

Ед. ч.

	<i>Мужской род</i>	<i>Женский род</i>	<i>Средний род</i>
<i>Им.</i>	<i>зōda</i> <i>хороший</i>	<i>зōde</i>	<i>зōde</i>
<i>Вн.</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōde</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōdan</i>
<i>Рд.</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōdan</i>	<i>зōdan</i>

Мн. ч. трех родов

<i>Им. вн.</i>	<i>зōdan</i>
<i>Дт. (тв.)</i>	<i>зōdum</i>
<i>Рд.</i>	<i>зōdra</i>

Образование степеней сравнения прилагательных

§ 200. Основным средством образования форм степеней сравнения прилагательных были суффиксы: сравнительную степень характеризовал суффикс **-r-**, превосходную — **-st-**, для формы положительной степени было характерно отсутствие суффикса. Кроме того, в форме превосходной степени перед суффиксом обычно имелся соединительный гласный, который выступал в двух вариантах: варианте **-е-** и варианте **-о-**. Вариант соединительного гласного **-е-**, в отличие от варианта **-о-**, сопровождался изменением корневого гласного в сравнительной и превосходной степенях:

а) Вариант с соединительным гласным **-о-** без изменения корневого гласного:

<i>Положительная степень</i>	<i>зlæd</i> <i>радостный, весёлый</i>
<i>Сравнительная степень</i>	<i>зlædra</i>
<i>Превосходная степень</i>	<i>зladost, зlædost</i>

б) Вариант с соединительным гласным **-e-** с изменением корневого гласного:

<i>Положительная степень</i>	lānȝ <i>длинный</i>
<i>Сравнительная степень</i>	lenȝra
<i>Превосходная степень</i>	lenȝest

Прилагательные в сравнительной степени склоняются по слабому склонению. Реже это относится и к прилагательным в превосходной степени, которые иногда могут иметь формы сильного склонения.

Для некоторых прилагательных характерно супплетивное образование степеней сравнения:

<i>Положительная</i>	<i>Сравнительная</i>	<i>Превосходная</i>
zōd <i>хороший</i>	betera	betst
yfel <i>плохой</i>	wiersa	wierest
micel <i>большой</i>	māra	māest
lytel <i>малый</i>	lāessa	lāest

Проблема так называемых «качественных наречий»

В древнеанглийском языке у качественных прилагательных имелись образования на **-e**, аналогичные современным английским образованиям на **-ly**:

lānȝ <i>долгий</i>	lānȝ-e <i>долго</i>
nearu <i>узкий</i>	nearw-e <i>узко</i>
dēop <i>глубокий</i>	dēop-e <i>глубоко</i>

Примечание: Прилагательные, оканчивавшиеся в древнеанглийском языке на **-e** (§ 198), второго **-e** не прибавляли:

blīde <i>веселый</i>	blīde <i>весело</i>
-----------------------------	----------------------------

Обычно древнеанглийские образования на **-e**, образованные от качественных прилагательных, именуются качественными наречиями и тем самым выделяются в другую часть речи. Представляется, однако, что было бы более правильным рассматривать эти образования в качестве форм качественных прилагательных.

Прежде всего, следует указать на отсутствие у образований на **-e** различия в вещественном (собственно лексическом) значении: ср. *да. dēop глубокий — dēope глубоко; heard тяжелый — hearde тяжело*. Значение, различающее образования с суффиксом **-e** и образования без этого суффикса, является чисто грамматическим, поскольку оно, во-первых, является дополнительным к основному вещественному значению, а, во-вторых, передает отношение (признака к процессу). Кроме того, нельзя упускать из виду, что образования на **-e** сближаются с качественными прилагательными наличием категории степеней сравнения; отсутствие же категорий числа, падежа и рода у этих образований представляется вполне понятным, если учесть ту особую роль, которую перечисленные категории играют в системе прилагательных (§ 172).

СИСТЕМА ГЛАГОЛА

§ 201. Древнеанглийская система глагола характеризовалась следующими категориями:

1. Категория, выделяемая на основе противопоставления процессных, субстантивных и адъективных форм глагола. В лингвистической литературе эта категория не получила определенного названия. В древнеанглийском языке личные (процессные) формы противопоставлялись формам причастия (адъективным формам) и формам инфинитива (субстантивным формам); герундий в древнеанглийском языке отсутствовал. Формы причастия и инфинитива принято объединять под общим названием неличных или именных форм глагола.

2. Категория наклонения. В древнеанглийском имелось три наклонения — изъявительное, повелительное и сослагательное: ср. *да. hilpst помогаешь, help помогай и helpe помогал бы* (2-ое лицо). Древнеанглийское сослагательное наклонение характеризовалось довольно широким значением и соответственно большей частотностью употребления форм сослагательного наклонения: ср. употребление форм сослагательного на-

клонения в косвенной речи: *Hē sǣde þēah þæt þæt lānd sīe swīpe lānȝ norþ þonan.* Он сказал все же, что та земля очень протяженна на север оттуда — с формой сослагательного наклонения в придаточном предложении (*sīe*). У неличных форм, как было указано выше, категория наклонения отсутствовала.

3. Категория времени. Древнеанглийская категория времени характеризовалась меньшим количественным составом категориальных форм (частных категорий), ее составляющих. В древнеанглийском имелось два времени: настоящее и прошедшее: ср. *ða. (ic) helpe* *помогаю, (ic) healp* *помогал*. Реальные отношения будущего времени обозначались формами настоящего времени: ср. *ða. ic nāt hwænne mine dazas āȝāne bēoþ* *Я не знаю, когда мои дни пройденными будут*, — где в придаточном предложении употреблена форма настоящего времени.

4. Категория числа. В древнеанглийском глаголе различалось два числа — единственное и множественное: ср. *ða. (ic) helpe* *помогаю, (wē) helpað* *помогаем*.

5. Категория лица, представленная в древнеанглийском тремя лицами — первым, вторым и третьим: ср. *(ic) helpe* *помогаю, (þū) hilpst* *помогаешь, (hē) hilpð* *помогает*. Во множественном числе различия между лицами не проводилось: ср. *ða. (wē, ȝe, hie) helpað* *помогаем, помогаете, помогают*.

6. Категория залога не проходила через всю систему глагола. Она выделялась в противопоставлении только форм причастия переходных глаголов: причастие I этих глаголов выражало действительный залог (*singende* — *поющий*), а причастие II — страдательный залог (*[(ȝe)-sunȝen]* *спетый*). Сочетания глагола *we-san/bēon* и *weorðan* с причастием II в древнеанглийском еще нельзя считать составной (аналитической) формой (подробнее см. § 230).

7. Категория последовательности (временной отнесенности) имелась также лишь в формах причастия, но, в отличие от категории залога, независимо от переходности: ср. *ða. farende* — *едущий* и *(ȝe)-fa-*

ren, -færen — *уехавший*. Почему сочетания глаголов **wesan/bēon** и **habban** с причастием II не являлись составной (аналитической) формой, см. § 230.

8. Категория вида. В древнеанглийском имелось два вида — совершенный и несовершенный: ср. *да. dōn* и *ze-dōn* *делать* и *сделать*. Различение вида было наполовину лексическим. Вид выражался приставками, но последние часто вносили изменение не только в грамматическое, но и в лексическое значение глагола, т. е. являлись уже не формообразующим, а словообразующим средством: ср. *да. slēan* *бить* и *of-slēan* *убивать*.

Система вида в древнеанглийском глаголе оказалась неустойчивой. Во-первых, как уже было сказано выше, приставка часто вносила изменение в лексическое (вещественное) значение глагола. Во-вторых, не все глаголы могли принимать приставки. Если у глагола уже была приставка (например, *on-zīpan* *начинать*), вторая приставка обычно не присоединялась. Таким образом, огромная масса глаголов не различала вида и подорвала эту систему. В русском языке, как известно, категория вида также выражается приставками: ср. *русск. 'делать — сделать'*. Но в русском языке для выражения вида используются также суффиксы: если при образовании совершенного вида с помощью префикса происходит изменение лексического значения глагола, существует возможность при помощи суффикса вновь образовать несовершенный вид уже без изменения лексического значения глагола: ср., с одной стороны, *русск. 'делать — переделать'* и, с другой стороны, *русск. 'переделать — переделывать'*. В дальнейшем категория вида в английском языке была утрачена (современная категория вида, выделяемая на основе противопоставления форм длительного и общего видов, не является продолжением древнеанглийской категории вида). Кроме изложенных выше обстоятельств, исчезновению категории вида способствовала, повидимому, редукция приставок, особенно тех, которые не вносили изменения в лексическое значение глагола (приставки *ze-, ā-* и др.).

9. Кроме того, в неличных формах имелась категория падежа (у причастий и инфинитива) и категория рода (только у причастий). Падежная система причастий ничем не отличалась от падежной системы имени. Инфинитив же имел двухпадежную систему: неопределенный и дательный падежи. Последний выражал целенаправленность, целеустремленность: ср. *da. writan писать — writenne «для того, чтобы писать»*. Обычно форма дательного падежа инфинитива употреблялась с предлогом *tō: (tō) writenne*. Однако формой дательного падежа являлся только определенным образом оформленный инфинитив (с окончанием *-enne*) без предлога: ср. *русск. 'в столе'*, где формой дательного падежа слова 'стол' является именно 'стол' (без предлога), хотя указанная словоформа без предлога и не употребляется. Впоследствии предлог в сочетании с формой дательного падежа инфинитива превратился в частицу, употребляемую перед инфинитивом и служащую ее показателем. Однако в некоторых случаях частица *tō* в современном английском языке отсутствует перед формой инфинитива. Главным образом, это имеет место в тех сочетаниях, в которых в древнеанглийском не использовалась форма дательного падежа инфинитива: ср. сочетания «недостаточных» глаголов с инфинитивом.

Причастие в древнеанглийском языке, кроме указанных выше категорий залога и последовательности (временной отнесенности), имело также категории падежа, числа и рода, характерные для древнеанглийского прилагательного (об этих категориях см. § 172).

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА

§ 202. С точки зрения выражения перечисленных выше категорий древнеанглийский глагол характеризовался следующими особенностями:

1. Бóльшим, чем в системе имени, разнообразием средств выражения грамматических категорий: кроме

окончаний (*help-e помогаю — helpað помогаем*) в системе глагола очень широко использовалось чередование (особенно гласных): (*ic*) *helpe помогал бы* (настоящее время сослагательного наклонения) — (*ic*) *hulpe помогал бы* (прошедшее время сослагательного наклонения); значительно бóльшую роль играла суффиксация (*ic*) *lōco-d-e смотрел*, где суффикс **-d-** выражает прошедшее время), а некоторую роль также и префиксация (*writan писать — ā-writan написать*, где приставка выражает совершенный вид), вообще не использовавшаяся в системе имени для образования форм.

2. Значительно меньшим, чем в системе имени, разнообразием окончаний для одной и той же формы (*hīe*) *helpað, bindað, farað, sērað, lōsiað помогают, связывают, путешествуют, хранят, смотрят*), но бóльшим разнообразием типов чередования (*bindan связывать — (hīe) bundon связывали* с чередованием **i : u**, но *nitān брать — (hīe) nōton брали* с чередованием **i : ō**).

3. Более частым, чем в системе имени, выражением одного грамматического значения совокупностью нескольких средств: ср. *да. (hīe) helpað помогают — (hīe) hulpon (они) помогали*, где время выражается одновременно и различием в основе и окончаниями.

В древнеанглийском языке было два основных типа глаголов — сильные и слабые. Основное различие между этими двумя типами состояло в том, что слабые глаголы, в отличие от сильных, использовали для образования прошедшего времени дентальный суффикс (большей частью **-d-**, но также и **-t-**, **-ð-** и т. д.): ср. *да. dēman судить, думать — прош. вр. dēm-d-e — слабый глагол и helpan помогать — прош. вр. healp — сильный глагол*. Кроме этого основного различия, между глаголами слабыми и сильными имелся также ряд других нерегулярно проводившихся или более частных различий. Прежде всего следует отметить особую роль чередования в системе сильных глаголов и его небольшую роль, ограниченную, главным образом, чередованием согласных (ср. *fremman — fremede продвигать, совершать* с чередованием удвоенного и простого со-

гласного, *habban* — *hæfde* *иметь* с чередованием удвоенного взрывного и простого фрикативного) в системе слабых глаголов (ср. приведенный выше пример с *dēman* и *helpan*). Различие между сильными и слабыми глаголами заключалось, далее, в способе образования формы причастия II. У слабых глаголов для образования указанной формы использовался дентальный суффикс, в то время как у глаголов сильных причастие II имело суффикс **-n-**: ср. *да. (ʒe)-dēmed* — причастие II слабого глагола *dēman* *судить, думать* и *(ʒe)-holpen* та же форма сильного глагола *helpan* *помогать*. Однако в некоторых, правда довольно редких, случаях данное правило могло нарушаться: ср. *да. būan* *населять, возделывать землю, жить* с прошедшим временем *būde*, имеющим дентальный суффикс, но с формой причастия II *(ʒe)-būn*, образованной при помощи суффикса **-n-**. Кроме того, сильные и слабые глаголы отличались окончаниями прошедшего времени изъявительного наклонения единственного числа (подробнее см. §§ 212 и 217).

Помимо слабых и сильных глаголов, в древнеанглийском выделяется численно довольно ограниченная группа претерито-презентных глаголов, которые могут быть охарактеризованы как смешанные, совмещающие особенности сильных и слабых глаголов (см. § 218), и еще меньшая группа неправильных глаголов с супплетивными формами и другими присущими каждому глаголу в отдельности особенностями (см. §§ 219 — 222).

Сильные и слабые глаголы (особенно сильные) не представляют собой однородной массы. Обычно они подразделяются на классы или группы. При этом наибольшее разнообразие типов было характерно для сильных глаголов. Традиционно у сильных глаголов выделяется семь классов, у слабых — только три класса. Однако это традиционное подразделение на классы, основанное на их происхождении (см. § 227), не отражает реальной картины многообразия типов сильных глаголов. Фактически в сильных глаголах различается гораздо большее количество типов (ср. §§ 204 — 210).

В общем систему древнеанглийского спряжения можно представить в виде следующей таблицы:

СПРЯЖЕНИЕ											
Сильные							Слабые			Прочие	
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	Претерито- презентные	Частные случаи

Сильные глаголы

§ 203. Подразделение сильных глаголов на классы проводится на основе различия в чередовании корневого гласного. При этом обычно учитывается чередование гласного, имевшее место в германском языке-основе или, по крайней мере, в период, предшествующий формированию особенностей западногерманских языков. В связи с этим, во-первых, в древнеанглийском языке выделяется обычно меньшее, чем было в действительности, количество типов чередования корневых гласных. Так например, глаголы **bindan** *связывать* и **helpan** *помогать*,—оба относятся к третьему классу, но имеют различные чередования корневого гласного—**bindan** *связывать*: **bānd** *связывал*: **bundon** *связывали*: **bunden** *связанный* с чередованием **i:ā:u:u** и **helpan** *помогать*: **healp** *помогал*: **hulpen** *помогали*: **holpen** *помогавший* с чередованием **e:ea:u:o**; во-вторых, указывается меньшее количество ступеней чередования: ср. *да.* **helpan**—**healp**—**hulpon**—**holpen** *помогать*, относящиеся к третьему классу на основании наличия четырех ступеней чередования—**e:ea:u:o**, между тем как в древнеанглийском в этом глаголе имеется не четыре, а пять ступеней чередования—**e:i:ea:u:o** (ср. *да.* **hilpst** *помогаешь*—с корневым гласным **i**).

В древнеанглийском сильном глаголе традиционно различаются четыре варианта основы (ср. **help-** в **helpan**, **healp-** в **healp**, **hulp-** в **hulpon** и **holp-** в **holpen**), которые иногда называются первым, вторым, третьим и четвертым вариантами основы, и обозначаемые в этой книге римскими

цифрами I, II, III, IV. От первого варианта основы образуются формы настоящего времени в широком смысле слова, т. е. изъявительное, повелительное и сослагательное наклонения настоящего времени и формы причастия I и инфинитива; от второго варианта основы — 1-ое и 3-е лицо единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения; от третьего — 2-ое лицо единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения и прошедшее время сослагательного наклонения (независимо от лица и числа); от четвертого — причастие II.

Для иллюстрации вариантов основ сильных глаголов удобно брать не основы, а конкретные формы, образованные от этих основ. В качестве таких форм в трудах по английской филологии обычно приводятся следующие формы: форма инфинитива для иллюстрации первого варианта основы; (например, **helpan**, где **-an** является суффиксом инфинитива); форма 1-го лица единственного числа прошедшего времени изъявительного наклонения — для второго варианта основы (например, **healp** — с нулевым окончанием); форма множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения — для третьего варианта основы (например, **hulpon**, где **-on** является окончанием множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения); форма причастия II — для четвертого варианта основы (например, **holpen**, где **-en** характеризует причастие II).

Классы сильных глаголов

1-й класс сильных глаголов

§ 204. Первый класс сильных глаголов первоначально характеризовался общегерманским чередованием — $\bar{i} : *ai : i : i$.

В связи с переходом общегерманского дифтонга $*ai > \bar{a}$, в древнеанглийском это чередование выглядит иначе:

I	II	III	IV
\bar{i}	\bar{a}	i	i
wrītan <i>писать</i>	wrāt	writon	writen

В глаголах первого класса иногда наблюдается также чередование согласных, обусловленное старым озвончением по закону Вернера (см. § 34):

I	II	III	IV
snīðan <i>резать</i>	snāþ	snidon	sniden

Кроме того, в отдельных случаях в инфинитиве глаголов первого класса имеется корневой гласный ēо в результате преломления ī (см. § 91) перед h с последующим стяжением гласных (см. § 69), вызванного выпадением h:

I	II	III	IV
tēon <i>уличать</i>	tāh	tiȝon	tiȝen

2-ой класс сильных глаголов

§ 205. Второй класс имел общегерманское чередование — *eû/*iû:*aû:*û:*ũ.

В результате изменения общегерманских дифтонгов и развития *ũ в древнеанглийском это чередование выглядит следующим образом:

I	II	III	IV
ēо	ēa	u	o
flēoȝan <i>летать</i>	flēaȝ, h	fluȝon	floȝen

Во втором классе имеется также некоторое количество глаголов, в которых отражается чередование согласных по закону Вернера:

I	II	III	IV
cēosan <i>выбирать</i>	cēas	curoȝ	coren

Также имеет место и стяжение гласного, вызванное выпадением h (см. выше):

I	II	III	IV
tēon <i>тянуть</i>	tēah	tuȝon	toȝen

Кроме того, в составе глаголов 3-го класса имеется некоторое (довольно небольшое) количество глаголов

со старым *ū* в основе настоящего времени (аористно-презентных образований: ср. § 227):

I	II	III	IV
<i>būzan</i> <i>сгибать</i>	<i>bēaz, h</i>	<i>buzon</i>	<i>bozen</i>

К этим глаголам относятся также *lūcan* *запирать*, *brūcan* *нуждаться*, *dūfan* *нырять*, *lūtan* *нагибаться*, *scūfan* *толкать*, *двигать*, *slūpan* *проскальзывать*, *sūpan* *пробовать*.

3-й класс сильных глаголов

§ 206. Третий класс характеризовался общегерманским чередованием — *e/i: *a: *ū: *û* и наличием после чередующегося гласного сонорного согласного. Кроме того, в древнеанглийском языке к третьему классу могут принадлежать также глаголы, имеющие после чередующегося гласного *h* или *ʒ* + согласный. В древнеанглийском языке, в связи с особенностями развития звуков *e/i*, **a*, **û* (см. таблицу гласных), это чередование выглядит иначе. В третьем классе различаются три основных варианта: (а) с носовым + согласный после чередующегося гласного, (б) со звуком *l* + согласный и (в) со звуком *g* или *h* + согласный после чередующегося гласного.

а) Вариант «носовой + согласный»:

I	II	III	IV
<i>i</i>	<i>ā</i>	<i>u</i>	<i>u</i>
<i>bindan</i> <i>связывать</i>	<i>bānd</i>	<i>bundon</i>	<i>bunden</i>

б) Вариант «*l* + согласный»:

I	II	III	IV
<i>e</i>	<i>ea</i>	<i>u</i>	<i>o</i>
<i>helpan</i> <i>помогать</i>	<i>healp</i>	<i>hulpon</i>	<i>holpen</i>

в) Вариант «г или h + согласный»:

I	II	III	IV
eo	ea	u	o
ceorfan <i>резать</i>	cearf	curfon	corfen
feohtan <i>сражаться</i>	feaht	fuhton	fohten

Иногда вариант (б) может иметь гласный ie/y в основе настоящего времени в результате дифтонгизации (см. § 98):

I	II	III	IV
Ʒieldan <i>платить</i>	Ʒeald	Ʒuldon	Ʒolden

Кроме того, к третьему классу относится некоторое количество глаголов, имеющих частные отклонения в чередовании:

I	II	III	IV
breƷdan <i>размахивать</i>	bræƷd	bruƷdon	broƷden
frīƷnan, frīnan <i>осведомляться</i>	fræƷn	fruƷnon, fruƷnen, frūnon	frūnen
streƷdan <i>сеять</i>	stræƷd	struƷdon	stroƷden

также и некоторые другие глаголы.

4-й класс сильных глаголов

§ 207. Четвертый класс, первоначально имевший общегерманское чередование e/i : *a : *ē₁ : *ū, в соответствии с происшедшими в древнеанглийском изменениями звуков *a, *ē₁, *ū (см. таблицу гласных) расщепился на два варианта: (а) с носовым согласным и (б) с согласными г или l после чередующегося гласного. В отношении согласных этот класс характеризовался наличием любого сонорного без последующего согласного после чередующегося гласного.

а) Вариант с носовым после чередующегося согласного:

I	II	III	IV
i	ā, ō	ō	u
nīman <i>брать</i>	nām, nōm	nōmon	nūmen

б) Вариант с **г** или **l** после чередующегося гласного

I	II	III	IV
e	æ	ǣ	o
beran <i>нести</i>	bær	bǣron	boren
stelan <i>красть</i>	stæl	stǣlon	stolen

Кроме того, от общего типа отклоняется глагол **cuman** *приходить*:

I	II	III	IV
cuman	c(w)ōm	c(w)ōmon	cumen

Особенности первой и четвертой формы основы объясняются, повидимому, имевшимся в них звуком **w** (|| 2. **qīman** [kwīman]).

5-ый класс сильных глаголов

§ 208. Пятый класс, первоначально характеризовавшийся чередованием **е/і: *а: *ē** : **е/і** и любым согласным, кроме сонорного, после чередующегося гласного, в древнеанглийском представлен в четырех различных вариантах: (а) вариант с **е** в основе настоящего времени, (б) вариант с **і** в основе настоящего времени и с удвоением согласного после чередующегося гласного (обе особенности связаны с тем, что в основе настоящего времени имелся суффикс **j**: ср. § 51 и § 81), (в) вариант с чередованием согласных по закону Вернера (см. § 34) и (г) вариант с дифтонгизированным гласным после палатального согласного (см. § 98):

а)

I	II	III	IV
e	æ	ǣ	e
metan <i>измерять</i>	mæt	mǣton	meten

б)

I	II	III	IV
i + удв. согл.	æ	ǣ	e
sittan <i>сидеть</i>	sæt	sǣton	seten

в)

I	II	III	IV
e	æ	ǣ	e

(и чередование, обусловленное законом Вернера)

сweðan *сказать* cwærp cwǣdon cweðen

I	II	III	IV
г) ie (> y > i)	ea	ēa	ie (y, i)
ȝiefan <i>давать</i>	ȝeaf	ȝēafon	ȝiefen

Кроме того, в числе глаголов пятого класса имеются глаголы со стяжением гласного в результате выпадения h (см. §§ 69 и 113) и другими отклонениями:

I	II	III	IV
sēon <i>видеть</i>	seah	sǣzon	sezen
		sāwon	sewen
		sēzon	

6-ой класс сильных глаголов

§ 209. Шестой класс, характеризовавшийся общегерманским чередованием *a:ō:ō:*a, в древнеанглийском распался на два варианта: (а) вариант с а в основе настоящего времени и (б) вариант с е и удвоенным согласным в основе настоящего времени (обе особенности связаны с тем, что в этой основе в более ранний период имелся j, вызвавший палатальную перегласовку корневого гласного и удвоение согласного: см. §§ 51 и 81).

а)

I	II	III	IV
a	ō	ō	a
scacan <i>трясти</i>	scōc	scōcon	scacen

б)

I	II	III	IV
e + удв. согл.	ō	ō	a
hebban <i>поднимать</i>	hōf	hōfon	hafen

Кроме того, несколько глаголов шестого класса имело стяжение гласного в результате выпадения **h** (см. § 59) и чередование согласных, обусловленное законом Вернера (см. § 34):

I	II	III	IV
slēan <i>бить</i>	slōȝ , h	slōȝon	slæȝen

Глагол **stāndan** *стоять* в основе настоящего времени и основе причастия имеет инфикс **-n-**:

I	II	III	IV
stāndan	stōd	stōdon	stānden

7-ой класс сильных глаголов

§ 210. Седьмой класс сильных глаголов включает в себя глаголы, которые ранее образовывали прошедшее время с помощью частичного удвоения корня (ср. г. **haitan** *называть* — **haihait** *назвал*). В древнеанглийском языке удвоение (вернее, его следы) сохранилось лишь в единичных случаях: ср. да. прош. **heht** от **hātan** *называть, велеть*; **leolc** от **lācan** *играть*; **reord** от **rædan** *советовать*; **ondreord** от **ondrædan** *бояться*; **leort** (< *leolt) от **lætan** *оставлять*. В седьмом классе различается обычно два варианта: (а) с **ē** в обеих основах прошедшего времени и (б) с **eo** в обеих основах прошедшего времени. Что касается гласного двух других основ, то он мог быть весьма различным.

а) с **ē** в основах прошедшего времени:

I	II	III	IV
hātan <i>называть</i>	hēt , heht	hēton , hehton	hāten

б) с **eo** в основах прошедшего времени:

I	II	III	IV
feallan <i>надать</i>	fēol (l)	fēollon	feallen

§ 211. Кроме того, среди глаголов седьмого класса были также глаголы, которые имели стяжение гласного

в результате выпадения **h** (см. § 59) и чередование согласных, обусловленное законом Вернера (см. § 34).

I	II	II	IV
fōn <i>ловить</i>	fēnȝ	fēnȝon	fānȝen
hōn <i>висеть</i>	hēnȝ	hēnȝon	hānȝen

Как это видно из приведенного обзора, система сильных глаголов, ранее представлявшая собой сравнительно четкую систему (см. § 227), ко времени древнеанглийских письменных памятников необычайно усложнилась, распавшись на большое количество частных вариантов и исключений, объединяемых в семи классах часто только благодаря общности их происхождения. Это обстоятельство было одной из главных причин уменьшения в дальнейшем роли сильных глаголов в английском языке и массового перехода сильных глаголов в слабые (см. § 215).

Спряжение сильных глаголов

§ 212. Об использовании вариантов основ сильных глаголов см. выше (§ 203). Здесь же следует отметить, что, кроме традиционно выделяемых четырех вариантов основ, у ряда сильных глаголов (за исключением тех, которые имели **ī** или **ē** в инфинитиве) существовал пятый вариант основы, от которой образовывались формы 2-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения. Этот вариант основы возник сравнительно поздно — в результате палатальной перегласовки корневого гласного перед звуком **i**, который первоначально служил соединительным гласным между основой и окончаниями 2-го и 3-го лица **-st** и **-p** (см. § 227). В древнеанглийском этот соединительный гласный в большинстве случаев был утрачен. Различение двух вариантов основы в настоящем времени проводилось нерегулярно. Очень часто происходило обобщение по аналогии гласного, не подвергшегося палатальной перегласовке.

В связи с обычным выпадением соединительного гласного во 2-ом и 3-ем лице единственного числа на-

стоящего времени изъявительного наклонения в указанных формах происходила ассимиляция последнего согласного корня и окончания: ср. *да. bindest связываешь* — с сохранением соединительного гласного и *bintst* — с выпадением, ср. также *bindep — bint связывает*.

Ниже приводится таблица спряжения сильных глаголов:

Настоящее время

Инфинитив

helpan *помогать* | **bindan** *связывать*

Изъявительное наклонение

1. ед. helpe	binde
2. ед. hilpst	bintst
3. ед. hilpǣ	bint
Мн. helpað	bindað

Сослагательное наклонение

Ед. helpe	binde
Мн. helpen	binden

Повелительное наклонение

2. ед. help	bind
2. мн. helpað	bindað

Причастие 1-ое

helpende | **bindende**

Прошедшее время

Изъявительное наклонение

1. ед. healp	bānd
2. ед. hulpe	bunde
3. ед. healp	bānd
Мн. hulpon	bundon

Сослагательное наклонение

Ед. hulpe	bunde
Мн. hulpen	bunden

Причастие 2-ое

(3e)-holpen | (3e)-bunden

(О выражении вида, о падежных формах инфинитива и о склонении причастия см. § 201.)

Слабые глаголы

§ 213. Древнеанглийские слабые глаголы разделяются на три класса — первый, второй и третий. Классификация слабых глаголов производится на базе различия основообразующего суффикса, ко времени древнеанглийских письменных памятников частично или полностью утраченного. Хотя в слабых глаголах и имеется чередование гласных, а также и согласных в корне, но оно, однако, не играет столь большой роли, как у сильных глаголов, а, главное, своим происхождением обязано различию в суффиксе основы или различию в развитии последнего. Во всех случаях чередование в слабых глаголах имеет более позднее происхождение.

1-ый класс слабых глаголов

§ 214. Первый класс слабых глаголов характеризовался наличием суффикса **-i/-j-** в основе, который сохраняется в древнеанглийском в виде **-e/-i-** в причастии 2-ом, часто в прошедшем и иногда в настоящем времени: ср. *da. nerian спасать, neredе спасал и nered спасенный*. Во многих случаях, однако, этот суффикс отсутствует. Поскольку наличие или отсутствие суффикса, а также распределение **-i-** и **-j-** в первом классе зависело от долготы слога (см. § 51 и § 130), что в большой мере отразилось на истории конкретных глаголов, принято выделять два варианта этого класса — долгосложный и краткосложный варианты.

а) Краткосложный вариант характеризуется двумя особенностями: (1) сохранением суффикса основы в прошедшем времени, а также в настоящем, если со-

гласный корня не был удвоен западногерманским удвоением согласных (звук *g* любого происхождения удвоению не подвергался: см. § 51):

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
<i>erian пахать</i>	<i>erede</i>

и (2) удвоением конечного согласного корня (кроме *g*) перед окончаниями *-an*, *-að*, *-e* (за исключением повелительного наклонения), *-en*, *-ende*:

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
<i>fremman совершать</i>	<i>fremede</i>

б) Долгосложный вариант, напротив, характеризовался (1) отсутствием суффикса основы и (2) отсутствием удвоения согласного корня. Первая особенность была особо важной, т. к. в результате выпадения суффикса основы происходило столкновение конечного согласного корня с дентальным суффиксом прошедшего времени, что в ряде случаев приводило к ассимиляции и к переходу глаголов долгосложного варианта в неправильные глаголы:

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
<i>fēdan кормить</i>	<i>fēdde</i>

Ассимиляция в этом случае не могла иметь места, но столкновение двух согласных обусловило сокращение гласного в среднеанглийском, в результате которого между формами прошедшего и настоящего времени возникло различие в длительности гласного, а затем и в его качестве: ср. *совр. англ. feed* [fi:d] — *fed* [fed].

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
<i>cēpan хранить</i>	<i>cēpte</i>

В этом случае столкновение согласного корня с дентальным суффиксом вызвало оглушение последнего; кроме того, уже в среднеанглийском здесь произошло подобное же сокращение гласного перед двумя соглас-

ными; в результате — современный неправильный глагол **keep—kept**.

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
sendan <i>посылать</i>	sende

Здесь произошло упрощение двух **dd** в сочетании с третьим согласным; соответствующий современный английский глагол — также неправильный: **send — sent** (глухой согласный по аналогии с глаголами типа **keep—kept**).

Примечание: Основы, удлиненные в результате западногерманского удвоения согласных иногда относятся к долго-сложному варианту: ср. да. **settan** *помещать* — прош. **sette**.

В первом классе слабых глаголов имеется некоторое количество таких, которые имели суффикс **-i/-j-** только в настоящем времени. В этих случаях также имеет место столкновение согласного корня с суффиксом прошедшего времени, с их ассимиляцией, но в отличие от разобранных выше случаев, эта ассимиляция очень древняя:

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
sēsan <i>разыскивать</i>	sōhte
bycʒ(e)an <i>покупать</i>	bohte

Кроме того, как можно видеть из приведенных выше глаголов, наличие суффикса **-i/-j-** в настоящем времени и его отсутствие в прошедшем создало различие в гласном основы, так как палатальная перегласовка могла здесь происходить только в первом варианте основы. Однако чередование гласных является значительно более молодым.

2-ой класс слабых глаголов

§ 215. Второй класс слабых глаголов характеризовался германским суффиксом ***-ō-**, сохранившимся в виде краткого гласного в прошедшем времени: ср. **macode** *делал*; **lufode** *любил* и т. д. Кроме того, в настоящем

времени этот суффикс был осложнен **-j-**, т. е. выступал как ***-ōj-**. В древнеанглийском языке оба звука слились в **i**; однако имевшееся здесь когда-то ***ō** обусловило отсутствие перегласовки и веларизацию предшествующего гласного: ср. *да. masian* и др. Исключений в этом классе вообще не было; все глаголы образовывали формы прошедшего времени по следующему образцу:

<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
lōsian, lōsian <i>смотреть</i>	lōcode

Уже в древнеанглийском большое количество глаголов других классов слабого типа переходит во второй класс. Кроме того, по образцу глаголов этого класса обычно оформляются заимствованные глаголы, которые не могли уложиться в систему сильных глаголов. В дальнейшем сюда переходят и сильные глаголы. Второй класс все более и более укрепляется и численно возрастает и в результате становится основным стандартом для образования форм прошедшего времени. Некоторую роль в усилении именно этого класса слабых глаголов сыграло то обстоятельство, что во втором классе довольно хорошо сохранялся гласный корня, а тем самым не порывалась связь с однокорневыми именами: ср., с одной стороны, *lufian* *любить* — *lufu* *любовь*, с другой стороны, *dēman* *судить* — *dōm* *суд*, где только в первом случае (в случае глагола второго класса) сохраняется четкая связь с однокорневым именем. Это открывало широкие словообразовательные возможности, возможности образования по конверсии имен от глаголов этого класса и глаголов этого класса от имен: ср. примеры в § 145.

3-й класс слабых глаголов

§ 216. Третий класс слабых глаголов был представлен несколькими глаголами. Особенности этого класса состоят в следующем: (1) согласный перед **-an**, **-ađ** и т. д., т. е. только в основе настоящего времени, взрывной и удвоенный, в то время как в прошедшем

времени согласный фрикативный простой и (2) иногда имеется чередование гласного корня, связанное с палатальной перегласовкой:

а)	<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
	habban <i>иметь</i>	hæfde
б)	<i>Инфинитив</i>	<i>Прошедшее время</i>
	seczan	sæzde, sæde

К этому же классу относится глагол *libban* *жить* и некоторые другие.

Спряжение слабых глаголов

§ 217. Настоящее время

Инфинитив

сēran *хранить* | lōcian, lōcīzan, *смотреть*

Изъявительное наклонение

1. ед. сēре		lōcie, lōcīze
2. ед. сēpst		lōcast
3. ед. сēрә		lōcaә
Мн. сēраә		lōciaә, lōcīzaә

Сослагательное наклонение

Ед. сēре		lōcie, lōcīze
Мн. сēрен		lōcien, lōcīzen

Повелительное наклонение

2. ед. сēr		lōca
2. мн. сēраә		lōciaә, lōcīzaә

Причастие 1-ое

сēpende		lōciende, lōcīzende
---------	--	---------------------

Прошедшее время

Изъявительное наклонение

1. ед. cēpte	lōcode
2. ед. cēptes(t)	lōcodes(t)
3. ед. cēpte	lōcode
Мн. cēpton	lōcodon

Сослагательное наклонение

Ед. cēpte	lōcode
Мн. cēpten	lōcoden

Причастие 2-ое

(ze)-cēped	(ze)-lōcod
------------	------------

О выражении вида, падежных формах инфинитива и о склонении причастия см. § 201.

Претерито-презентные глаголы

§ 218. Претерито-презентные глаголы называются так потому, что формы настоящего времени по происхождению являются у них формами прошедшего времени (перфекта; см. § 227). Указанные формы образованы по образцу сильного прошедшего: ср., с одной стороны, формы прошедшего времени сильного глагола 3-го класса **оп-ʒinnan** *начинать* — **оп-ʒān(n)** *начал* и **оп-ʒunnon** *начали*, а с другой стороны — формы настоящего времени претерито-презентного глагола **сиппан** *знать, мочь* — **сān(n)** *знаю, могу* и **сиппон** *знаем, можем*. В древнеанглийском у претерито-презентных глаголов были также и формы прошедшего времени, но они, равно как и все неличные формы, являлись новообразованиями. В частности формы прошедшего времени образованы от основы множественного числа (сипп- и т. д.) по слабому типу, т. е. с помощью дентального суффикса. При этом, поскольку отсутствовал суффикс основы, в формах прошедшего времени претерито-презентных глаголов происходило столкновение согласного корня с дентальным суффиксом с явлениями

ранней ассимиляции, аналогичной той, которая имела место у слабых глаголов первого класса с суффиксом **-i/-j-** в настоящем времени (см. § 214): ср., с одной стороны, **āzan** *иметь* — **āhte** *имел* (претерито-презентный глагол), а, с другой стороны, **busz(e)an** *покупать* — **bohte** *покупал* (слабый глагол первого класса с суффиксом **-i/-j-** в настоящем времени). От основы множественного числа настоящего времени образовывались и все неличные формы претерито-презентных глаголов: ср. **cunnon** *знаем, можем* и **cunnap** *знать, мочь*. Таким образом, с точки зрения образования форм претерито-презентные глаголы являются смешанными, представляя слабый тип в прошедшем времени и сильный в настоящем.

Вкратце особенности претерито-презентных глаголов можно обобщить следующим образом:

1. Настоящее время — чередование как у сильных глаголов в прошедшем времени, но распределение основ и окончание второго лица единственного числа иные:

<i>Сильный глагол</i>		<i>Прет.-през. глагол</i>	
bindan <i>связывать</i>		cunnap <i>знать, мочь</i>	
1. ед. bānd	но	cān(n)	
2. ед. bunde		cānst	
3. ед. bānd		cān(n)	
Мн. bundon		cunnon	

2. Прошедшее время в общем аналогично слабому прошедшему глаголов первого класса без соединительного гласного в прошедшем времени:

<i>Слабый глагол</i>		<i>Прет.-през. глагол</i>	
busz(e)an <i>покупать</i>		āzan <i>иметь</i>	
1. ед. bohte		āhte	
2. ед. bohtest		āhtest	
3. ед. bohte		āhte	
Мн. bohton		āhton	

3. Основа множественного числа настоящего времени служит базой для образования форм прошедшего

времени и неличных форм претерито-презентных глаголов:

Основа ед. числа		Основа мн. числа	
	mān-		mun-
Инфинитив	—		munan <i>помнить</i>
Причастие 1-ое	—		munende
Причастие 2-ое	—		munen
Прош. 1. ед.	—		munde
2. ед.	—		mundest и т. д.

Ниже приводится список наиболее употребительных претерито-презентных глаголов:

I.	а) āzan <i>обладать, иметь</i>	б) āh, 3	в) āzon
II.			{ āhte
III.			{ āhton
IV.			āzen
I.	а) sunnan <i>знать, мочь</i>	б) cān(n)	в) sunnon
II.			{ cūde
III.			{ cūdon
IV.			cunnen, <i>причастн.</i> <i>прил. cūð</i>
I.	а) durrān <i>сметь</i>	б) dear(r)	в) durrōn
II.			{ dorste
III.			{ dorston
IV.			—
I.	а) māzan <i>иметь</i> <i>силу, мочь</i>	б) mæz	в) māzon
II.			meahte, e , i
III.			meahton, e , i
IV.			—
I.	а) *mōtan <i>иметь разре-</i> <i>шение, мочь</i>	б) mōt	в) mōton
II.			{ mōste
III.			{ mōston
IV.			—

I.	a) sculan <i>должен- ствовать</i>	б) sceal в) sculon, sceo
II.		scolde, sceo
III.		scoldon, sceo
IV.		—
I.	a) unnan <i>относиться, благожелательно</i>	б) ān(n) в) unnon
II.		ūðe
III.		ūðon
IV.		(3e)-unnen
I.	a) witan <i>знать</i>	б) wāt в) witon
II.		wisse, st
III.		wisson, st
IV.		witen

Примечание 1: Современные глаголы **can, may, shall** и др. восходят к единственному числу настоящего времени: ср. *да. cān(n), mæȝ, sceal*. Глаголы **ought** и **must** восходят к прошедшему времени, т. е. являются дважды претерито-презентными: ср. *да. āhte, mōste*.

Примечание 2: Древнеанглийские претерито-презентные глаголы дали современную группу недостаточных глаголов. Следует, однако, заметить, что глагол **will** в древности претерито-презентным глаголом не был (см. § 222). Только отсутствие **-s** в форме единственного числа третьего лица настоящего времени объясняется их происхождением от претерито-презентных глаголов. Все другие особенности обусловлены их модальной семантикой, вследствие которой, например, стали неупотребительны их неличные формы (инфинитив и причастие) и в ходе истории английского языка были вообще утеряны: ср. наличие форм инфинитива и причастия у большинства древнеанглийских претерито-презентных глаголов, связанное с тем, что, кроме модальных значений, у них были также и немодальные значения (*маȝап мочь, но также иметь силу; сиппап мочь, но также знать*). Подобным же образом объясняется отсутствие после них частицы инфинитива **to** (см. § 201) и ряд других особенностей.

Прочие неправильные глаголы

Глаголы *bēon* и *wesan*

§ 219. Древнеанглийские глаголы *bēon* и *wesan* находились на пути срастания в одну лексическую единицу. В настоящем времени они имели самостоятельные системы форм, но в прошедшем времени одни и те же формы (образованные от корня *wes-*; см. ниже). В настоящем времени, в отличие от прошедшего, у них было также известное различие в значении, хотя и небольшое: первый глагол приблизительно имел значение *бывать*, второй — *быть*. В образовании форм настоящего времени от глагола *wesan* участвовал еще один корень (индоевропейское **-es-*: **-os-*: *-s-* — ср. русск. 'ес-ть', 'с-уть, с-ущий' — германское *is-*: *az-*: *s-*), однако, уже в древнеанглийском он не выделялся как один и тот же корень: ср. *да. eom, eart, is, sint* и т. д., которые воспринимались как разнокорневые (супплетивные) образования. В дальнейшем, главным образом в связи с незначительным семантическим различием между двумя глаголами, произошло их полное сращение. При этом все именные (неличные) формы и формы сослагательного наклонения настоящего времени и повелительного наклонения были взяты у глагола *bēon*, а формы настоящего времени изъявительного наклонения — у глагола *wesan* (формы прошедшего времени уже в древнеанглийском были у них общие: см. выше).

Ниже приводится таблица спряжения *bēon* и *wesan*:

Инфинитив

wesan *быть* | *bēon* (< *bīon*) *бывать*

Настоящее время

Изъявительное наклонение

1. ед. <i>eom, am</i> (англск.)	<i>bēo</i> (<i>bīo</i>), <i>bīom</i> (англск.)
2. ед. <i>eart</i>	<i>bist, bis</i> (англск.)
3. ед. <i>is</i>	<i>bið</i>
Мн. { <i>sint, sindon</i> <i>earon, aron</i> , (англск.)	<i>bēoð</i> (< <i>bīoð</i>)

Сослагательное наклонение

Ед. sȳ, sī, (< sīe)	bēo (< bīo)
Мн. sȳn, sīn, (< sīen)	bēon (< bīon)

Повелительное наклонение

2. ед. wes	bēo (< bīo)
2. мн. wesap	bēop (< bīop)

Причастие 1-ое

wesende	bēonde (< bīonde)
---------	-------------------

Прошедшее время

Изъявительное наклонение

1. ед. —	wæs
2. ед. —	wære
3. ед. —	wæs
Мн. —	wæron

Сослагательное наклонение

Ед. —	wære
Мн. —	wæren

Глагол ȳān

§ 220. Древнеанглийский глагол **ȳān** *идти* характеризовался супплетивным образованием формы прошедшего времени:

Инфинитив

ȳān *идти*

Настоящее время

Изъявительное наклонение

1. ед.	ȳā
2. ед.	ȳæst
3. ед.	ȳæp
Мн.	ȳāp

Прошедшее время

Изъявительное наклонение

1. ед.	ēode
2. ед.	ēodest
3. ед.	ēode
Мн.	ēodon

*Сослагательное
наклонение*

Ед. *zā*
Мн. *zān*

*Повелительное
наклонение*

2. ед. *zā*
2. мн. *zār*

*Сослагательное
наклонение*

Ед. *ēode*
Мн. *ēoden*

*Причастие 2-ое
(ze)-zān*

В дальнейшем этот глагол остался супплетивным (совр. англ. *go — went*), однако формы прошедшего времени стали образовываться от корня **wend-** (ср. да. *wendan* *поворачивать, изменять*; ср. также совр. англ. *wend one's way* *направлять путь*).

Глагол dōn

§ 221.

*Инфинитив
dōn делать*

Настоящее время

*Изъявительное
наклонение*

1. ед. *dō*
2. ед. *dēst*
3. ед. *dēþ*
Мн. *dōþ*

*Сослагательное
наклонение*

Ед. *dō*
Мн. *dōn*

*Повелительное
наклонение*

2. ед. *dō*
2. мн. *dōþ*

*Причастие 1-ое
dōnde*

Прошедшее время

*Изъявительное
наклонение*

1. ед. *dyde*
2. ед. *dydest*
3. ед. *dyde*
Мн. *dydon*

*Сослагательное
наклонение*

Ед. *dyde*
Мн. *dyden*

*Причастие 2-ое
(ze)-dōn*

Соотношение основ настоящего и прошедшего времени глагола **dōn** не является в достаточной степени выясненным.

Глагол **willan**

§ 222. Основная особенность глагола **willan** *желать* состоит в том, что его формы сослагательного наклонения стали употребляться вместо форм изъявительного наклонения: ср. *да.* 3. ед. наст. вр. **wil(l)e**, где отсутствует окончание на согласный (-**p**-); с этой особенностью связано и отсутствие в указанной форме окончания -**s** в современном языке. Вытеснение форм изъявительного наклонения формами сослагательного могло произойти в связи с тем, что у модальных глаголов, каковым являлся глагол **willan**, формы изъявительного и сослагательного наклонения различаются незначительно по своему значению: ср., с одной стороны, *русск.* **прихожу** и **пришел бы**, а с другой стороны, *русск.* **хочу** и **хотел бы**.

Глава XVIII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 223. Структура древнего индоевропейского слова, унаследованная германскими языками, в общем виде может быть представлена в виде следующей схемы:

ОСНОВА

КОРЕНЬ + ОСНОВООБРАЗУЮЩИЙ СУФФИКС + ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ
СУФФИКС

Основа слова характеризовалась основообразующим суффиксом, по которому она обычно и называется: ср. лат. *lupus* волк (< lup-o-s) — **основа на -о-**. Основообразующих элементов могло быть несколько, но особо важен был последний, соприкасающийся с формообразующим суффиксом. В случае отсутствия основообразующего суффикса говорят о корневой основе: ср. лат. *pes* нога (< *ped-s), где формообразующий суффикс присоединялся непосредственно к корню. Среди основообразующих (тематических) элементов особо выделяется **-о-**, чередующееся с **-е-** (-о-/-е-). Этот элемент особенно продуктивен. Поэтому в узком смысле слова указанный гласный называется тематическим, равно как и образованные с его помощью основы. Напротив, основы, образованные с помощью других суффиксов, именуются атематическими и тем самым сближаются с корневыми основами:

О С Н О В Ы	
корневые	с основообразующими суффиксами
Атематические	Тематические -о-/-е-

Тематический гласный может выступать как отдельно, так и входить в состав суффикса: ср. *лат. орпа-to-s*, где **-to-** является суффиксом, но в свою очередь членится на **-t-** и **-о-** (ср. ж. р. *орпа-t-a*). Сам тематический гласный имеет неуловимое значение, т. к. он употребляется слишком широко. Поэтому его не совсем правильно называть суффиксом. Тематический гласный представляет собой структурный элемент, подобный **-о-** в *русс. вод-о-воз*.

Между основообразующим суффиксом и суффиксом формообразующим могла иногда существовать определенная взаимозависимость. В ряде случаев выбор формообразующих суффиксов зависел от основообразующих: ср. *лат. lup-o-s* волк, где после **-о-** имеется суффикс **-s**, и *лат. aqu-a-()*, где после **-а-** — нулевой суффикс.

Помимо суффиксации, грамматические категории в индоевропейском слове выражались часто при помощи чередования гласного корня. Существовали количественные чередования, при которых изменялась длительность гласного, и качественные чередования, связанные с изменением качества звука. Наиболее важным качественным чередованием было чередование **е:о**, широко использовавшееся для образования форм глагола (см. § 227).

СИСТЕМА ИМЕНИ

1. Состав категорий

§ 224. В системе имени издавна различались имена существительные, имена прилагательные, местоимения и числительные (количественные). Первоначально прила-

гательные отличались от существительных лишь по значению и синтаксическому употреблению, но не по внешнему виду: ср. лат. **lupus** волк — **bonus** хороший, **aqua** вода — **bona** хорошая. В дальнейшем происходит сближение прилагательных с местоимениями (см. § 225). Местоимения, особенно личные 1-го и 2-го лица, выделялись в системе имени издавна.

У существительных была очень древняя классификация на три рода — мужской, женский и средний. Существительные мужского и женского рода первоначально не отличались по типу склонения. Оба рода противопоставлялись среднему роду. В отдельных индоевропейских языках происходит перестройка. В частности, для древнегерманских языков характерно четкое различие родов. Дифференциация может достигаться самими окончаниями, но, кроме того, отбираются основы с особыми словообразующими элементами для мужского рода, с одной стороны, женского — с другой. Одновременно происходит сближение мужского и среднего рода. Тематические основы на **-o-/-e-** ограничиваются мужским и средним родом, а основы на **-ā-** становятся типичными для женского рода: ср. да. **fisc** рыба м. р. и **scip** корабль с. р., оба принадлежащие к основам на **-o-**, но **ziefu** дар ж. р., принадлежит к основам на **-ā-**. В основах на **-n-** сохранились все три рода, но первоначально в германских языках мужской и средний род противопоставлялся женскому чередованием звуков перед суффиксом: ср. г. рд. ед. **gumins** м. р. мужа, **augins** глаза с. р. — **tuggōns** языка ж. р. Для древнеанглийского же характерно в этих основах почти полное отсутствие различия между родами (ср. § 186). В отдельных случаях сохраняется старое соотношение между родами: ср. совершенно тождественное склонение древнеанглийских существительных мужского и женского рода основ на **-u** (см. § 185). Повидимому, вначале не было различия в склонении существительных мужского и женского рода основ на **-i**, но в древнеанглийском их склонение уже различно в связи со сближением существительных мужского рода с основами на **-o-**, а существительных женского рода с основами на **-ā-** (см. § 184).

Прилагательные, в отличие от существительных, изменялись по родам. То же самое относится и к местоимениям. Но местоимения 1-го и 2-го лица издавна особо выделялись тем, что они вообще не имели категории рода.

Далее, в системе имени имелась категория числа, представленная тремя числами — единственным, множественным и двойственным. В древнеанглийском языке двойственное число сохранилось только у личных местоимений 1-го и 2-го лица (см. подробнее § 195).

Максимальное количество падежей в индоевропейских языках исчисляется восьмью: именительный, винительный, дательный, местный, творительный, отложительный, родительный и звательный падежи. В германских языках количество падежей сводится к шести: именительный, винительный, дательный, творительный, родительный и звательный. Однако ни в одном германском языке перечисленные падежи не представлены полностью. В древнеанглийском языке отсутствует звательный, а творительный сохраняется только у прилагательных и указательных и некоторых других местоимений в мужском и среднем роде (см. §§ 193 и 197). Сокращение количества падежей могло идти двумя путями: (1) один падеж вытеснял другой и (2) оба падежа сохранялись, но начинали произноситься одинаково и в результате совпадали. Наибольшее количество падежей тем или другим образом совпали с дательным, имеющим в древнеанглийском в связи с этим очень широкое значение. Звательный падеж был вытеснен именительным.

Для образования сравнительной степени в германских языках существовало два суффикса **-iz-** и **-ōz-** (при этом только первый находит соответствие в других индоевропейских языках): ср. г. **alp-iz-a** *старше* и **swinþ-ōz-a** *сильнее*. Возможно, что и суффиксы превосходной степени *герм.* **-ist-** и **-ōst-** генетически восходят к суффиксам сравнительной степени с усилительной частицей (*ие.* **-to-**): ср. г. **reik-ist-a** *самый могущественный*; **arm-ōs-ta** *самый бедный*. В древнеанглийском различие в вариантах суффиксов сказывается в наличии или от-

сутствии палатальной перегласовки корневого гласного (см. § 200). Происхождение системы степеней сравнения связано с системой трех чисел: единственное — с положительной степенью, двойственное — со сравнительной и множественное — с превосходной (ср. *совр. англ.* the upper lip *верхняя*, собственно «*другая*» губа). В дальнейшем правило употребления сравнительной степени при сравнении двух предметов нарушается, как нарушаются и связи с числом.

Сильное (неопределенное) и слабое (определенное) склонения прилагательных противопоставляются лишь в германских языках, причем германским новшеством является слабое (определенное) склонение. Предполагается обычно, что слабые формы прилагательного получились в результате адъективизации существительных, употреблявшихся в качестве приложений, прозвищ (ср. аналогичное употребление русских слов 'толстяк', 'добряк' и т. д.).

II. Особенности склонения

§ 225. Первоначально именная словоформа четко членилась на корень, основообразующий суффикс и формообразующий суффикс. В дальнейшем в германских языках суффикс основы и суффикс формы все больше сливались друг с другом. Конечный элемент основы отрывался от нее и сближался с окончанием, образуя с ним неделимое целое, своего рода сплав основообразующего и формообразующего суффиксов. В древнеанглийских основах на гласный уже совершенно невозможно выделить суффикс основы и суффикс формы: ср. *да.* основы на **-o-**: *fisc-*(), *fisc-*(), *fisc-e*, *fisc-es*, *fisc-as*, *fisc-um*, *fisc-a*. То же и в основах на **-n**. В основах на **-s** можно было бы еще как будто в известной степени говорить о двух разновидностях основы: варианте с **-r-** и варианте без **-r-** (*lāmb-* и *lāmb-*), где разновидность основы с **-r-** отражает старый основообразующий суффикс ($< *z < *s$). Хорошо сохранились только суффиксы основ на **-nt-** (*да.* *-ōnd-*, *-end-*, см. § 188) и основ на **-r-** (см. § 187). Еще в меньшей степени оказывается возможным выделить старый

формообразующий суффикс, поскольку в абсолютном исходе слова звуки в германских языках подвергались значительно большему воздействию фонетической редукции.

Однако, несмотря на то, что старые суффиксы основы и формы выделяются с трудом, а чаще вообще не выделяются, они находят отражение в особенностях древнеанглийского склонения. Так, различие в окончаниях древнеанглийских существительных мужского рода в именительном падеже единственного числа **-()** (*dæʒ*, см. § 177), **-e** (*wine*, см. § 184) и **-u** (*sunu*, см. § 185) целиком относится за счет различия в основообразующих суффиксах. Формообразующий суффикс во всех случаях был один и тот же — германский ***-z** (*ие. *-s*), впоследствии утраченный при переходе в **-r** (см. § 49). Но основообразующий суффикс в каждом случае был иной: в первом существительном ***-a-** (*ие. *-o-*), во втором — **-i-**, а в третьем — **-u-**; **i** (> **e**) и **u** в древнеанглийском сохранялись после краткого слога (см. § 130), а **a** регулярно утрачивалось в конце слова. Подобным же образом объясняется различие в окончаниях древнеанглийских существительных женского рода в именительном падеже единственного числа **-u** (*caru*, см. § 180) и **-e** (*tunze*, см. § 186): формообразующий суффикс в обоих случаях был нулевым, а основообразующий суффикс в первом случае — германский ***-ō** (*ие. *-ā*), а во втором случае — ***-ōn**; в абсолютном исходе слова **ō** дало **u** (см. § 120), а перед **n**, впоследствии утраченным, развилось в **e** (< **æ**; см. § 120). Глубокий след в особенностях склонения оставила принадлежность существительного к корневым основам, т. е. к основам, равным корню: в случае наличия в формообразующем суффиксе звука **i** (а таких случаев было довольно много в связи с общегерманским переходом безударного **e** в **i**), гласный корня не был защищен от перегласовки, и в результате появлялось чередование в основе (см. § 190).

Иногда особенности склонения существительных относятся за счет старого различия в формообразующих суффиксах. Подобным образом объясняется различие в

склонении *да. dæȝ день* и *scīp корабль* (см. § 180), относящихся к одним и тем же основам на *-o-*: общеиндоевропейской особенностью существительных среднего рода (*scīp*) было совпадение окончаний именительного и винительного падежей обоих чисел и особое окончание им. вн. мн. **-ā* (*герм. *-ō*), развившееся в древнеанглийском после краткого слога в *u* (*scīpu*), а после долгого слога вообще утраченное (*scēap*).

Кроме того, естественно, различия в склонении могли быть обусловлены старыми различиями как в основообразующем, так и в формообразующем суффиксах.

На старые различия могли также накладываться новые, обусловленные особенностями в развитии звуков в древнеанглийском. Сюда прежде всего относится возникновение долгосложного и краткосложного вариантов. Так, древнеанглийские существительные *sunu* и *feld* первоначально имели в форме именительного падежа один и тот же формообразующий суффикс **-z* (*ие. *-s*), и оба принадлежали к одной и той же основе на *-u-*. Различие же в их склонении объясняется тем, что звук *u* в древнеанглийском регулярно утрачивался после долгого слога (*feld*), но сохранялся после краткого слога (*sunu*).

Одновременно с возникновением новых различий в склонении, в древнеанглийском наблюдается и сильно выраженная тенденция унификации окончаний. Эта унификация идет в двух направлениях: (а) по линии воздействия, со стороны тех основ, которые были представлены большим количеством существительных и (б) по линии обобщения наиболее распространенных окончаний в разных типах основ. Примером первого может служить воздействие древнеанглийских основ на *-o-*: ср. проникновение окончания им. вн. мн. этих основ в основы на *-i-*, *-r-*, *-nt-* и т. д. Примером второго может служить окончание дт. мн. *-um*, которое самостоятельно развилось в основах на *-u-*, *-ā-*, вероятно также, в основах на *-o-* и др., но затем было обобщено по аналогии для всех других основ. Подобное же обобщение окончания *-an* мы имеем внутри основ на *-n-*.

I. Состав категорий

§ 226. Первоначально в глаголе различалось три лица и три числа — единственное, множественное и двойственное. Двойственное число мы еще застаем в готском языке. В древнеанглийском же двойственное число в глаголе отсутствует полностью, хотя оно еще имеется у личных местоимений 1-го и 2-го лица.

Категория наклонения первоначально была представлена четырьмя наклонениями — изъявительным, повелительным, сослагательным и желательным. В германских языках уже имеется только три наклонения: сослагательное вытесняется желательным, но последнее расширяет свое значение и покрывает сослагательное.

Категории вида и времени приходится рассматривать вместе. В древнейшее время различалось три категориальных формы — презенс, перфект и аорист. Различие между ними было не временное, а видовое. Презенс имел значение действия в его развитии, аналогично русскому несовершенному виду (ср. отсутствие в русском настоящем времени совершенного вида). Перфект подчеркивал результат действия, но не само действие. Аорист же оттенял самый факт совершения действия. Посредством сопоставления с русским языком очень трудно провести грань между перфектом и аористом: в русском языке оба эти значения выражаются совершенным видом: ср., с одной стороны, **‘Пришел ли товарищ?’**, где можно говорить о перфектном оттенке, т. к. в данном случае имеется в виду результат; с другой стороны, ср. **‘Вчера я *пришел* и узнал’...**, где делается ударение на сам факт совершения действия. Перфектный оттенок легко сочетается с настоящим временем: ср. *русск.* **‘Я очень *устал* и не могу работать’**. Аористный оттенок обычно соединяется с прошедшим временем. В английском языке перфектные формы довольно близки к старому перфекту, но т. к. это временная, а не видовая форма, то здесь больше оттеняется момент предшествования. Аористный оттенок до неко-

торой степени отражается в английских формах Indefinite. Однако подобная аналогия приблизительна. Видовые различия в дальнейшем развивались и переосмысливались, как временные. Вид отступает на задний план. Презенс дает форму настоящего времени. Перфект и аорист превращаются в прошедшее время. В германских языках вместо трех категориальных форм видового характера образуются две временные категориальные формы. В формах настоящего времени отражается прежний презенс, а в формах прошедшего времени — перфект и аорист. При этом общем развитии имеются и отклонения. В ряде случаев перфект мог давать настоящее время. Это и понятно. Если все внимание обращалось на результат, само прошедшее действие могло забываться, исчезать из поля сознания. Таким образом возникали в германских языках претерито-презентные глаголы (см. § 218).

До того как видовые формы превратились во временные, отсутствовала полная система спряжений. Глаголы с основой презенса, перфекта и аориста часто могли не представлять один и тот же глагол, а были разными глаголами с близким значением: ср. русские глаголы 'быть' и 'бывать', хотя и имеющие близкие значения, но тем не менее представляющие собой разные глаголы. Кроме того, не у всех глаголов обязательно были формы презенса, перфекта и аориста. Могли быть такие глаголы, у которых отсутствовала одна или даже две видовые формы. Ср., с одной стороны, *русск.* 'плыть — плавать', 'бежать — бегать', а, с другой стороны — 'путешествовать' с отсутствием другой аналогичной формы. Ср. также, с одной стороны, 'получить — получать', 'обучить — обучать', но, с другой стороны, 'очутиться'. В целом, в русском языке, однако, наблюдается более упорядоченная система; разорванность видовых пар наблюдается лишь в некоторых случаях. Между тем, такая разорванность для древнего периода была характерна. Когда складывается система спряжения, то требуется образовать времена от всех глаголов. Появляются новые способы образования временных форм. Так, для германских языков оказывается характерным возникновение слабого прошедшего (см. § 213).

Когда прежние виды превратились во времена, образовались новые виды с помощью префиксации. Префиксы утрачивают свое основное значение и приобретают значение полноты действия, становясь выражением совершенного вида. Ср. *да. bindan* — несовершенный вид — и *ze-bindan* — совершенный вид. Первоначально *ze-bindan* имел значение «*вязать вместе*», *связывать* (ср. *русск. 'связать концы веревки'*), а тем самым он представлял собой отличную от *bindan* лексическую единицу. В дальнейшем префикс *ze-* теряет свое основное значение и начинает выражать совершенный вид (ср. *русск. 'связать чулок'*) и *ze-bindan* превращается в форму глагола *bindan* (ср. *русск. 'вязать — связать чулок'*, но *'связать — связывать веревку'*). Эти новые виды, также как и русские, не имеют ничего общего со старыми видами.

Категория залога была представлена в древности действительным и средним (медиальным) залогами. Действительный залог имел значение направления во вне от субъекта. Средний залог выражал заинтересованность, живую связь между субъектом и действием: ср., с одной стороны, *русск. 'Я укладываю вещи в чемодан'* — значение действительного залога, а с другой стороны *'Я укладываюсь'*, где имеется оттенок заинтересованности: «*укладываю для себя*». В дальнейшем эта форма переосмыслялась, приобретая значение направленности на субъект, возвратности: ср. *русск. 'умываться'*, первоначально означавшее «*умывать для себя*» и переосмыслившееся в «*умывать себя*». Поскольку действие осмысливалось как переходящее на субъект, действующее лицо могло вообще забываться: ср. *русск. 'Батальон строится'* с оттенком возвратности и *'Дом строится'*, где действие воспринимается как идущее со стороны. Такое переосмысление среднего залога характерно для германских языков. Медиальные по происхождению и пассивные по значению формы глагола имеются в готском языке: ср. г. *lagjip* *кладет* и *lagida* *кладется*. В древнеанглийском эта категория залога, как и в других германских языках, кроме готского, вообще исчезла; сохранились лишь

отдельные пережитки: ср. *да.* 1. и 3. ед. *hätte* называется и мн. *hätton* называются от глагола слн. 7 *hātan* называть, велесть.

В древнеанглийском возникает новая категория залога, основанная сначала на противопоставлении форм причастия 1-го и причастия 2-го (о происхождении которых см. ниже), а затем на противопоставлении простых и составных (аналитических) форм глагола (см. § 230).

В древности вокруг глагола образуется группа производных от него имен — существительных и прилагательных. Это могут быть и *nomina actionis* — «*названия действия*» — и *nomina agentis* — «*названия действующих лиц*» — и прилагательные с различным значением. Позже отдельные имена начинают втягиваться в систему глагола:

1. Существительное с суффиксом **-no-* и окончанием среднего рода **-m*, представляющее собой название действия, превратилось в древнеанглийском в глагольную форму инфинитива; см. § 201.

2. Прилагательное с суффиксом **-no-* для мужского рода и с суффиксом **-nā-* для женского рода, имевшее значение результата действия и пассивное значение, превратилось в древнеанглийском в форму причастия 2-го глагола (*да.* *boġen несомый*, собственно «*бывший в состоянии несения*»; см. § 201).

3. Прилагательное с суффиксом **-to-* для мужского рода и с суффиксом **-tā-* для женского рода также дало причастие 2-ое (*да.* *-d- < *-ð- < *-p- < *-t-*; ср. *zēdēmed присужденный*); (см. § 201).

4. Прилагательное с суффиксом **-nt-*, обозначающее активное производство действия, дало древнеанглийское причастие 1-ое (*да.* *-nd- < *-nð- < *-nþ- < *-nt-*; ср. *да.* *berende несущий*; см. § 201).

II. Система спряжения

§ 227. В древнейший период существовало три основных способа выражения грамматических категорий в глаголе: 1) Чередованием в самом корне, 2) суф-

фиксами основы и чередованием в них и 3) окончаниями.

Чередование в корне глагола было представлено в следующем виде: **-е-** характеризовало основу презенса; для основы перфекта в единственном числе было характерно **-о-**; а во множественном слабый звуковой вид **-()**, который выступал также в основе аориста. В германских языках, в связи с происшедшими звуковыми изменениями, это чередование видоизменилось, как **-е-/i- : -а- : -()-/û- : -()-/û-**. Звук **û** является в германских языках вставным звуком, появляющимся на месте слабого звукового вида гласного между сонорным и согласным. На таком чередовании построены чередования первых пяти классов сильных глаголов. Различие между классами заключалось, в основном, в том, какой звук шел после чередующегося гласного. В первом классе за чередующимся гласным шел звук **i**, который впоследствии сливался с чередующимся гласным, образуя дифтонги. То же было и во втором классе, но там после чередующегося гласного следовал не **i**, а **û**. Третий, четвертый и пятый классы характеризовались наличием в этом положении согласного: в пятом — любого, кроме сонорного; в четвертом — сонорного, в третьем — также сонорного, но сопровождаемого еще одним согласным. Эти различия в согласных и обусловили особенности развития чередующегося гласного и возникновение различных рядов чередования (см. раздел „Сильные глаголы“, §§ 203—212). Для древнеанглийского была характерна особая неустойчивость гласных, а тем самым и бóльшая пестрота в чередовании сильных глаголов.

Тематический гласный **е/о** (см. § 223) в системе глагола имел определенное значение. Он характеризовал настоящее время: ср. *да. bir-i-þ* (**i** < ***e**), где настоящее время выражено не только огласовкой корня, но и гласным **i** (< ***e**). В индоевропейских языках были и атематические глаголы, но для глаголов в германских языках был характерен тематический тип. Кроме времени, тематический гласный выражал также лицо и число: в 1. ед. и в 1. и 3. мн. он выступал в ступени ***-о-**

(герм. **-a-*), а во 2. 3. ед. и 2. мн. в ступени **-e-* (герм. *-i-*). Это особенно важно, т. к. наличие *-i-* во 2. и 3. ед. обусловило в древнеанглийском чередование гласного в основе настоящего времени в результате палатальной перегласовки (см. §§ 202, 203). Во множественном числе для древнеанглийского языка характерно неразличение лиц в результате позднейшего действия аналогии, с обобщением гласного **-a-* (ие. **-o-*). В древнеанглийском тематический гласный уже не выделяется как таковой: подобно суффиксам основы существительных он слился с окончаниями.

Древним суффиксом был также суффикс опатива *-iē-*, чередовавшийся с *-ī-* (слабый звуковой вид). Для германских языков важен второй его вариант: ср. г. **berēima** *несли бы*. В древнеанглийском в настоящем времени этот суффикс сливается с тематическим гласным, а прошедшее время подвергается воздействию аналогии со стороны настоящего. Только в нескольких формах сослагательного наклонения претерито-презентных глаголов (да. *þyrfe, dyrre, scyle*) наличие перегласовки указывает на происхождение от старых форм прошедшего сослагательного.

Германским новообразованием был суффикс прошедшего времени слабых глаголов — да. *-d-* (герм. **-dē-*). В готском языке этот суффикс удваивался во множественном числе. Германский дентальный суффикс, по видимому, соответствует индоевропейской основе **dhē-* со значением *класть, делать*. Если это предположение верно, то тогда в случае слабого прошедшего мы имеем дело с словосложением или с составной формой прошедшего времени (с вспомогательным глаголом). В германских языках дентальный суффикс прошедшего времени сблизился с суффиксом причастия 2-го **-to-* (см. § 226).

Что касается окончаний глагола, то в древности различалось несколько видов окончаний: первичные, вторичные, перфектные и окончания среднего залога. Последние для английского языка вообще можно не рассматривать ввиду отсутствия в нем среднего залога (см. § 226). Все типы окончаний не только различали

лицо и число, но также время, наклонение и т. д. Первичные окончания (1. ед.—***-mi** для атематических глаголов и нулевое с усиленным звуковым видом тематического гласного для тематических глаголов, 2. ед.—***-si**, 3. ед.—***-ti**; 3. мн.—***-nti**) употреблялись в индикативе настоящего времени. В древнеанглийском 1. ед. атематическое первичное окончание сохранилось лишь в **eom, am** *есмь*, но оно уже не выделяется в нем как окончание. Тематическое окончание представлено в виде *англск.* **-u** (< ***-ō** в абсолютном исходе слова; см. §§ 118, 119); уэссекское **-e** (*binde*) объясняется аналогией с сослагательным наклонением. В древнеанглийском первичное окончание 2. ед. сохранилось как **-s** с позднейшим добавлением **-t**, связанным, повидимому, с энклитическим употреблением местоимения 2. ед. (*да. þū*). В древнеанглийском 3. ед. первичное окончание представлено как **-þ**. Окончание 3. мн. было обобщено в древнеанглийском для всех трех лиц мн.—*да. -aþ*, в котором гласный является развитием удлиненного тематического гласного в результате выпадения носового перед глухим фрикативным. Вторичные окончания характеризовали оптатив (независимо от времени) и аорист. Повидимому, они являлись видоизмененными первичными окончаниями: 1. ед.—***-m**, 2. ед.—***-s**, 3. ед.—***-t**, 3. мн.—***-nt**. Не будучи защищены звуком **i**, эти окончания были в древнеанглийском полностью утрачены в единственном числе, а во множественном были обобщены по аналогии с окончанием 3. мн., утратившего, однако, конечное ***t**: древнеанглийское прош. мн. **-on**, сослагательное — независимо от времени **-en**. Перфектные окончания: 1. ед.—***-a**, 2. ед.—***-tha** и 3. ед.—***-e** в древнеанглийском также не сохранились: гласные были утрачены вследствие фонетической редукции, а окончание 2 л. было в древнеанглийском вытеснено аористным образованием ср. *да. bānd* (1 л.), *bunde* (2 л.), *bānd* (3 л.).

Кроме того, для образования форм в древности использовалось частичное удвоение корня (7-ой класс сильных глаголов). Однако в древнеанглийском имеются только остатки этого удвоения (см. § 210).

Глава XIX

СИНТАКСИС

§ 228. Как известно, по самому своему существу синтаксис предполагает большее отвлечение от конкретности, чем морфология. Синтаксис рассматривает функцию формы независимо от конкретного воплощения этой формы, а слово как член предложения отвлекается от его звуковой оболочки. Поэтому, естественно, здесь меньше разнообразия между языками, а, особенно, между различными фазами развития одного и того же языка. В частности для синтаксиса разнообразие окончаний, которыми представлена одна и та же форма, совершенно безразлично: древнеанглийская форма именительного и винительного падежей множественного числа с окончаниями **-as** (*daȝas дни*), **-a** (*sunas сыновья, сыновей*), **-an** (*huntan охотники, охотников*), **-gu** (*lambgu ягнята, ягнят*) и др. отличаются от современной английской формы множественного числа с окончанием **-s** (*days, sons, hunters, lambs*) не разнообразием окончаний, а лишь различной функцией. Синтаксический строй языка можно определить как систему отдельных способов построения предложения. Способы построения предложения разбиваются на две основных группы: 1) способы создания предложения как такового или способы актуализации вводимых в предложение составных частей и 2) способы соединения слов для введения их в предложение. Главным в синтаксисе являются способы создания предложения, изучение различных образцов предложения. Способы соединения слов, напротив, играют подчиненную роль: они создают словосочетания, которые являются строительным материалом

для предложения. В связи с этим наиболее устойчивыми в синтаксисе являются способы создания предложения и, соответственно, менее устойчивыми — способы соединения слов в словосочетания. В частности в ходе истории английского языка произошли довольно существенные изменения в способах сочетания слов: соединение слов при помощи их форм уступило место во многих случаях сочетанию слов при помощи служебных слов, взаимного их расположения и т. п. Однако общие правила построения предложения остались, в основном, неизменными. Так, предложение древнего и нового периода в равной мере характеризует глагольность (т. е. основная роль глагола при создании предложения как такового). Другой принцип — принцип номинативности (т. е. оформление подлежащего предложения независимым именительным падежом) в самом своем существе также не изменился. Именительный падеж личных местоимений является по-прежнему падежом подлежащего и собственно ограничивает подлежащее от «неподлежащего». У существительных из двух падежей — общего и притяжательного — выбирается наиболее независимый — общий падеж; существительному в этом падеже никогда не предшествует предлог, а сказуемое согласуется с подлежащим. Что касается роли интонации в создании предложения, то хотя и нет достаточных данных для какого-либо утверждения, можно думать, что роль интонации в древне-английском языке была столь же важна, как и в современном языке. Таким образом, основные принципы построения предложения в ходе истории английского языка остались, в основном, неизменными. Изменения же, происшедшие в способах сочетания слов, хотя и являются более значительными, не дают основания говорить об изменении строя английского языка, а о древне-английском языке как о языке другого строя.

СКАЗУЕМОЕ

§ 229. Если отвлечься от интонации, о которой трудно сказать что-либо определенное в силу того, что древний язык известен нам лишь по письменной его фиксации,

основная роль в создании предложения в древнеанглийском принадлежит сказуемому, выраженному личной формой глагола. Именно сказуемое личной формой глагола соотносило высказывание с действительностью, актуализировало вводимые в предложение части и тем самым создавало предложение как таковое: ср. словосочетание *þāra mānna spræc* *тех людей разговор* и предложение *þā men(n) spræcon* *те люди говорили*, отличие которых состоит в том, что в предложении, в отличие от словосочетания, высказывание личной формой глагола соотносено с определенным временем объективной действительности как реально существующий факт.

Основными категориями, характеризовавшими глагольные предикативные формы, являлись категории наклонения (см. § 201) и времени. Эти категории были обязательно выражены в сказуемом личными формами глагола, составляя специфику последних. Что касается категорий числа (см. § 201) и лица (см. § 201), то они не были столь характерными для предикативных глагольных форм: категория числа имелась и у неличных (именных) форм (причастия: см. § 201), а категория лица, хотя и была только у форм личных, последовательно выражалась только в единственном числе изъявительного наклонения; во множественном числе изъявительного наклонения и во всем сослагательном наклонении различия между тремя лицами не проводилось.

В древнеанглийском имелись следующие типы сказуемого:

1. Простое сказуемое, выраженное личной формой глагола.

Ond hīe ðā swā **dydon: worhton** ðā tū
zeweorc on twā healle þære ēas.

*И они тогда так сделали: соорудили тогда
два укрепления по обеим сторонам реки.*

2. Составное сказуемое, имевшее несколько разновидностей:

а) Глагольное (инфинитивное и причастное):

Hiora cuninȝ wæs ȝewundod.

Их король был раненый.

Hī hine ne mehton ferian.

Они его не могли перевезти.

б) Собственно именное (субстантивное и адъективное):

þæt Estland is swūðe mycel.

Земля эстов очень велика.

Hē wæs swūðe spēdiȝ mǎn.

Он был очень богатым человеком.

в) Предложно-именное:

þæt lānd wæs on stēorbord.

Та земля была с правого борта.

г) Наречное:

Sē mǎn is hēr.

Тот человек здесь.

§ 230. Как можно видеть из приведенного перечня, в английском языке древнего периода имелись те же основные типы сказуемого, что и в современном английском языке. Однако в английском языке древнего периода распределение конкретных случаев между указанными типами было существенно иным. Так, сочетания модального или служебного глагола с инфинитивом или причастием в тот период развития языка не могли относиться к простому сказуемому, а распределялись между инфинитивным и причастным составным сказуемым или входили в простое сказуемое лишь частично (одним из своих компонентов): ср. *ða. Hē wæs of-slæȝen* — *Он был убит*, *Hē wæs feohtende* — *Он был сражающимся*, *Hē wile sinȝan* — *Он хочет петь*, *Hē hæfde þone mǎn ȝe-bundenne* — *Он имел того человека связанным*, где выделенные словосочетания, в отличие от соответствующих современных английских (*He was slain, He was*

fighting, He will sing, He had bound that man), не представляют собой простого сказуемого: первые три являются составным глагольным сказуемым, а четвертое — двумя различными членами предложения — простым сказуемым (*hæfde*) и определением к прямому дополнению (*3e-bundenne*). Другими словами, древнеанглийские словосочетания, аналогичные указанным, еще не выступали в качестве аналитических (составных) форм, характерных для новоанглийского языка.

Чтобы убедиться в том, что аналитические формы в древнеанглийском языке действительно отсутствовали, следует несколько более подробно разобраться в том, на основании чего выделяются эти формы, почему они вообще называются аналитическими и т. д.

Наряду с указанным в § 170 более общим пониманием аналитичности (и синтетичности), существует и некоторое более частное, более узкое и специальное понимание, которое, если даже оно и не является достаточно определенным, направлено на то, чтобы выделить известные специфические образования как занимающие совершенно особое место.

Под аналитическими образованиями при таком более узком понимании аналитичности имеются в виду, вообще говоря, такие образования, которые, с одной стороны, имеют строение явно подобное строению сочетания слов, с другой же стороны, существенно отличаются от словосочетаний и уподобляются целым словам. Возможно, что существование именно таких особых, внутренне противоречивых образований, соединяющих в себе черты словосочетания и слова и занимающих как бы промежуточное место между тем и другим, и вызвало широкое употребление слов «анализ, аналитический» и пр. в специально лингвистическом значении.

Именно в таком специально лингвистическом значении термина «аналитический» и оказывается возможным выделение аналитических форм в конкретном языке.

На чем основывается подобное выделение?

Под аналитическими (составными) формами понимаются словосочетания, функционально выступающие как формы слов или словоформы. Для того чтобы известные

словосочетания настолько сблизились с отдельными словоформами, что благодаря функционально-смысловому уподоблению последним они образуют одну определенную категорию, необходимо соответствующее отражение, или выражение, особого сближения между ними. Поскольку словосочетание при этом все же не превращается в цельную синтетическую словоформу (подобно *лат. fīnīre habet* > *франц. finira*), постольку такое выражение оказывается очень тонким и относительным. В общем единственным его средством оказывается то или иное обособление от аналогичных словосочетаний, относительная изоляция данной конструкции. Однако пути такой изоляции могут быть различны:

а) Наиболее очевидной представляется изоляция в тех случаях, когда словоформа, применяемая в сочетании с данным служебным словом, вообще не употребляется или крайне неупотребительна в сочетании с другими служебными словами, или даже совсем неизвестна за пределами данного сочетания. Характерным примером из английского языка может служить словоформа *совр. англ. been*, употребляемая лишь в сочетаниях со служебным глаголом *have*, благодаря чему сочетания типа *совр. англ. has been* особо изолируются.

б) Грамматическое значение словоформы при ее употреблении в сочетании с данным служебным словом, может коренным образом расходиться с ее значением или значениями в других случаях. Например, форма так называемого причастия 2-го в современном английском языке не имеет в сочетании с глаголом *have* того грамматического значения, которое характерно для нее в других случаях. Так, в современном английском *has given* причастие не имеет значения страдательного залога (пассива), свойственного ему в различных других употреблениях (*the book given to him* и т. д.).

в) Нередко наблюдается такая несочетаемость данных форм основных слов с известными формами служебного слова, которая не объясняется какими-либо общими правилами сочетания слов. Тем самым, наличные сочетания выделяются особо: ср. современные английские сочетания глагола *be* с причастием 1-ым (*am working* и т. д.),

но невозможность сочетания причастия 1-го основного глагола с причастием 1-ым вспомогательного (*being working*); ср. также *русск.* 'буду писать', но невозможность сочетания 'был писать'.

г) В некоторых случаях, хотя сочетаемость служебного слова с основным и является полной, но определенные ряды сочетаний резко выделяются по своему общему значению: ср. *совр. англ.* *he will do он сделает* и *he would do он сделал бы*.

д) Иногда форма основного слова, входящая в данное словосочетание, может иметь в этом словосочетании в общем то же или почти то же значение, что и в других словосочетаниях, но тем не менее, изоляция данного словосочетания происходит — вследствие известных синтаксических его особенностей как целого, специфически сближающих его с определенными простыми формами основного слова. При этом может происходить своего рода раздвоение внешне одного и того же словосочетания вследствие того, что оно изолируется лишь в определенных случаях, в других же входит в более общий ряд. Ср., например, разные случаи с современными английскими пассивными построениями. В таком предложении, как *"k" in "keep" is palatalized*, словосочетание *is palatalized* не обособляется по своей структуре от таких словосочетаний, как *is voiceless*, *palatal* и т. п., и таких, как *becomes palatalized*, *remains palatalized* и др. Напротив, в предложении *"k" is frequently palatalized* то же самое сочетание имеет тенденцию обособиться от сочетания с прилагательным и специфически сблизиться с простой словоформой *palatalize*, например, в *They frequently palatalize "k" and "g"*. Этому способствует наречие *frequently*, наталкивающее мысль на то, что *is palatalized* обозначает процесс, а не признак предмета. Особенно такому обособлению в современном английском языке способствует дополнение с предлогом *by*, служащее для выражения деятеля.

После этих предварительных замечаний возможно обратиться к выделенным выше древнеанглийским сочетаниям. Однако еще раз следует подчеркнуть, что различие между обычными словосочетаниями и так назы-

ваемыми аналитическими формами, т. е. особо выделившимися словосочетаниями сплошь и рядом оказывается очень тонким. Древнеанглийские словосочетания типа *wæs of-slæzen*, *wæs feohtende*, *wile sinzan* и *hæfde . . . ze-bundenne* начинают уже выделяться своей относительно большой частотностью, и тем самым есть возможность говорить о тенденции их обособления. Однако каких-либо признаков структурно-семантической синтаксической или иной изоляции эти словосочетания не обнаруживают. Особо следует указать на отсутствие наиболее характерного признака изоляции, при которой словоформа, применяемая в сочетании с данным служебным словом, оказывается в других случаях неизвестной или неупотребительной (см. выше, п. а): как известно, глаголы *wesan/bēon* в древнеанглийском формы причастия 2 го вообще не имели; отсутствие этой формы, повидимому, связано с тем, что соответствующие конструкции (перфектные конструкции) еще не выделились в особые словосочетания, выступающие функционально как формы. Не было в древнеанглийском различия между грамматическим значением словоформы в сочетании со служебным словом и ее значением в других случаях (см. выше, п. б); в частности в сочетаниях типа *hæfde . . . ze-bundenne* причастие 2-ое, в отличие от современного английского, всегда имело страдательное (пассивное) значение. Отсутствие семантической изоляции конструкций со служебным глаголом и причастием находило в древнеанглийском непосредственное выражение в согласовании причастия: ср. *да. sum-e wæron of-slæzen-e некоторые были убиты*, собственно «*некоторые были убитыми*», *hē hæfde hi-ne ze-bunden-ne «он имел его связанным»*. В дальнейшей истории английского языка, по мере семантической изоляции этой конструкции согласование причастия было утрачено. Не наблюдалась в древнеанглийском и несочетаемость форм основных слов с известными формами служебного слова, а сочетания с определенными рядами форм служебного глагола не выделялись особо. Кроме того, в рассматриваемых конструкциях имелся довольно большой выбор служебных глаголов, что соответственно уменьшало степень изоляции этих конструкций: ср. *да.*

wæs of-slæzen, wearþ of-slæzen *был убит*, где употребляются глаголы *wesan/bēon* и *weorðan*. В ряде случаев глаголы, сочетавшиеся с формой причастия или инфинитива основного глагола, в большой степени сохраняли свое вещественное значение и тем самым были лишь на пути превращения в служебные: ср. *ða. wile sinzan* *хочет петь*, *sceal sinzan* *должен петь*. Достаточных оснований для синтаксической изоляции рассматриваемых конструкций в древнеанглийском также не было. Здесь следует отметить прежде всего отсутствие регулярного выражения деятеля, подобного современному английскому дополнению с предлогом *by*, что сближало древнеанглийские конструкции типа *wæs of-slæzen был убит* более с конструкциями типа *wæs dēad был мертв*, чем с конструкциями *hīe of-slōzon hine они убили его* (ср. выше, п. д).

На то, что рассматриваемые словосочетания не выделялись в древнеанглийском в аналитические (составные) формы и тем самым не сблизились с простыми словоформами, имеется и целый ряд косвенных указаний в текстах. Так, в частности на то, что сочетания глаголов *sculan* и *willan* с инфинитивом глагола не представляли собой форм будущего времени, с достаточной несомненностью указывает широкое употребление форм настоящего времени не только для обозначения настоящего, но и будущего действия: ср. *ða. Ȝif mīn fæder mē hāndlaþ and mē ȝecnāwð, ic ondræde þæt hē wēne þæt ic hine wylle beswīcan and þæt hē wirize mē.—Если мой отец до меня дотронется и меня узнает, я боюсь, что он подумает, что я его хочу обмануть, и что он меня проклянет*. Сюда же относится и выражение предшествования (перфектности) лексическими средствами при простой форме прошедшего времени: ср. *ða. Ne mētte hē ær nān ȝebūn lānd.—Не встречал он до этого никакой населенной земли*,— где факт предшествования выражен не формой глагола, а словом *ær*. В этом отношении заслуживает внимания употребление сочетания глагола *bēon/wesan* с причастием 2-ым непереходного глагола в следующем предложении: *Hīe wæron on lānde of āȝāne*. По внешнему виду это сочетание напоминает

более позднюю форму перфекта (непереходные глаголы обычно сочетались не с глаголом *habban* *иметь*, а с глаголом *wesan/bēon* *быть/бывать*), но такому истолкованию препятствует форма дательного падежа существительного *lānd*, которая заставляет понимать *on lānde* как *на земле*, а не *на землю* (см. § 232), а тем самым все предложение как *Они были на земле «ушедшими»*, а не *Они ушли на землю*.

В общем представляется возможным заключить следующее: в древнеанглийском языке было определенное количество сочетаний служебных или полуслужебных глаголов с формами причастия и инфинитива, но ни одно из этих сочетаний, хотя и выделявшихся своей частотностью употребления, окончательно с простыми словоформами не сблизилось и рассматриваться в качестве аналитической (составной) формы не может. К числу подобных сочетаний, стоявших лишь на пути превращения в аналитические (составные) формы, относились следующие:

1. Сочетание служебных глаголов *wesan/bēon* и *weorðan* с причастием 2-ым переходных глаголов > будущий страдательный залог.

2. Сочетание служебного или полуслужебного глагола *habban* с причастием 2-ым переходных глаголов и глагола *wesan/bēon* с причастием 2-ым непереходных глаголов > будущие перфектные формы.

3. Сочетание полуслужебного глагола *willan/sculan* с инфинитивом глагола > формы будущего времени.

4. Сочетание служебного глагола *bēon/wesan* с причастием 1-ым глагола > формы длительного вида.

Перечисленные четыре типа сочетаний были в разной степени близки к простым словоформам.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

§ 231. Подлежащее древнеанглийского предложения всегда характеризовалось именительным падежом, выступающих в этой функции слов:

Done nāman ānne wē lufodon — *То имя одно мы любили.* — (wē — им. пад., подлежащее).

Sē cuninȝ hēt lānȝ scīpu timbran. — *Король приказал строить большие (длинные) корабли.* — (sē cuninȝ — им. пад., подлежащее).

Кроме того, указания на субъект имелись и в формах согласования сказуемого (формах числа и лица): On fēawum stōwum wīciad̥ Finnas. — *В некоторых местах живут финны.* — (wīciad̥ — мн. число, согласующееся с множественным числом подлежащего Finnas; единственное число было бы wīcað).

Характерной чертой древнеанглийского языка, сравнительно с современным английским, являлась возможность отсутствия подлежащего в предложении:

Ср. þā Finnas, him þūhte, and þā Beormas spræcon nēah ān ȝeþēode. — *Финны, ему казалось, и пермяки говорили почти на одном языке.* (Во вводном предложении him þūhte отсутствует подлежащее).

ПОЯСНЕНИЯ

§ 232. Кроме подлежащего и сказуемого, древнеанглийское предложение имело различные пояснения: дополнение, обстоятельство и др. Дополнения могли быть беспредложные и предложные, однако, в отличие от современного языка, беспредложные дополнения встречались значительно чаще ввиду того, что древнеанглийская морфологическая система была более развитой: ср. *да.* Hē bād westanwindes. — *Он ждал западного ветра,* — где дополнение westanwindes оформлено родительным падежом. Обстоятельства, как и в современном английском языке, были выражены предложными сочетаниями и наречиями. Однако, в отличие от современного языка, большую роль в древнеанглийском играли падежные формы слов, выступающих в функции обстоятельства. С одной стороны, после предлогов in, on, ofer и др. падежная форма существительного уточняла общее значение предложного словосочетания (ср. *да.* on lānd *на землю* и on lānde *на земле*, где предлог выражал от-

ношение лишь в общем виде, а падежная форма винительного или дательного падежей уточняла это отношение: винительный падеж указывал на движение, обозначенное предлогом, а дательный падеж на определенное местоположение; также и в остальных случаях); с другой стороны, в древнеанглийском для выражения обстояательства широко использовались падежные формы существительного без предлога: ср. *да. ealne wez всю дорогу, постоянно* (вн. ед.); ср. также *да. řū ilsan zēage в том же году* (дт. — тв.).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 233. Определение в древнеанглийском языке в случае если оно было выражено прилагательным или каким-либо иным адъективным словом (адъективным местоимением, некоторыми числительными, причастием и т. д.) обязательно согласовывалось с определяемым словом в роде, числе и падеже: ср. *да. zōdum dæze хорошему дню*, где существительное и прилагательное оба имеют форму дательного падежа единственного числа, а прилагательное также указывает и на род существительного. Отличительная особенность древнеанглийского языка состояла также в том, что прилагательное и другие адъективные слова имели две системы форм согласования с определяемым существительным — так называемое сильное и так называемое слабое склонение (см. §§ 196—199). Кроме того, определения в древнеанглийском могли выражаться предложными сочетаниями: *mānn mid ānum ēaze человек с одним глазом*. Однако подобное выражение определения было значительно более редким, чем в современном языке.

ПОРЯДОК СЛОВ

§ 234. В древнеанглийском языке был свободный порядок слов. Однако под свободным порядком слов ни в каком случае не следует понимать совершенно одинаковую возможность любого расположения членов

предложения. В языках со свободным порядком слов, как например в русском, существует обычная последовательность членов предложения, а свобода порядка слов дает в этих языках возможность лишь некоторого отступления от обычной последовательности. Для древнеанглийского языка такой обычной последовательностью была последовательность—подлежащее + сказуемое + дополнения + обстоятельства; при этом определение обычно предшествовало определяемому слову. Свобода слов в древнеанглийском, т. е. возможность некоторого отступления от обычной последовательности, использовалась для выражения направления связи между словами — для выражения течения мысли: ср. *ða. būton on fēawum stōwum stysce-mælum wīciad Finnas*, где последнее место подлежащего Finnas определяется тем, что оно является словом, которое вводит новое в данном высказывании.

СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 235. В древнеанглийском языке, когда он только что получил письменную фиксацию, сложно-подчиненные предложения были неразвитыми. Почти полностью отсутствовали специальные слова для соединения придаточных предложений. В качестве подчинительных союзных слов использовались указательные наречия, которые употреблялись в относительном значении в придаточном предложении и повторялись нередко в указательном значении в начале главного: ср. *ða. þā hē þās ānðsware onfēnȝ, þā onȝon hē sōna sinȝan* — *Когда он тот ответ получил, тогда начал он вскоре петь*. Таким образом, употребление указательного местоимения в качестве союза не только не дифференцировало придаточное и главное предложения, но само должно было быть отграничено от употребления указательного слова в указательном значении. В этой неразвитости сложно-подчиненного предложения никак нельзя усмотреть, как это делает датский лингвист Отто Есперсен, результат неразвитости мышления носителей языка. Дело не в

неразвитости мышления, а в том, что пока английский язык имел только устную форму существования, придаточные предложения были в меньшей мере необходимыми: та или иная мысль высказывалась лицу, непосредственно присутствующему, знакомому с ситуацией: главное от неглавного помогали отделить интонация, жесты и т. д. Когда же изменились условия существования языка, после того как язык получил письменную фиксацию, потребовалось дифференцировать главное и неглавное в мысли структурными особенностями предложения.

Развитие сложно-подчиненного предложения отразилось, повидимому, и на использовании порядка слов в предложении. Поскольку при употреблении указательных наречий в функции подчинительных союзов и союзных слов придаточные предложения по внешнему виду ничем не отличались от главного, где могли встречаться те же указательные наречия, но уже в относительном значении, для дифференциации придаточных и главного предложений было выработано правило, согласно которому сказуемое в придаточном предложении относилось на последнее место, а в главном предшествовало подлежащему (ср. приведенное выше предложение).

УПРАЖНЕНИЯ

1. Объясните соответствия в ударных гласных между следующими древнеанглийскими словоформами и словоформами других германских языков:

а) *да. etan есть* (инфинитив) || *г. itan*; — *да. beran нести* || *г. baíran*; — *да. niman брать* || *г. niman*; — *да. wind ветер* || *г. winds*; — *да. dohtor дочь* || *г. dauhtar (да. -or < *-ōr)*; — *да. wurdon стали* || *г. waúrþun (да. -on < -un)*; — *да. sum некий, некоторый* || *г. sums*; — *да. word слово* || *г. waúrd*; — *да. ʒold золото* || *г. gulþ*; — *да. buʒon склонились* || *г. bugun (да. -on < -un)*; — *да. ofer над, через* || *г. ufar*.

б) *да. hwæt что* || *ди. huat*; — *да. маʒан мочь* (инфинитив) || *г. magan*; — *да. маэ могу* || *г. mag*; — *да. hānd рука* || *г. handus*; — *да. sǫnʒ песнь* || *г. saggws, двн. sang, -нс*; — *да. cwōmon прибыли* || *г. qēmun*; — *да. æton (сѣ)ели* || *г. ētun*; — *да. маэ родич* || *г. mēgs*; — *да. маʒас родичи* || *г. mēgōs*.

в) *да. dēop глубокий* || *г. diups*; — *да. dēaf глухой* || *ди. daufr*; — *да. sāwl, -wol душа* || *г. saiwala*; — *да. ēadiʒ блаженный* || *г. audags*; — *да. tēon < *tēohan влечить, влечь(ся), тянуть(ся)* || *г. tiuhan*; — *да. fāh цветной, пестрый* || *г. -faihs*.

г) *да. healdan держать* || *г. haldan*; — *да. weorðan становиться* || *ди. verða*; — *да. sceal должен* || *г. skal*; — *да. bearn ребенок, дитя* || *г. ди. barn*; — *да. helpan помогать* || *г. hilpan, двн. helfan*; — *да. healp помог, помо-*

гал || г. halp, двн. half; — да. ziefan *давать* || ди. gefa, двн. geban, г. giban; — да. zeaf *дал, давал* || ди. г. gaf, двн. gab; — да. ceald *холодный* || г. kalds; — да. (норт.) iorre *гневный* || г. airzeis *сбитый с толку, введенный в заблуждение*; — да. weaxan *расти, делаться* || двн. wahsan; — да. seolh *тюлень* || двн. selah; — да. feallan *падать* || двн. fallan; — да. feorr *далеко* || г. faírra.

д) да. ende *конец* || г. andeis; — да. zyldeu *золотой* || г. gulpeins; — да. hebban *поднимать* || г. hafjan (да. -bb- < *b + *j); — да. siehp *видит* || г. saíhvíp, двн. sihit; — да. eofor < eofur *вепрь, кабан* || двн. ebur; — да. hwæte *пшеница* || г. hwaiteis; — да. ziernan *желать, добиваться* || г. gaírnjan; — да. cwēn *жена, королева* || г. qēns; — да. siolfor, siolufr *серебро* || г. silubr; — да. wyrcau *делать, вырабатывать* || г. waírkjan.

е) да. swíp *сильный, действенный* || г. swinps; — да. ēst *милость* || г. ansts (i-основа); — да. þencan *думать*, прош. вр. þōhte || г. þāhta; — да. fīras *люди (поэтич.)* || двн. firhiā; — да. mæden *девушка, дева* || двн. magatīn; — да. hwā *кто* || г. hwas; — да. slēan *бить* || г. slahan.

ж) да. hwæl *кит* || ди. hualr; — да. sweltan *умирать* || г. swiltan; — да. numen *взятый* || г. numans; — да. bēaƷ *кольцо* || ди. baugr; — да. stāndan *стоять* || г. standan; — да. sincan *погружаться, опускаться* || г. singqan; — да. sēoc *больной* || г. siuks; — да. slæp *сон* || г. slēps; — да. draƷan *тащить* || ди. draga; — да. āp *клятва* || г. aips; — да. cwene *женщина* || г. qinō; — да. hord *сокровище* || г. huzd; — да. nōmon *взяли, брали* || г. nēmun; — да. hafoc *ястреб* || двн. habuh.

з) да. bend *связь, узы* || г. bandi; — да. ze-līefan *верить* || г. ga-laubjan; — да. tēah *влачил, влек(ся), тянул(ся)* || г. tauh; — да. nēah *близко, около* || г. nēhv; — да. sēon *видеть* || г. saíhvan, двн. sehan; — да. heard *твердый, крепкий, жесткий* || ди. harðr; — да. wesau *быть* || г. wisan; — да. wæs *был* || г. was; — да. caru, sorƷ *печаль* || г. kara, saúrga; — да. māniƷ < māneƷ *многий* || г. manags; — да. mete *пища* || г. mats (mati-); — да. māra *большой* || г. maíza; — да. hūsl *жертвоприношение (хри-*

стианское) || г. *huns*; — да. *wēpan* плакать || г. *wōrjan* вопиять, кричать; — да. *efen, efn* ровный, равный || г. *ibns*; — да. *brinzan* принести, приносить || г. *briggan*; — да. *bohte* оплатил, купил || г. *baūhta*; — да. *cunnan* знать, уметь || г. *kunnan*; — да. *cūþ* известный || г. *kunþs*; — да. *līehtan* светить || г. *liuhtjan*; — да. *mihtiȝ*. мощный || г. *mahteigs*; — да. *bidðan* молить, прош. *bæd* || г. *bidjan*, прош. *baþ* (да. -dd- < *ð + *j); — да. *zeos* ярмо, иго || г. *juk*; — да. *hēah* высокий || г. *hauhs*.

2. Объясните соответствия в безударных гласных между следующими древнеанглийскими и готскими словоформами:

да. *hete* ненависть || г. *hatis*; — да. *heoru* меч || г. *haírus*; — да. *unwēnunza* неожиданно || г. *unwēningō*; — да. *feolu* много || г. *filu*; — да. *laðar* приглашает || г. *larōþ*; — да. *hād* образ, способ, состояние || г. *haidus*; — да. *ȝylden* золотой || г. *gulþeins*; — да. *nime* (он) брал бы || г. *nimai*; — да. *ȝiest* гость || г. *gasti-* (в *gasti-faþs* хозяин, «гостей господин»); — дт. ед. да. *sunu* сыну, *handu* руке || г. *sunau, handau*; — да. *winter* зима || г. *wintrus*; — да. *siȝe* победа || г. *sigis*.

3. Определите, какие из следующих словоформ являются древнеанглийскими, и укажите, на каком основании возможно такое определение:

а) *aih, āh* владею; — *sēoc, siuks, siukr* большой; — *vāpn, wāpen, wēpn* оружие; — *mūþ, munþs, mund* рот; — *daufs, daufr, dēaf* глухой; — *waírpan, werpan, weorpan* бросить, бросать; — *dælan, deila, dailjan* делить; — *wierman, warmjan, wermen* греть; — *akr, akrs, æcer* поле; — *mēnoþs, mōnaþ, mānōd, mānaðr* месяц.

б) *bridða, þriði, þridja* третий; — *nerien, nasjan, nerian* спасать; — *hort, hord, huzd* сокровище; — *laþōða, laðode, ladōta* приглашал; — *brynja, byrne, brunjō* броня; — *hōn, hāhan* вешать; — *skaban, scaban, scafan* скреп-сти, брить, срезать; — *word, orð, wort* слово.

4. Образуйте соответствующие древнеанглийские словоформы на основе следующих словоформ других германских языков с учетом фонетических особенностей древнеанглийского:

а) вн. ед. г. *wig*, двн. *weg*, ди. *veg* *путь*; — вн. ед. г. *wēg*, двн. *wāg*, ди. *vāg* *волна*; — г. двн. ди. *barn* *дитя*; — г. *guma*, двн. *gomo*, ди. *gumi* *муж, мужчина* (в безударном слогe в да. -а); — г. ди. *kann* *умею, знаю*; — г. *laus* *пустой, праздный, лишенный*, ди. (ж. р.) *laus*; — г. ди. *salt*, двн. *salz* *соль*; — г. *haitan*, двн. *heizan*, ди. *heita* *звать, называть, велеть*; — г. *dragan*, двн. *tragan*, ди. *draga* *тащить*; — г. *liugan*, двн. *leogan* > *liogan*, ди. *liūga* *лгать*; — г. *dal*, двн. *tal* *дол, долина*; — г. *leīfu* *крепкий напиток*.

б) г. *hazjan* *прославлять*; — г. *leihvan*, двн. *līhan* *предоставлять, давать взаймы*; — г. *-laibjan* *оставлять*; — г. *kunps*, двн. *kund* *известный*; — г. *ubils*, двн. *ubil* *злой, дурной*; — г. *-wakjan*, двн. *wecken* *будить*; — г. *huggrjan*, двн. *hung(a)ren* *голодать*; — г. *-gildan*, двн. *geltan* *возмещать, платить*; — г. *gairnan*, ди. *girna* < **gernian* *желать, стремиться к*; — г. *mahteigs*, двн. *mahtig* *могущественный*.

5. Укажите, в каких из нижеприведенных случаев звуковые особенности древнеанглийских словоформ выходят за пределы общих характерных фонетических особенностей древнеанглийского языка и чем они в каждом из этих случаев объясняются:

да. *þurh* *через*, г. *þairh*; — да. *bitor* (< **bitr*) *горький, «кусающий»*, г. *baitrs*; — да. *brēost* *грудь*, г. *brusts*; — да. им. вн. мн. *dēor* *звери, животные*, г. *diuza*; — да. *cuman* *приходить*, г. *qīman*, двн. *quemān*; — да. *swene* *женщина*, ди. *kona*; — да. *hīeran* *слышать*, г. *hausjan*; — да. *swīf* *сильный, здоровый*, г. *swīnps*; — да. *findan* *находить, найти*, г. *finþan*; — да. *wæron* *были*, г. *wēsun* (они) *были*; — да. *wesan* *быть*, г. *wisan*; — да. *hunzor*, -er *голод*, г. *hūhrus*; — да. *þwēan* *мыть*, г. *þwahan*, двн. *dwahan*; — да. *tredan* *стунать*, г. *trudan*; — да. *tōþ* *зуб*, г. *tunþus* (двн. *zand*).

6. Какие из следующих слов, сложных по происхождению, уже нельзя считать сложными в древнеанглийском языке и почему:

frēondlīc дружеский (frēond друг + līc тело; ze-līc похожий, подобный)

zēarlīc ежегодный (zēar год + līc — см. выше)

swelc такой (swā так + līc — см. выше)

hwelc какой, который (hwā кто + līc — см. выше)

māniſfeald многочисленный, разнообразный (māniſ много + feald складка; fealdan складывать)

hlāford господин, лорд (hlāf хлеб + weard хранитель)

hlāfdīze госпожа (hlāf хлеб + *dīze женщина, которая месит хлеб)

weorold мир (wer муж, воин + *ealdi век, поколение)

mūnuchād монашеская жизнь (mūnuc монах + hād состояние, ранг)

zaderſcīpe супружество (zaderian собирать; scīpe положение, ранг)

zebēorſcīpe пирушка (zebēor гость + scīpe положение, ранг)

wīsdōm мудрость (wīs мудрый + dōm судьба, приговор, власть, слава, состояние, положение)

hālīzdōm святость (hālīſ святой + dōm — см. выше)

æbreca нарушитель верности (æ верность; brecan ломать)

nēalæcan приближаться (nēah близко + læcan подпрыгнуть, подкяться)

yrfenuma наследник (yrfe наследство; nīman брат)

wītenazemōt название народного собрания у англо-саксов (wīta мудрец + zemōt собрание)

nēahzebūr сосед (nēah близкий + zebūr крестьянин)

7. Определите по возможности форму подчеркнутого слова:

þrīe Scottas cōmon tō Ælfrēde cyninſe on ānum bāte.
On þāem bāte wæron þā men ofslæzene.

Hie zedydon on ānre westre ceastre on Wirhealum.

Maniȝe þāra sēlestena cynȝes þēna (=þeȝna) forþfērdon on þāem þrīm ȝēarum.

Fuhton on þā burȝ ealne dæȝ.

Him þā āðas swōron on þām hālȝan bēaȝe.

8. Можно ли из данных словосочетаний определить полностью форму слова:

Beraþ þā men hyra scyru ofer land on þā meras.

Hēr tōdæalde se here on tū.

Mon heora mæȝas ær on þāem londe slōȝ.

Hē hēt ātimbran þā burȝ on sūþ healde þære ēas.

Hē on fæstre stōwe lēt sum his folc.

СПИСОК ЗНАКОВ

> «стало», «развилось в»

< «развилось из»

+ «плюс», «с», «с последующим»

|| вводит этимологические параллели в других языках; при знаке || сокращение «ср.» указывает на отсутствие прямой связи между словом и его этимологическими параллелями; связь в этом случае отдаленная или существующая лишь между отдельными компонентами, а не словом в целом.

[] Заключает знаки фонетической транскрипции.

() Две круглые пустые скобки указывают на значащее отсутствие звука — нулевое окончание, слабый звуковой вид корня и т. д.

| означает, что приводимое является лишь

частью слова, причем отсутствующей частью (или частями) является соответствующая часть (или части) предыдущего полного варианта или полной формы слова. Отсечение слова знаком | производится между гласным и согласным (или наоборот), но никогда между двумя гласными или двумя согласными. Так, *caru*, |*e* = *caru*, *care*; *ziefan*, |*y*| = *ziefan*, *zufan* и т. д.

/ «или», «и»; указывает, что оба слова, сокращения и т. д., между которыми стоит данный знак, входят в сочетания с другими словами, сокращениями и т. д.: + *вн./дт.* = + *вн.*, + *дт.*

? «возможно», «не вполне достоверно»; всегда стоит перед словом, со-

кращением или значком, к которому он относится; например: ? из кельтск. = «возможно, заимствован из кельтских языков»

- * употребляется для предположительных или восстановленных сравнительно-историческим методом слов и форм слов.

« » заключает дословный перевод, слова, представляющиеся не совсем обычными

1, 2, 3 и т. д. указывают на классы глаголов; 1, 2, 3 с последующим л. и ед. или мн. — на соответствующие лица единственного или множественного числа.

СОКРАЩЕНИЯ

<i>англ.</i> = английский	<i>м.</i> = мужской род
<i>англск.</i> = англский	<i>межд.</i> = междометие
<i>вн.</i> = винительный падеж	<i>мест.</i> = местоимение
<i>г.</i> = готский	<i>мн.</i> = множественное число
<i>герм.</i> = германский	<i>на.</i> = новоанглийский
<i>гл.</i> = глагол.	<i>нареч.</i> = наречие
<i>греч.</i> = греческий	<i>наст.</i> = настоящее время
<i>д-</i> = древний (в составе сокращений)	<i>непер.</i> = непереходный
<i>да.</i> = древнеанглийский	<i>нем.</i> = немецкий
<i>двн.</i> = древневерхненемецкий	<i>пад.</i> = падеж
<i>диал.</i> = диалектный	<i>поздн.</i> = поздний
<i>древн.</i> = древний	<i>пер.</i> = переходный
<i>дс.</i> = древнесаксонский	<i>прев.</i> = превосходная степень
<i>дт.</i> = дательный	<i>предл.</i> = предлог
<i>дфризск.</i> = древнефризский	<i>прил.</i> = прилагательное
<i>ед.</i> = единственное число	<i>прист.</i> = приставка
<i>ж.</i> = женский род	<i>прит.</i> = притяжательный
<i>ие.</i> = индоевропейский	<i>прич.</i> = причастие
<i>им.</i> = именительный падеж	<i>прош.</i> = прошедшее время
<i>инф.</i> = инфинитив	<i>рд.</i> = родительный падеж
<i>лат.</i> = латинский	<i>ранн.</i> = ранний
	<i>рун.</i> = рунический

русск. = русский
с. = средний род
са. = среднеанглийский
санскр. = санскрит
ск. = скандинавский
слб. = слабый
слн. = сильный
см. = смотрите
совр. = современный
слав. = славянский
сосл. = сослагательное на-
клонение

ср. = сравните
сравн. = сравнительная сте-
пень
сев. = северный
стфр. = старофранцузский
суфф. = суффикс
сущ. = существительное
фр. = французский
тв. = творительный падеж
числ. = числительное
шв. = шведский
шотл. = шотландский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	5
§ 1. Задачи книги	5
§ 2. О соотношении синхронии и диахронии	5
§ 3. Сравнительно-исторический метод	8
 <i>Глава I — АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК, ЕГО МЕСТО В ГЕРМАНСКОЙ ГРУППЕ ЯЗЫКОВ</i>	
§ 4. Место английского в германской группе языков	12
§ 5. Английский и фризский языки	12
§ 6. Распространение английского языка	13
§ 7. Местные варианты английского языка	13
 <i>Глава II — ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК</i>	
§ 8. Место английского языка древнего периода в герман- ской группе языков	17
§ 9. Выделение древнеанглийского языка в самостоятель- ный язык и его периодизация	18
§ 10. Диалекты древнеанглийского языка	20
 <i>Глава III — КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА</i>	
§ 11. Краткая характеристика древнеанглийского периода .	22
§ 12. Краткая характеристика среднеанглийского периода .	23
§ 13. Краткая характеристика новоанглийского периода . .	26
 <i>Глава IV — ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ</i>	
§ 14. Прозаические памятники древнеанглийского периода .	28
§ 15. Поэтические памятники древнеанглийского периода . .	31

Глава V — СТИХОСЛОЖЕНИЕ

§ 16. Общая характеристика поэтических памятников . . .	33
§ 17. Ударение	34
§ 18. Аллитерация	35
§ 19. Различие между западногерманским и скандинавским стихосложением	36

Глава VI — ГРАФИКА И ЗВУКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ

§ 20. Особенности состава древнеанглийского латинского алфавита	38
§ 21. Дополнительные знаки древнеанглийского латинского алфавита	39
§ 22. Звуковые значения древнеанглийских латинских букв .	39

Глава VII — ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 23. Виды древнегерманского письма	46
§ 24. Руническое древнегерманское письмо	46
§ 25. Руническое англо-фризское письмо	51
§ 26. Происхождение рунического письма	53
§ 27. Вульфилианское готское письмо	54
§ 28. Латинское письмо	54
§ 29. Состав древнегерманского латинского алфавита . . .	55
§ 30. Формы латинского письма	58
§ 31. Островное и континентальное латинское письмо . . .	59

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава VIII — УДАРЕНИЕ

§ 32. Система древнеанглийского ударения	61
--	----

Глава IX — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 33. Характер древнегерманского ударения	63
§ 34. Место древнегерманского главного ударения	64
§ 35. Последствия изменения ударения в германских языках	66
§ 36. Ударение в словах с приставкой	67

Глава X — КОНСОНАНТИЗМ

§ 37. Система согласных древнеанглийского периода	70
---	----

Глава XI — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 38. История простых (кратких) смычных p, t, k, фрикативных f, s, [ç], плавного l, носовых m, n, [ŋ] и полугласного w	74
§ 39. История простых (кратких) фрикативных f, [ç] и [β](> v), фрикативного и полугласного [j] и плавного r	75
§ 40. Происхождение древнеанглийских двойных (долгих) смычных pp, tt, kk, фрикативного ss, плавных ll, rr и носовых mm и nn	75
§ 41. Происхождение древнеанглийских двойных (долгих) смычных bb, dd, gg	76
§ 42. Происхождение двойных (долгих) фрикативных ff, rr и [çç]	76
§ 43. Происхождение простых (кратких) звонких смычных b, d, g	77
§ 44. Превращение β, *ð, ç после носовых согласных	77
§ 45. Звуки [β] и *ð в начальном положении	77
§ 46. История старого *ð	78
§ 47. Звук r из *z	78
§ 48. Процесс ротацизма	79
§ 49. Отпадение конечного ġ	83
§ 50. Метатеза r	89
§ 51. Удвоение согласных перед [j]	89
§ 52. Удвоение согласных перед сонорными	91
§ 53. Древнеанглийские двойные (долгие) согласные из двух простых (кратких)	91
§ 54. Происхождение древнеанглийских палатальных согласных	92
§ 55. Условия палатализации согласных	93
§ 56. Палатализация небного в сочетании [sk]	94
§ 57. Палатализация [ç] перед зубными согласными	94
§ 58. Древнеанглийский звук h из [ç]	95
§ 59. Звонкие фрикативные согласные в результате озвончения глухих	95
§ 60. Древнеанглийские глухие фрикативные согласные из звонких	96
§ 61. Согласные, исчезнувшие в древнеанглийском	97
§ 62. Согласные в старом исходе слова	97

§ 63. Носовые перед фрикативными	98
§ 64. Звук w и старый полугласный [j].	98
§ 65. Слияние начального w с отрицанием ne	99
§ 66. Исчезновение старого полугласного [j] перед ударным гласным	99
§ 67. Вокализация w и [j] в конце слога после согласного или ударного гласного	101
§ 68. Звук [g] перед w	101
§ 69. Звук [h] внутри слова	101
§ 70. Другие случаи исчезновения звука [h]	101
§ 71. Звук [j] перед d, n	101

Глава XII — ВОКАЛИЗМ

§ 72. Система древнеанглийских гласных звуков	102
§ 73. Гласные в ударных и неударных слогах	102
§ 74. Гласные i и u в безударных слогах	103
§ 75. Гласные a, o, u в срединном безударном слоге	104
§ 76. Гласные æ и œ	104
§ 77. Дифтонги ie и iē	104

Глава XIII — БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ

§ 78. Фонематический состав древнеанглийских безударных гласных	106
---	-----

Глава XIV — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

§ 79. Старые гласные	108
§ 80. Древнеанглийское o из *ū и древнеанглийское u из *ū в одних и тех же условиях	109
§ 81—84. Древнеанглийские гласные в результате повышения старых гласных	110—113
§ 85—87. Древнеанглийские гласные, возникшие под влиянием носовых согласных	113—116
§ 88. Общая палатализация звука ā	116
§ 89. Развитие дифтонгов в связи с палатализацией	116
§ 90. Развитие ā из дифтонга *ai	117
§ 91—95. Древнеанглийские дифтонги в результате преломления гласных	117—120

§ 96—97. Древнеанглийские <i>ǣ</i> и <i>ǣ</i> в результате веляризации <i>ǣ</i> и <i>ǣ</i>	120—122
§ 98—99. Древнеанглийские дифтонги, возникшие под воздействием предшествующих палатальных согласных	122—123
§ 100—102. Древнеанглийские палатальные гласные и дифтонги в результате палатальной перегласовки	124—126
§ 103—105. Древнеанглийские дифтонги и простые гласные в результате велярной перегласовки	127—129
§ 106—107. Происхождение дифтонгов <i>eo</i> и <i>io</i>	130
§ 108. Древнеанглийское <i>e</i> в прошедшем времени сильных глаголов	131
§ 109. Древнеанглийские долгие гласные в результате выпадения носовых согласных	132
§ 110. Древнеанглийские долгие гласные из кратких в исходе слова	132
§ 111—112. Древнеанглийские долгие гласные и дифтонги в результате выпадения <i>h</i> и <i>ʒ</i> [<i>j</i>]	133—134
§ 113. Древнеанглийские долгие гласные и долгие дифтонги в результате стяжения двух слогов в один	134
§ 114. Общая характеристика происхождения безударных гласных	136
§ 115—117. Древнеанглийские безударные гласные из старых кратких	136—139
§ 118—119. Древнеанглийские безударные гласные из старых долгих (одновершинных)	140—143
§ 120. Древнеанглийские безударные гласные из старых сверхдолгих (двухвершинных).	144
§ 121—122. Древнеанглийские безударные гласные из старых дифтонгов и из сочетаний гласных с гласными и полугласными	144—145
§ 123. Древнеанглийские безударные гласные в результате вокализации полугласных	146
§ 124—126. Эпентетические гласные	146—147
§ 127—128. Гласные, исчезнувшие в древнеанглийском	147—148
§ 129. Краткие гласные в прочих случаях и сократившиеся долгие	149
§ 130—131. Звуки <i>i</i> и <i>u</i> из кратких гласных и из долгих в исходе слова	150—151
§ 132. Краткие гласные из старых долгих внутри слова	151
§ 133—136. Гласные предударных слогов	152—154

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

Глава XV —

§ 137. Общие проблемы древнеанглийской лексики . . .	155
§ 138. Количественный состав древнеанглийской лексики . . .	155
§ 139—145. Структура слов и словообразование . . .	159—166
§ 146—150. Словоупотребление	170—175

Глава XVI — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 151. Общие проблемы.	177
§ 152. Заимствования	179
§ 153. Заимствования из латинского и греческого . . .	180
§ 154. Заимствования из славянских языков	186
§ 155. Заимствования из кельтских языков	189
§ 156. Заимствования из неизвестных языков	193
§ 157—163. Старый лексический фонд древнегерманских языков	194—202
§ 164—166. Распределение этимологических параллелей по языкам германской группы	203—205

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Глава XVII — МОРФОЛОГИЯ

§ 167. Общие проблемы	207
§ 168. Состав категорий	207
§ 169—170. Структурные особенности образования форм	209—210
§ 171. Система имени	213
§ 172. Состав категорий системы имени	213
§ 173—176. Особенности выражения грамматических категорий в системе имени	216—219
§ 177. Склонение основ на -o	220
§ 178. Склонение основ на -jo	222
§ 179. Склонение основ на -wo	223
§ 180. Склонение основ на -ā	224
§ 181. Склонение основ на -jā	225
§ 182. Склонение основ на -wā	225
§ 183. Склонение основ на -in/ā	226
§ 184. Склонение основ на -i	226
§ 185. Склонение основ на -u	228

§ 186. Склонение основ на -n	229
§ 187. Склонение основ на -g	330
§ 188. Склонение основ на -nt	231
§ 189. Склонение основ на -s	232
§ 190. Склонение корневых основ.	232
§ 191. Пережиточные типы корневых основ	233
§ 192. Местоименное склонение.	234
§ 193. Указательные местоимения.	235
§ 194. Вопросительные местоимения	237
§ 195. Склонение местоимений 1-го и 2-го лица	237
§ 196. Склонение прилагательных.	239
§ 197—198. Сильное склонение прилагательных	239—241
§ 199. Слабое склонение прилагательных	241
§ 200. Образование степеней сравнения прилагательных	242
§ 201. Состав категорий системы глагола	244
§ 202. Система спряжения глагола	247
§ 203. Сильные глаголы	250
§ 204. Первый класс сильных глаголов	251
§ 205. Второй класс сильных глаголов	252
§ 206. Третий класс сильных глаголов	253
§ 207. Четвертый класс сильных глаголов.	254
§ 208. Пятый класс сильных глаголов	255
§ 209. Шестой класс сильных глаголов	256
§ 210—211. Седьмой класс сильных глаголов	257
§ 212. Спряжение сильных глаголов	258
§ 213. Слабые глаголы	260
§ 214. Первый класс слабых глаголов	260
§ 215. Второй класс слабых глаголов	262
§ 216. Третий класс слабых глаголов	263
§ 217. Спряжение слабых глаголов	264
§ 218. Претерито-презентные глаголы.	265
§ 219. Глаголы beon и wesan.	269
§ 220. Глагол Ʒān	270
§ 221. Глагол dōn	271
§ 222. Глагол willan	272

Глава XVIII — ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 223. Древняя структура слова	273
§ 224. Состав категорий системы имени	274

§ 225. Особенности склонения	277
§ 226. Состав категорий системы глагола	280
§ 227. Система спряжения	283

Г л а в а XIX — СИНТАКСИС

§ 228. Общие проблемы	287
§ 229. Сказуемое	288
§ 230. Аналитические (составные) формы	290
§ 231. Подлежащее	296
§ 232. Пояснения	297
§ 233. Определения	298
§ 234. Порядок слов	298
§ 235. Сложно-подчиненное предложение	299
<i>У п р а ж н е н и я</i>	301
<i>С п и с о к з н а к о в</i>	307

Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ 1719.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ИПО “Лев Толстой”,
г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.